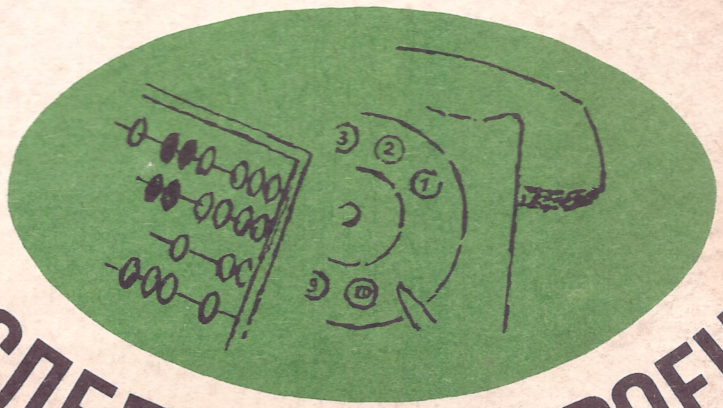
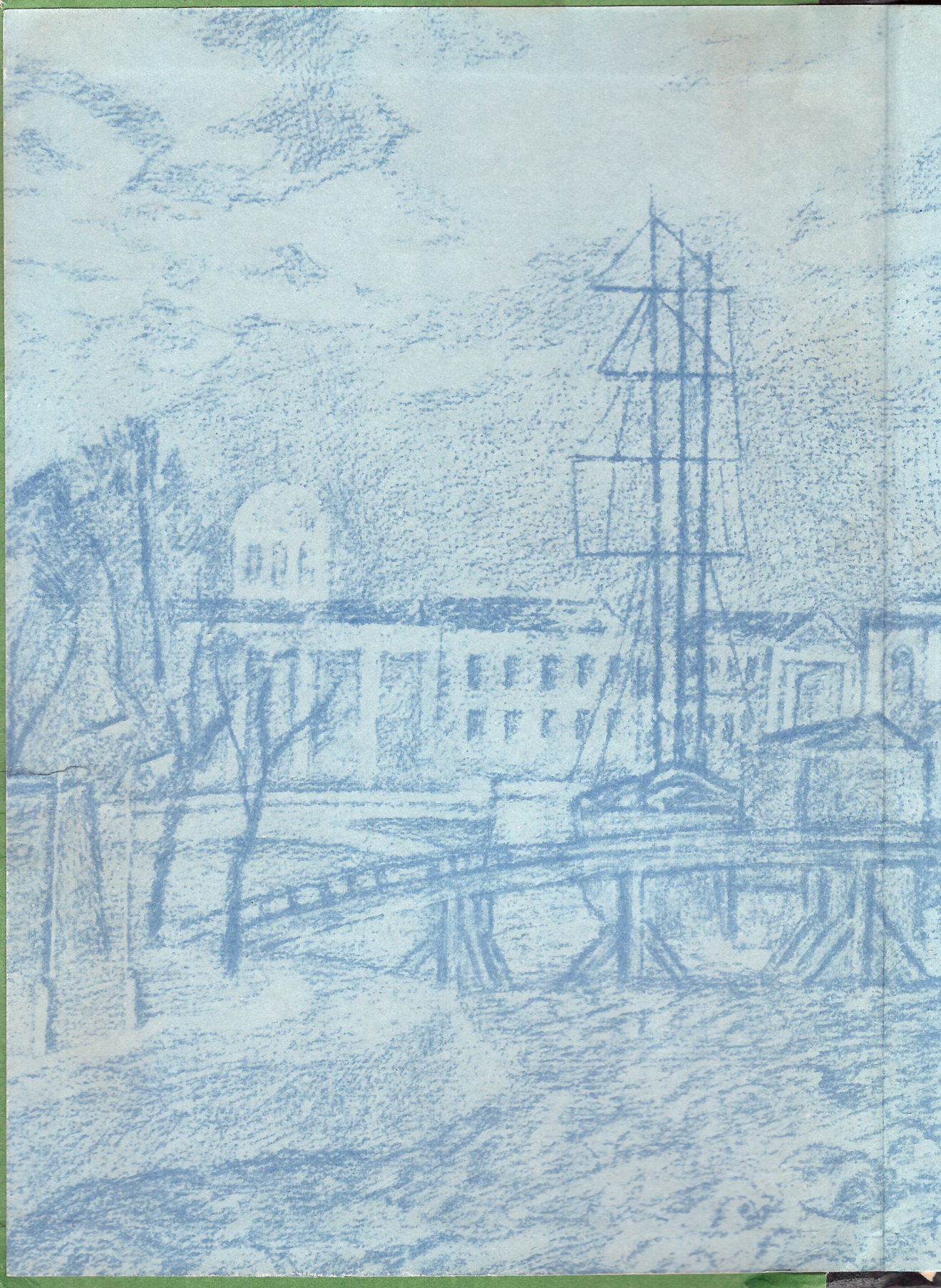
ВАДИМ КРУГОВОВ



ПОСЛЕДНЕЕ ПОСТРОЕНИЕ



ВАДИМ КРУГОВОВ

ПОСЛЕДНЕЕ ПОСТРОЕНИЕ

ПОВЕСТЬ

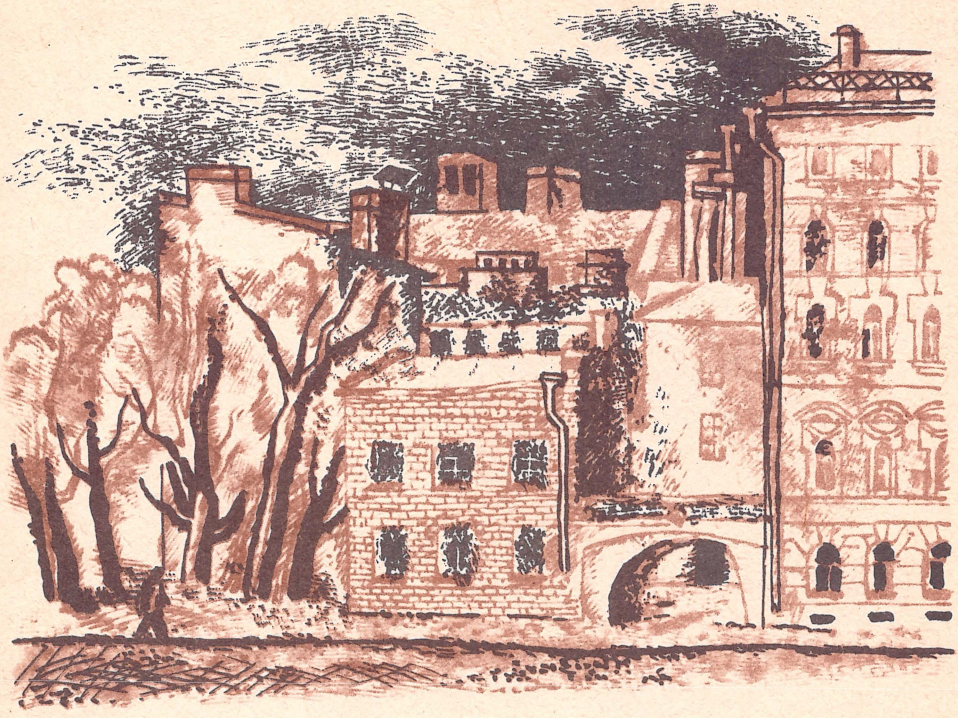
ЛЕНИНГРАД
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1985

Р 2
К 84

Рисунки и оформление
О. Титова

4803010102—112
К———————276—85
М101(03)—85

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1985 г.



ПАРТНЕРЫ

В помещении бухгалтерии жилищно-эксплуатационной конторы тихо и уютно. Стены оклеены обоями с голубыми незабудками и зелеными листочками. За столом работает Пантелеймон Михайлович — старший бухгалтер. Другой стол свободен.

Пантелеймон Михайлович в черных шелковых нарукавниках, белой рубахе с черным галстуком. Он сидит прямо, чуть откинув голову с седой шевелюрой. Лицо у него длинное, с глубокими морщинами. Справа, на стене, висят счеты с перламутровой инкрустацией по раме. На полочке под счетами вазочка с оранжево-красными ягодами рябины, давно высохшими. Пантелеймон Михайлович крутит ручку арифмометра и списывает показатели в длинную ведомость. Когда надо передохнуть, он смотрит в окно. Там, за двойными стеклами, шагают и шагают ноги прохожих. А если есть чуточку больше времени, он открывает зеленый железный ящик и, просматривая в нем бумаги, светлеет лицом.

Однажды дверь энергично распахнулась. На пороге встала краснощекая, с квадратной фигурой женщина. Она еще не произнесла ни слова, ни звука, но было ясно — начальница! Из-за ее спины в помещение заглядывал молодой человек: шуба мехом наружу, мягкая поросль над верхней губой и на подбородке; ироническая улыбка, выражение лица выдавали характер общительный, насмешливый.

Женщина небрежно махнула на него рукой и сообщила Пантелеймону Михайловичу:

— Принимай кадру. Со школьной скамьи сняла. Посей что надо до призыва в армию.

— Для кого надо? — поинтересовался молодой человек.

— Для общества и для тебя лично.

Женщина бросила на «кадр» деловой взгляд и вышла.

Пантелеймон Михайлович приставил очки к глазам, церемонно кивнул, назвал свое имя и отчество.

— Здравствуйте, — поздоровался молодой человек и сообщил: — Виктор Шатурнов. Закончил десятилетку с математическим отклонением. Жду повестку из военкомата, чтобы исполнить гражданский долг, поумнеть там и не вернуться сюда. Поэтому для вас кадр текучий, который обременять себя не станет. Будем партнерами.

— Шубу можете повесить в шкаф. Там есть плечики. За тем столом ваше рабочее место.

— О, телефон есть!

— Для служебных разговоров.

Шатурнов снял шубу, повесил ее в шкаф и сел за стол. Спросил:

— И давно здесь?

— Всю жизнь. Отлучался на время войны, — не поднимая взгляда от ведомости, ответил Пантелеймон Михайлович.

— Ого! Так неблагоприятно сложились обстоятельства?

— Что вы имеете в виду?

— Ну, война помешала, родители не смогли дать образование, — Виктор неопределенно покрутил рукой, — да мало ли что могло быть. Обстоятельства штука серьезная.

— Понял вас, юноша. Нет, мне ничего не мешало быть здесь.

— Понятно, вопрос нетактичный, замнем его, — великодушно заявил Виктор и спросил: — Так с чего начнем трудовую деятельность?

— Подсчитайте итог, — попросил Пантелеймон Михайлович и протянул младшему бухгалтеру лист, испещренный цифрами.

— Сделаем. Сложение мы проходили.

В течение нескольких дней спина Пантелеймона Михайловича была несколько прямее, чем до прихода нового сотрудника.

Однажды зазвонил телефон. Виктор схватил трубку и засмеялся:

— Есть контакт! Да, это я в собственном соку. Работаю... Коллектив? — Смотрит в затылок Пантелеймона Михайловича. — Коллектив у нас дружный и здоровый... Вчера Димку встретил. На голове шляпа с такими полями, что ног не видать... Он устроился в счетно-решающий центр. Промывает спиртом дырки в перфолентах... Ярослав? Тот блеснул золотой медалью и влетел на физмат. У тебя-то как?.. Ты меня знаешь. Мне или все, или ничего... С генами у меня порядок, а вот с мыслями хуже: формулы жизни еще не вывел... Говоришь, коллектив у тебя веселый? У меня тоже... В нашей организации с этим сложнее... Нормальная организация: проблемы, испытания, НОТ и высокая ответственность... Нет, нет, к нам так просто не войдешь. У нас сложная пропускная система. Стерильность абсолютная. Прежде чем попасть на рабочее место, проходим шлюзовую камеру и переплываем хлорированный бассейн... Да, — Виктор вздохнул, — угодил на передовой рубеж научно-технического прогресса. Сижу,

как говорится у нас, на брустверe. Даже телефонные аппараты со специальным фильтром. Чтобы постороннее дыхание не проникало. Ну пока, до встречи. — Виктор положил трубку.

— Юноша, вы говорили около семи минут рабочего времени, — заметил Пантелеймон Михайлович.

— Наверстаю.

— Работа не спорт. В ней главное ритмичность, а не рывки. Она же без финиша.

Виктор слушал главного бухгалтера внимательно и с усмешкой. Он предполагал, что станет объектом воспитания, что морали будут читаться со знанием дела и часто.

В окно постепенно входит луч солнца. Он уютно располагается на подоконнике и полу.

Поработав, Виктор поднял руки вверх, помахал кистями и произнес:

— Между прочим, Пантелеймон Михайлович, зря вы принижаете роль спорта. Нынче спорт приносит большой доход.

— Я этого не отрицаю, — согласился Пантелеймон Михайлович.

— Сейчас на полях Белоруссии идут большие работы для спорта.

— Возможно. Нынче много строят разных спортивных комплексов, — снова согласился Пантелеймон Михайлович.

— Да нет же! — Виктор небрежно отпихивает бумаги на столе и сообщает: — Урожай богатый снимают для спорта.

— Какой урожай, молодой человек, в январе?

— Снежный. — В наступившей тишине слышен топот в коридоре, громкие голоса. Виктор повысил голос:—Мы поставляем в Западную Европу первоклассный, рассыпчатый, крупнохлопковый снег.

— Снег?! — Пантелеймон Михайлович даже очки снял.

— Да, да, — кивнул головой Виктор. — Там, за рубежом, снег растаял. Срываются крупные соревнования. Дельцы с ума сходят.

— Конечно, природа еще властвует...

— А чтобы не властвовала, мы продаем снег.

— Но позвольте, он же растает в вагонах?

Виктор с укором покачал головой и объяснил недогадливому шефу:

— А его по нефтепроводу, как пневмопочту, переправляют. Катыши закатывают и сжатым воздухом толкают: экономно, быстро, удобно. Первые катыши, естественно, были грязными и ничего не стоили, зато чистые пошли за чистое золото.

Пантелеймон Михайлович опустил голову к бумагам, полистал их и через некоторое время сказал:

— Ваш снег, юноша, так сказать, дальний. А вот ближний, в нашем хозяйстве, наносит большой материальный ущерб, если его вовремя не сбросить с крыш, не убрать с тротуаров и проезжей части. Проверьте, пожалуйста, наряды мастера Зубкова. Если им верить, территория наших кварталов в городе выглядела бы сплошным сугробом, балконы отвалились бы, не будь в нашей конторе мастера Зубкова.

Виктор взял пачку нарядов, из стеллажа вытянул толстый справочник и засел проверять наряды трудолюбивого мастера Зубкова.

В понедельник он вытащил из портфеля гантели и начал делать упражнения. Он делал их долго и старательно. Пантелеймон Михайлович молчал, и это устраивало Виктора.

— Ноги болят, — сообщил он. — После вчерашнего похода в лес.

Пантелеймон Михайлович оторвал взгляд от бумаг, откинулся на спинку стула, снял очки и мечтательно произнес:

— Наверно, хорошо было в лесу. Искрился снег на лапах елок. Стояла тишина. Вчера ведь светило солнце.

— Все было именно так! — обрадовался Виктор. — Жаль, грибов маловато собрал.

— Каких? — удивился Пантелеймон Михайлович.

— Сыроежек, — спокойно ответил Виктор.

Пантелеймон Михайлович надел очки и внимательно осмотрел сотрудника.

— Не верите, — обиделся тот.

— Допускаю, что я мыслю консервативно, но ведь всему существует предел. Гриб — существо нежное и сложное...

— Странные у вас аргументы. По ним выходит, что я не ходил в лес и не набрал в нем корзину сыроежек.

— В лесу глубокий снег...

— А вот не везде! Есть место, где земля теплая круглый год и над ней пар, как крыша в оранжерее. Грибы там растут без помех.

— Отчего же там земля теплая?

— Магистраль с горячей водой недалеко от поверхности. — Виктор посмотрел в окно и задумчиво произнес: — Одно непонятно: почему у сыроежек в ножках такие дырки, что мяса нет?

— Юноша, в ваших грибах ничего, кроме дырок, нет потому, что на дворе морозы, мясистость и вымерзла.

— Вы прирожденный генетик!

— Что вы, я всего лишь старый человек, который не может бегать за грибами на лыжах, — скромно ответил Пантелеймон Михайлович и поинтересовался, что с нарядами Зубкова.

— Проверять их так трудно, что я вынужден был принести гантели. Кажется, он любит пускать деньги в трубу.

— В экономике, молодой человек, слова «кажется» не существует, — напомнил старший бухгалтер ЖЭКа, поправил нарукавники и энергично прокрутил вал арифмометра.

Виктор склонился над нарядами Зубкова. Просчитывая их и сверяя с нормами, он бормотал: «Из заработной платы, начисленной Лавреневу, удержаны: подоходный налог — девять рублей восемьдесят копеек, налог на холостяков — шесть рублей семьдесят восемь копеек. Сумма аванса, выданного в первую половину месяца, — сорок рублей».

— Пантелеймон Михайлович! С балконами непорядок. Выходит по нарядам, что все балконы домов нашего ЖЭКа отвалились бы, но мастер Зубков, будто атлант, удерживает их постоянным капитальным ремонтом. Хотелось бы взглянуть на этого атланта.

— Юноша, вы экономист. Вам незачем смотреть на лица. Пусть на них смотрят художники и писатели. Вы должны смотреть на цифры. Они порой говорят о людях лучше, чем портреты. И еще посоветую: обследуйте, пожалуйста, балконы. Они в большей степени подвержены атмосферным осадкам. Обратите внимание, вскрывались изоляционные слои или нет. В нарядах написано, что вскрывались. Это очень важно узнать.

— Для кого? — Виктор вышел из-за стола и подошел к Пантелеймону Михайловичу. — Для кого важно? Мне, конечно, узнать не трудно. Хоть все балконы города обследую! Но только не говорите, что это важно для меня. Я временный у вас. Меня скоро призовут, и тю-тю. Как говорит мой отец, до седла конь — жеребенок, до армии парень не мужчина.

На обследование он потратил два дня и вернулся в контору усталым и наполненным впечатлениями. Чтобы не выплескивать их сразу, помолчал. Потом ему позвонила Лиза. Он поговорил с ней о судьбах одноклассников с математическим отклонением и закончил разговор так:

— Теперь, Лизавета, нас ничто не объединяет с ними. Мы вышли на разных остановках. У каждого свой город, свои кинотеатры и рабочие места. И не надо заниматься реанимацией, не нужна реанимация. Мы начали новую жизнь, и с ней придут новые друзья... Я говорю не о нас. Мы — особая тема для разговора... У меня, к счастью, нет интереса к чему-либо, ведущему и уводящему. Я хочу стать профессиональным дилетантом во всех отраслях знаний: науке, технике, философии, искусстве. Дилетант! Какое звучное и красивое слово. Дилетант не обязан своими знаниями учебному заведению. Он берет их в жизни и, если хочет, забывает. У него одна обязанность — интересоваться. Талант — это одержимость. Дилетант его противоположность. И не уговаривай меня быть гением. Не хочется. Вечером в кино пойдем? Лады.

Он положил трубку на аппарат. Стал внимательно изучать Пантелеймона Михайловича. А когда тот повернулся к нему, пожаловался:

— Ну и командировку устроили. Устал от общения. Особенно в квартире сто пять досталось. Там живет мужчина в пижаме арбузной расцветки. В прихожей у него театральная вешалка с номерками и садовая скамейка. В углу стоит уличный фонарь и светит ртутным светом. При входе в кухню аппарат газированной воды. Мы покурили, стряхивая пепел и поплевывая в уличные урны. Сидели на отвинченных в автобусах креслах. Комната была забита казенным имуществом. Он пожаловался, что живет тесно. Скоросшиватель некуда поставить. Я пообещал содействие в расширении метража. Он налил мне за это двадцать граммов технического спирта и поинтересовался, как дела в ЖЭКе с белилами. Я пообещал. Потом он захотел узнать о городах будущего. Я рассказал. Проиллюстрировал современный танец. Он схватился за голову от избытка информации. Схватив с вешалки в прихожей номерок, я побежал к вам.

Виктор протянул Пантелеймону Михайловичу номерок. Тот взял его, осмотрел и спросил:

— А балконы?

— Липовые наряды. Капитальных работ Зубков не проводил.

Преимущество работы перед учебой в том, что после работы не надо делать уроков. В распоряжении человека две трети суток! И у Зубкова тоже две трети. Интересно: куда их употребляют приписчики? Наверное, на чтение литературы о нравственности. Такое предположение развеселило Виктора. Он смотрел на своего начальника и улыбался. Начальник был похож на седого гусака с нарукавниками на крыльях.

— Молодой человек, — серьезно сказал начальник, — в приписках Зубкова ничего веселого нет. Мы по долгу службы перевоплощаем конкретный труд в денежное исчисление. Так сказать, делаем перевод конкретного труда в абстрактный...

— Мы с вами абстракционисты!

— ...И если нам выдают неверные исходные данные, мы получаем искаженную картину действительности, передаем эту картину дальше, и наши плановые органы дают нам же, на основе наших данных, нереальные планы. Зубковы путают нас. Делишками они мешают планировать, осуществлять задуманное.

— Я пацифист! — объявил Виктор и поднял обе руки.

— А что такое «пацифизм»? — строго спросил Пантелеймон Михайлович.

— Это... это что-то вроде терпимости. Да, да, я очень терпим! Люди всякие нужны, иначе было бы скучно. Давайте будем узкими специалистами. Ведь дворник за погоду не в ответе.

Пантелеймона Михайловича огорчило такое простодушие. Виктор, безусловно, будет хорошим бухгалтером. Только не знает еще, что любого специалиста украшают убеждения. Без убеждений специалист похож на крота, ослепшего от любви к земле. Поэтому Пантелеймон Михайлович решил сейчас же выложить все свои козыри, пусть юноша задумается.

Он подошел к заветному архиву — железному ящику, открыл его и вытащил папку с названием: «Улица Бармалеева». Папка была нетолстой. Пантелеймон Михайлович развязал тесемки, и перед Виктором появились фотографии и рисунки старых петербургских домов.

— Молодой человек, это дома, мимо которых вы ходите ежедневно. Они не шедевры архитектуры, их создавали мастера меньшей величины, но это наш город, его лицо. Во дворах вы сможете увидеть превосходные флигели, интересные интерьеры, на лестницах — витражи, мозаику, оригинальные чугунные решетки, составляющие облик нашего города.

И вот, представьте себе, один жилец в нашем районе установил в своей квартире новую ванну, а старую, чугунную, спустил по мраморным ступеням с четвертого этажа. Быть пацифистом, как выразились вы? Или штрафовать? По-моему, ответ однозначный — штрафовать, наказывать, учить жестко, если люди в наш двадцатый просвещенный век не сумели дорасти до уважения национальной культуры.

Пантелеймон Михайлович был неузнаваем. Виктор с удивлением слушал и не мог не согласиться с человеком, так старательно собирающим материалы о каменных домах. И было как-то необычно слышать от бухгалтера слова вроде: «русский классицизм», «ренессанс», «модерн».

Виктор взял другую папку с заголовком: «Петропавловская крепость». Открыл ее и прочел вырезку:

«...Кто имел удовольствие побывать на берегах Невы хоть раз, никогда не забудет неповторимые ансамбли его строгих площадей, улиц, бесчисленных садов и парков, раскинувшихся на сорока островах.

И среди этой роскоши архитектуры в памяти путешественника навсегда запечатлеется островной ансамбль знаменитой Петропавловской крепости, излом «одетых камнем» ее бастионов, с вонзившейся в небо сияющей иглой собора.

Золотым блеском сияет игла. А ведь иглу-колокольню надо время от времени не только золотить... И знатоки истории Петербурга вспомнят в этой связи немало интересного.

...1830 год. Под многолетним напором балтийских ветров постепенно накренилась фигура ангела, держащего крест на верхушке Петропавлов-

ского шпиля. Сама починка его стоила бы недорого, но за возведение лесов вокруг колокольни, — а без лесов взобраться немыслимо на 120-метровую вышину! — подрядчики заломили огромные деньги.

И вдруг, на удивление всем, нашелся человек, взявшийся в одиночку (!) и, что самое удивительное, без помощи лесов подняться на вершину шпиля и произвести необходимый ремонт ангела-флюгера. (Взгляните, читатель, если вы будете у Крепости: ангел Петропавловской колокольни всегда показывает направление ветра. Не будь ангел флюгером, сильный ветер сломил бы верхушку колокольни.)

Звали смельчака Петром Телушкиным. Это был искусный и известный петербургский кровельщик из казенных крестьян Архангельской губернии.

Сначала предложение Телушкина было всеми названо сумасбродным. И больше всех над Петром потешались подрядчики, среди которых было немало иностранцев. Те даже всерьез потребовали определения русского кровельщика в сумасшедший дом. Однако земляк Ломоносова оказался настойчив и сумел добиться согласия на свою «безумную» затею.

Было ясно, что этим незаурядным человеком двигали главным образом патриотическое желание посрамить иностранцев-подрядчиков и мужество, свойственное русским рабочим. Да, видать, и смекалкой был наделен российский умелец...

Осенью мастер приступил наконец к самой беспримерной работе, которая и сейчас — в век высочайшей техники — вызывает восторженное восхищение».

Дальше рассказывалось, как Телушкин долез до ангела по спирали из веревки, произвел ремонт и прославился не только в России, но и за ее пределами.

— Заметьте, юноша, — произнес Пантелеймон Михайлович, — работы производились при жизни Александра Сергеевича. Поэт нигде не отразил подвиг Телушкина, и понятно: Россия широка по событиям, всего не отразишь. Мы же с вами, как работники коммунального хозяйства, обязаны знать историю своего профессионального дела.

Пантелеймона Михайловича смутил собственный пафос, и, чтобы не показаться смешным стариком, он уложил папки в свой архив и пообещал как-нибудь рассказать о своей системе поиска нужных материалов. Попросил, протягивая Виктору деловую папку:

— Распутайте, пожалуйста, дело с рамами. Бригадир Зубков получил сто оконных рам. Все сто рам были установлены. Однако что-то не нравится мне в его нарядах и отчетах.

Виктор два раза просчитал наряды и в конце дня заявил:

— Вы слишком подозрительны. Зубков рядовой труженик. Образования не хватит у него заниматься подлогом. Сто рам получил — сто рам установил. Чего же тут подозревать?

Пантелеймон Михайлович снял очки, протер стекла бархоткой, сказал:

— Каждое дело, Виктор, имеет свой источник. Наш источник — заявки жильцов. Мы работаем на них. Поэтому вы должны были начинать дело с заявок. Кто просил заменить трухлявые рамы и выполнил ли просьбу Зубков?

Тут и началось! У Виктора даже дух захватило: одни жильцы просили заменить трухлявые рамы, а новые почему-то вставляли другим. Почему?!

— Сообразил! Кто Зубкову на лапу давал, тот и новые рамы получал. Верно, Пантелеймон Михайлович?

— Зубков провел операцию гораздо сложнее.

Пантелеймон Михайлович хотел, чтобы Виктор сам понял махинацию Зубкова, поэтому сделал вид, что очень занят работой, даже несколько раз выходил из бухгалтерии с какими-то бумажками.

Виктор провел беспокойную ночь. Ему снилось, что Зубков играл с ним в пятнашки. Догнать Зубкова было невозможно, слишком профессионально он прыгал с крыши на крышу.

Утром Пантелеймон Михайлович обратил внимание Виктора на справки техника-смотрителя. Там указывалось, что бригада Зубкова большинство новых рам установила взамен хороших.

— Зачем?!

— Нынче большое строительство на приусадебных участках вокруг города. А дом, даже малый, без оконных рам не дом. Зубков эту истину знает. Он списал хорошие рамы как негодные и продал их. Много новых рам стоит там, где могли бы еще послужить вполне добротные старые. Вот так Зубков обманул жильцов и вас, младший бухгалтер Шатурнов.

Виктор быстро рассчитал бизнес Зубкова, и цифры показали, что ЖЭК понес убыток в две с половиной тысячи. Бригадир же Зубков «нашел» тысячу сто рублей. Вероятно, «нашел» он не один, с кем-то поделился, но это была функция другого органа — расследовать, сколько человек погрело руки на рамах. Суббота и воскресенье оказались рабочими для Виктора. Он не знал, что думать о Зубкове. В понедельник спросил шефа, куда девать расчеты с подлогом Зубкова.

Пантелеймон Михайлович спокойно ответил:

— Если вы уверены в расчетах, поставьте подпись и передайте их мне. Я тоже поставлю подпись и отправлю документ дальше. Учтите, поставив подпись, вы несете полную ответственность...

— Но все же правильно!!

— Тогда, пожалуйста, дайте документ. — Пантелеймон Михайлович протянул руку.

Виктор колебался. А вдруг Зубков хороший человек? Может быть, он вложил деньги в строительство детского сада? А может быть, в его семье трагедия и деньги понадобились, чтобы спасти жену и детей? И он попросил:

— Разрешите еще раз проверить?

— Пожалуйста, — разрешил Пантелеймон Михайлович и углубился в свои документы.

Считая, Виктор произнес:

— Равнодушный вы человек! Вас ничего не интересует, кроме бухгалтерии.

— Почему же, у меня есть в жизни кроме бухгалтерии еще три интереса.

— Какие? — удивился Виктор.

— Надежда, Вера и Любовь. Это мои дети.

— Жаль, что среди них нет Пети.

— Какого?

— Зубкова.

— Ах, вы об этом? Ну-ну, молодой человек...

И снова в бухгалтерии стало тихо. Бизнес Зубкова не вдохновлял на шутки. Несколько раз Пантелеймон Михайлович выходил и возвращался сосредоточенный и сверх меры подтянутый.

Виктор вспомнил, как выпрашивал у родителей сестренку. Но родители смеялись и жаловались на маленькую жилплощадь. Не понимали, что ему с сестренкой хватило бы места под столом. Он вдруг вскочил, вытащил гантели и стал лихорадочно делать упражнения. После упражнений сел, отдышался и сообщил:

— Жениться хочу.

— Если полюбили, женитесь.

— Надоело провожать.

— Это не повод.

— После свадьбы рядом будет. И лучше разберемся друг в друге.

— Тогда будет поздно...

— Развестись никогда не поздно...

Пантелеймон Михайлович посмотрел на шагающие ноги в окне. Изредка откуда-то с карниза срывались первые капли, извещающие о ранней весне. Сверкнув, они ударялись об асфальт и, наверно, замерзали на нем. А голос Виктора звучал:

— ...С другой стороны, боюсь. Начнется с утра: «Милый, доброе утро. ты хорошо спал? Вставай, хватит валяться. Иди на заработки. Какое солнечное утро! Что? Зачем рубль? Хороший обед стоит шестьдесят копеек. Комплексный. Сорок копеек на пачку сигарет?! Кстати, давно хотела, ради твоего здоровья, запретить тебе курить. Ты и так плохо выглядишь. Я вышла за тебя, чтобы сделать из тебя эталон мужчины. И для этого ты должен ограничить свои расходы. Привыкай. Нам необходимо купить многое и понадобится... еще больше». Ради таких бесед не хочется жениться. Если сейчас она едет через весь город посмотреть на мои черты, то вблизи они ей скоро надоедят.

Пантелеймон Михайлович снял со стены счеты с перламутровой инкрустацией, положил их на стол, занес руку и начал:

— Допустим, что ваш семейный бюджет будет составлять сто восемьдесят рублей.

— Так мало?

— Сумма ваших карманных денег, — щелкая на счетах, говорил Пантелеймон Михайлович, — должна составлять не более сорока копеек.

— Так мало!

— Для вашего семейного бюджета будет выгоднее приносить бутерброды из дома. Можно и термос с борщом.

— Это я должен ходить с авоськой и термосом? Никогда!

— Молодожены обычно начинают с маленького семейного бюджета, поэтому важную роль должна играть экономика. Она, юноша, залог вашего здоровья, красоты и продвижения по служебной лестнице. — Пантелеймон Михайлович указал на счеты: — Я подсчитал среднюю сумму ваших расходов. В нее вошли стоимость хлеба, булочек, мяса, картофеля, одежды, обуви и так далее... вплоть до цветов на день рождения...

— Простите, но такие подсчеты унижают. После них не остается любви. Вы знаете, что поет по этому поводу Алла Пугачева: «Все могут короли, все могут короли...». Меня перестанут любить девушки, если я буду таким дотошным, как вы.

— Жить по средствам — самое необходимое качество человека. Оно вас не подведет и не поставит в неловкое положение.

— Вы не бросили на счеты главное — духовное родство, общность интересов, красоту и обаяние жены.

— Разве может быть красивой плохая мать? Какие могут быть интересы у женщины, постоянно занимающей и отдающей долги? В таком случае и о духовном родстве не приходится говорить. Как видите, даже в эту щепетильную область супружеских отношений вторгается экономика.

— Но это же все расчеты, расчеты! Меня не будут любить за это девушки.

— Девушки — да. Но вы забыли, что женаты.

На час в конторе воцарилась тишина, нарушаемая стрекотом арифмометров и шуршанием листов бумаги. Где-то в коридоре звучали голоса, хлопали двери. Там решались конкретные вопросы жизни, а на арифмометрах решалась стоимость этих вопросов. Стоимость записывалась в ведомости, обобщалась, делилась на категории сложности, вливалась, и получались прибыли, расходы, отчислялись суммы на поощрения, чтобы позже, через месяц, квартал, год, так или иначе отразиться на судьбах людей, обрадовать или огорчить их в зависимости от того, много или мало они принесли прибыли государству.

Когда кто-то робко постучался, Виктор, углубленный в расчеты, не услышал стука.

— Приветствую тружеников мозга! — втискиваясь в дверной проем, заговорил Зубков. — Хорошо у вас! А там, — сделал жест рукой за спину, — авралы, инсульты, рекорды и инфаркты. Там гнут железо и психику. А у вас тихо: щелкают счеты, шевелятся извилины. Теплый вы народ, бухгалтеры.

Зубков — само добродушие. Его вздернутый нос говорил о характере озорном, безответственном. Маленькие глазки в пухлых веках выдавали жадность не только к жизни, но и к ее материальным ценностям. Он не переставая улыбался. Он был само обаяние. В жестах его была широта и размах человека рабочего, хозяина крыш, фасадов, начинки старинных домов Петроградской стороны. Он крепко пожал руку младшему бухгалтеру, глубоко заглянул ему в глаза, кивком и улыбкой одобрил фасон бороды и усов, мягких еще, как пух тополя. Спросил, когда Пантелеймон Михайлович, хмурый и деловой, вышел из помещения:

— Шепчут, дедушка на счеты меня положил. — Подмигнул: — Как говорится, один с сошкой, а семеро с электрошкой.

— Между прочим, у дедушки есть имя и отчество и проверяет вас не он, а я.

— Кто бы против! — обрадовался Зубков. — Мы, молодые, оптимистически смотрим вперед. Я пошел. Если что надо, позвони. Любую справку дам, где что достать. Будем в одной джазбанде.

Зубков сделал неловкий взмах рукой, несколько раз подбросил ноги, изображая ритмическое приплясывание, добрался до дверей и многообещающе улыбнулся на прощание: еще встретимся.

Виктор достал папку с делом, вернее, проделками Зубкова. Полистал его наряды и свои расчеты. «Если у Зубкова были особые обстоятельства для таких наглых приписок, пусть доказывает», — решил он, подписал свое заключение и положил на стол Пантелеймона Михайловича.

А через неделю в конторе появился тихий, среднего роста мужчина. Он подошел к Пантелеймону Михайловичу, представился и стал наблюдать, как Виктор приседает с гантелями. Когда главный бухгалтер официальным тоном попросил младшего заняться делом, тот ответил:

— Государству нужны здоровые служащие или нет, Пантелеймон Михайлович?

— Между прочим, товарищ пришел с государственным заданием и в первую очередь к вам.

— Одну минуточку. — Виктор доделал упражнение, сложил гантели под стол. — Теперь я слушаю вас внимательно.

— Следователь БХСС Уваров Юрий Иванович.

— Ого!

— Да, да. Что поделаешь? — устало усмехнулся мужчина и попросил показать для изучения все документы.

Виктор выгрузил из шкафа папки, посмотрел, как у Юрия Ивановича быстро развязались их тесемки и как он быстро стал переворачивать страницы, произнес разочарованно:

— Пыльная, однако, у вас работа. Молоко за вредность дают?

— Покупаю, — что-то вписывая в блокнот, ответил мужчина.

Прошло два часа. Виктор устал от сосредоточенной тишины. Следователь крутил ручку арифмометра.

— Нашли отпечатки пальцев? — полюбопытствовал Виктор.

— Не пальцев, а лап.

Следователь спрятал блокнот в карман пиджака и засмотрелся на шагающие в прядях метели ноги.

— Непривычно видеть следователя с арифмометром.

— Привычнее с пистолетом?

— Ага. Приемы самбо знаете?

— К сожалению, нет, — признался следователь.

— И я тоже, — сообщил Виктор.

— Я недавно в органах.

— Как думаете, что будет с Зубковым?

— Не уполномочен.

— Честно говоря, сомневаюсь, правильно поступил или нет. Все мы человеки. Человек существо противоречивое. Может быть, он дает больше, чем берет? Ведь вкалывает.

Следователь ничего не ответил. Он попрощался с работниками бухгалтерии, еще раз взглянул на метель за окном и ушел в нее.

Слово взял Пантелеймон Михайлович:

— Есть люди, которым трудно закрыть кран с текущей водой, между тем свою бутылку с подсолнечным маслом они затыкают исправно, чтобы не выдохлось. Объявляю вам, младший бухгалтер, устную благодарность и прошу впредь вести себя подобным образом.

— Понял, всегда рад помочь, — усмехнулся Виктор.

Он понимал, что устную благодарность в рамку не вставишь, но все равно было приятно. Хорошее настроение продержалось субботу и воскресенье. Даже на понедельник осталось. Он сбросил шубу и, потирая руки, объявил Пантелеймону Михайловичу:

— Оригинальный город Таллин!

— Вы были в Таллине?

— Лизавета путевку на два дня достала.

— Я освобождал его от фашистов. Улицы там неудобные для орудия. Узкие.

— А сейчас еще уже стали.

— Это почему же? — Пантелеймон Михайлович заинтересовался.

— По закону притяжения тел, — сообщил Виктор. — В Таллине этот закон действует вовсю. Если не приостановить этот закон, город превратится в сплошную окаменелость. Ученые предлагают распирать улицы домкратами. Вот какая проблема.

— Вы, конечно, утрируете. Разумеется, сооружения там древние, возможно, дают крен, как, например, Пизанская башня...

— Вы нигилист! Ученым не верите. — Виктор сделал вид, что обиделся.

Пантелеймон Михайлович натянул нарукавники, с грустью посмотрел в окно и сказал:

— Юноша, у меня больше оснований доверять ученым, чем у вас. Я начал жить в то время, когда люди не знали, что на солнце происходит термоядерная реакция.

— Тогда почему сомневаетесь?

— Ваши годы — это мои прошлые годы. Вы смотрите вширь, и вам хочется, чтобы все сближалось. Я же смотрю в накладные. Проверьте их, — протянул Виктору кипу накладных. — У вас там пять ошибок.

— Вы отметили?

— Зачем? Обнаружите сами.

Виктор с интересом перелистал накладные. Не такая в них высшая математика, чтобы делать ошибки. Прозевал — другое дело. Пантелеймону Михайловичу хорошо, все вопросы жизни решил и ничего, кроме накладных, его не волнует. Скорей бы в армию, там, говорят, за тебя думают командиры и поэтому у подчиненных не бывает ошибок.

Весна! Это видно по обуви прохожих в окне. Вместо сапожек и ботинок замелькали полуботинки и туфли.

Виктор взял гантели и начал лениво делать упражнения. Пантелеймон Михайлович ушел к главному инженеру. После упражнений надел шубу и хотел было идти, как вдруг распахнулась дверь и появился Зубков. Он сиял белыми, редко посаженными зубами.

— Здорово, мозговой центр!

— Здравствуйте!

— Кубатуру купил, блеск!

— Какую? — не понял Виктор.

— Музыкальную. Колонки по всем углам разбросал и слушаю по вечерам роки, твисты и народные мелодии. Красота! А ты как насчет музыки?

— Спасибо, у меня нет.

— Могу достать аппаратуру.

— Долго играет?

— Как поставишь.

— А если на попа?

— Кого? — не понял Зубков.

— Музыку.

— Там четыре колонки...

— А телевизор есть? — перебил Виктор.

— Цветной.

— А кухонный гарнитур?

— Достал. Польский.

— А спальный?

— Ты что, описью занимаешься? — Зубков приблизил лицо к лицу Виктора.

— А дети есть?

— Детей не смешивай! Не смешивай детей. Они мои.

— Гражданин Зубков, я изучил вас по документам. Вы занимались приписками и деньги получили немалые.

— Я рабочим пишу наряды! Рабочим! И в конце концов, любой гражданин имеет право на ошибку.

— Для ошибки существует предельная сумма. Вы ее перешли, предельную. Чтобы ошибок больше не было, вам придется пройти высшие курсы в БХСС. Поздравляю.

Зубков отступил на шаг. Его глазки заметались в пухлых веках.

— Да ты что, волосатик, соображаешь, что говоришь? Подумай о нюансах. — Голос Зубкова наливался яростной злобой: — Я одной рукой согну из тебя такой интеграл, что папа не разогнет и ни одна свалка не примет. Советую: положь мои наряды обратно. В архив. И будешь спать в нормальной позе.

— Вы так думаете?

— Именно так.

— Где?

— Чего где? — оглянулся Зубков.

— Розетка.

— Какая розетка?!

— Черная.

— Голову дуришь? — подступил Зубков.

— Куда?

— Спрашиваю последний раз: положишь наряды в архив?

— Поздно.

— Что поздно?

— Нарядов нет.

— А где они?

— Следователь по вечерам читает.

Зубков нервно порылся в карманах, достал газовую зажигалку, деловито зажег ее и многозначительно показал Виктору пламя. Спросил:

— Старик обучил? В нарукавничках скоро будешь, как он? Учти, если что будет, вспыхнешь, как пух тополя. Пойми меня хорошо, дружок.

— Волнуетесь?

— Парень, я слов на ветер не бросаю. Я сказал правду. Запомни ее. — Зубков медленно поднес зажигалку к подбородку Виктора и с ухмылкой ожидал, когда тот представит свою вспыхнувшую бородку... Неожиданно погасив пламя, он зло рассмеялся и вышел из помещения.

Виктор стоял неподвижно, смотрел не мигая в окно до тех пор, пока не услышал в коридоре голос Зубкова. Тот, видимо, столкнулся с Пантелеймоном Михайловичем и заорал:

— Научил самородка! Расплодилось вас, пенсионеров! Молодых не понимаете. Но они вас заставят. Трубы отопления узлом скручу, шнуры перережу! Покрывайтесь инеем в темноте!

Виктор сел перед телефоном и стал медленно набирать номер. Указательный палец противно дрожал. Даже усилием воли было невозможно приостановить дрожь: физиология не подчинялась.

— Лиза? Привет. Ну что новенького в твоей кладовой?.. А в театральной самодеятельности?.. Дали роль кладовщицы? Эту роль ты сыграешь... Конечно, уверен. Редкое тебе везение: в жизни работать кладовщицей и на сцене исполнять роль кладовщицы. Редкое... Приезжай. Другие жизни отдавали за встречу с любимым, а ты боишься выговора... Только побыстрее. Ты же друг детства.

Он положил трубку и задумался. Пантелеймон Михайлович, заметив состояние сотрудника, двигался тихо и старался не ворошить бумаг...

Она вошла в бухгалтерию бойко. Поздоровалась с Пантелеймоном Михайловичем низким, грудным голосом и покраснела.

Виктор подошел к ней, положил руку на маленькое плечико и сразу же успокоился.

Неожиданно Пантелеймон Михайлович заворочался на стуле, снял шелковые нарукавники, сложил папки и, вопреки правилу, ушел с работы на двенадцать минут раньше.

— Что-то случилось? — спросила Лиза.

— В мой почтовый ящик опустили повестку из военкомата. Я это чувствую.

— В твой ящик повестку не опускали. Можешь не волноваться, — уверенно заявила Лиза.

Виктор посмотрел на нее с недоумением. Присел на край стола и предупредил:

— Мои чувства меня никогда не обманывают.

— На этот раз обманули.

— Откуда такая уверенность?!

— Повестки не опускают в почтовые ящики. Их дают на руки и под расписку.

— Лиза, а ты чего-нибудь не знаешь?

— Не знаю, почему ты вызвал меня. Я же бросила кладовую. А вдруг кому-нибудь понадобятся гвозди, рашпиль или наждачная бумага?

Лиза стояла посередине помещения и упрямо не соглашалась присесть. Она приехала выручать друга. В его голосе было столько печали и надежды... И вот он перед ней, совершенно невредимый.

— Тебя не пугает, что мы не из кремния, а из воды? — спросил он.

— Я знаю, что мы из воды, но какое это имеет значение?

— Прямое. Видишь ли, вода не горит...

— Зато она кипит...

Виктор с радостью перебил ее:

— Вот поэтому и вызвал, что закипел.

Она серьезно потрогала его лоб и покачала головой. Он подошел к ней вплотную, обнял ее и прижался щекой к ее щеке. Она не отталкивала. Она стояла по стойке «смирно» и старалась только реже дышать. Теперь почему-то ей показалось, что повестка в военкомат действительно брошена в почтовый ящик и, значит, Виктор скоро уедет на два года.

На следующее утро Виктор пришел на работу слишком веселый. Он никак не мог сосредоточиться на работе и посматривал на шефа с улыбкой.

— Слышали, — спросил, — под Пулковской горой холодильные номера строят?

— Давно пора. Овощи надо хранить в хороших условиях. Город большой, и для его здоровья они необходимы в любое время года. Вчера, например, купил морковь мягкую, как поролон.

— Я не о том. Я же не сказал: хранилище. Я сказал: номера! Типа гостиничных. Там будут замораживать клиентов, желающих посмотреть далекое-далекое будущее. Фирма «Невские зори» объявила запись. Но никто не записывается. Народ не понял, какой товар ему предлагают. А товар — будущее. Может быть, запишемся?

— Что с вами, Виктор?

— Разморозят нас через сотню лет, а ЖЭКов нет в помине. Что тогда делать станем?

— Тогда зачем нам будущее, если мы не доделали настоящего? — спросил Пантелеймон Михайлович и протер очки.

— Вы гангстер! Убиваете фантазию в зародыше. — И проговорил задумчиво: — Путешествие в будущее всегда волнительно.

— Вы получили повестку из военкомата, — догадался Пантелеймон Михайлович, и лицо его стало торжественным.

— Угадали. Ухожу защищать эти архивы, — сделал широкий жест в сторону шкафов, — эти письменные столы. Только не надо митингов. Я работал скромно и скромно уйду. — Виктор вручил Пантелеймону Михайловичу повестку и выслушал:

— Без всякого сомнения, Виктор Петрович, это путешествие в будущее будет вам на пользу.

— У меня складывается впечатление, что вы и гражданин Зубков радуетесь моему уходу.

— У гражданина Зубкова теперь пару лет не ожидается радостей. Относительно меня, Виктор Петрович, вы ошибаетесь. После вашей демобилизации я буду рад передать весь накопившийся опыт. А это, я вам скажу, самое ценное в жизни человека. — Пантелеймон Михайлович поднялся из-за стола, медленно стянул нарукавники и протянул их Виктору со словами: — Примите, пожалуйста, этот скромный и символический дар.

После того как Виктор принял подарок, он вложил повестку в «Дело», быстро подсчитал и выписал квитанцию на получение денег, сказав:

— У вас теперь очень мало времени на сборы и много дел. Поэтому получите расчет в кассе и передайте мои наилучшие пожелания вашей подруге Лизе.

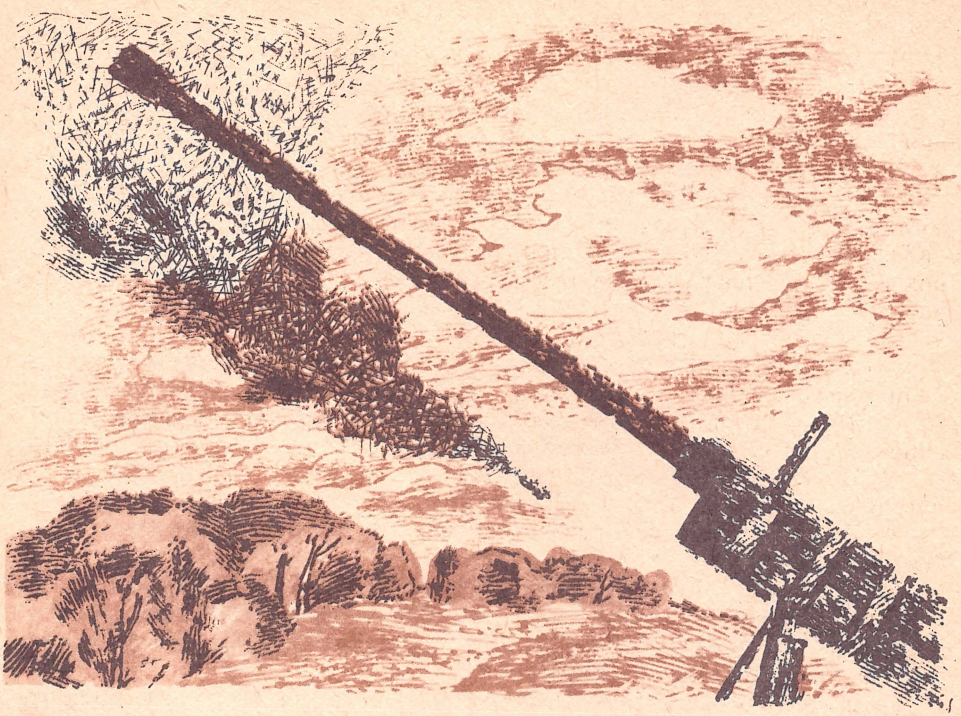
Через месяц в ЖЭК пришло солдатское письмо.

«Здравствуйте, Пантелеймон Михайлович!

Я — воин. Успел увидеть грудь четвертого человека. Это не так мало, как кажется. Требуют здесь чрезмерно. Однако, удивляясь, выдерживаем испытания. Зеленый цвет формы гармонирует с цветом моих глаз после марш-броска на десять километров.

А как ноги? Идут в окошке? Спешу на плац. Жду сообщений о делах в ЖЭКе и о вашей коллекции, что в зеленом железном ящике. Появилось ли там новенькое?

С уважением Виктор Шатурнов».



ЦЕНА ВЫСТРЕЛА

Глава первая

Шесть личностей в шапках-ушанках, серых шинелях и сапогах, бритоголовые, топчут землю плаца.

— Выше ногу! Держать равнение!

— Шатурнов, слушать команду! Раз, раз, раз!

Нас трудностями не запугаешь.

— Расчет, стой! О чем думаете, Шатурнов?

— О жизни, товарищ сержант!

— Лучше подумайте о своем внешнем виде.

Сержант берет отвисшую пряжку моего ремня и проворачивает ее несколько раз.

— Дышать трудно! — докладываю ему.

— Зато грудь видна, — отвечает он невозмутимо.

Я до сих пор не понимаю: почему надо торопиться спать? Подъем — понятно, на случай тревоги. Самолеты противника летят со сверхзвуковой скоростью. Но зачем торопиться спать? Зачем как ошпаренному выскакивать из сапог?!

— Поторопитесь! — командует сержант.

А, черт! Портянка сползла. Она должна обматывать ногу так, чтобы сапог проветривался, а не был заткнут. В армии все продумано!

— Шатурнов, поторопитесь!

Но я не тороплюсь.

— Расчет, подъем! — вдруг командует он.

И улыбается. Присутствие юмора — признак хорошего нрава.

Морошкин кисло морщится. У него пальцы гибкие. Бегают по пуговицам, будто «Камаринскую» играют на баяне. Он укладывал голову на подушку первым. Поэтому первый не выдерживает:

— Слушай, прекрати! Спать хочется. — Это он говорит мне.

Только Каштанов бесстрастен. Он понимает, что творится в моей душе. Он ждет, когда я буду умным, как он. Терпеливый человек, и я его за это люблю.

— Шатурнов, вам не хочется спать? — интересуется сержант.

— Я люблю перед сном сыграть партию в бильярд, — отвечаю кротко.

— Сыграем, — соглашается он и командует расчету: — Отбой!

— Хватит, — гудит Феликс Петров. Ему надоело напяливать и снимать с огромного тела квадратные метры хабэ.

Акулов, наш перворазрядник-спортсмен, лег и благодарно улыбнулся мне. Против такой улыбки не устоишь. Я быстро снял форму, бросился на кровать, как на батут, и закрыл глаза.

— Зачем ты так? — шепотом спрашивает Коля Каштанов.

— Противно. Думал, в ученье, как в бою. А тут сплошная самодеятельность. Кто первый снимет штаны. Тьфу! Какой-то бытовизм. Кстати, а почему ты не пошел в авиацию?

Коля заворочался, засопел. Это его больной, трагический вопрос. Бывает, не получилась мечта и неуютно жить на белом свете.

— Так меня же не взяли в авиацию. Зрение подкачало.

— При чем тут зрение! При чем тут всякие причины! Если есть мечта, иди к ней напролом. Ты мог бы там чинить приборы в самолетах, сопла продувать, бетонную дорожку подметать. Ну как ты мог пойти вместо авиации в зенитную артиллерию! Теперь будешь сбивать свою мечту. Вот что, пиши рапорт. Еще не поздно быть там, где хочешь быть. Иначе я всю жизнь буду скорбеть по тебе.

— Не разговаривать! — голос сержанта.

Коля не прошел в авиационное училище по зрению. Я этого не понимаю! Если бы мне вдруг захотелось летать, — в пенсне летал бы. Но, увы, мне ничего не хочется, кроме пряника. Пряник далеко, в тумбочке. Но сейчас нельзя — увидят. А ночью не проснуться. Сон пряника слаще. Скорей бы завтрак! Организм растет, требует.

А утром до завтрака снова бег — туда и обратно. В любую погоду.

Прижал локти к туловищу, бегу.

Моросит, как из пульверизатора. Второе дыхание у меня наступает обычно в столовой. Бегать свыше десяти километров еще не приходилось и, хочу думать, не придется. Легкие у меня плохие.

— Шатурнов, подтянитесь!

— Рад бы в рай...

— Дышите через нос.

Схожу на обочину шоссе. От усталости грудь раздувается, но воздух в нее почему-то не влезает.

— Каштанов, Петров, возьмите Шатурнова на руки и бегом! — приказывает сержант.

Это уж слишком! Как-нибудь добегу сам.

Наш расчет опаздывает на утренний осмотр из-за меня, и прапорщик выражает недовольство сержанту. Сержант покорно слушает и, отдав честь, подходит к нам и встает в строй.

Прапорщик в блеске значков, нашивок, колодок. Он демонстрирует выправку, оптимизм, улыбку и, конечно же, остроумие. Мы для него послушная рать. Послушная в смысле «послушать». Он догадывается, что нам нужна не только зарядка, но и разрядка. Наши души, как и тело, в постоянном напряжении. Мы здесь только и делаем, что преодолеваем себя. Поэтому прапорщик шутит с нами даже тогда, когда ему не до шуток.

— Сомов?! — Он всплескивает ладонями. — Как вам удается спать стоя? Не прикажете ли подушечки на уши повесить?

— Я же не сплю... — гудит Сомов.

Но цель достигнута! Мы хохочем, как на галерке. Нас радует возможность выхохотаться.

Перед Гариком прапорщик замер и, подметив, как тот морщится от зубной боли, спросил:

— Хорошо болят?

— Качественно болят, товарищ прапорщик! — доложил Гарик.

— И вам не хочется их показать врачу?

— Боюсь.

Прапорщик осмотрел стены казармы и произнес:

— Такого слова они еще не слышали. Они могут покраснеть, и никакой масляной краской их не закрасишь. Как вы, будущий отличник боевой и политической подготовки, могли произнести такое слово! Идите в медпункт и возвращайтесь оттуда красивым. Шагом арш!

И пошел Гарик строевым шагом на собственную казнь.

А прапорщик приближался ко мне, и его цепкий взгляд — работающий взгляд! — противоречил беззаботной улыбке.

Моя грудь ширилась. Самодовольному сердцу билось в ней все легче и легче — я сиял здоровьем, чистотой обмундирования и души.

— Шатурнов, вы меня огорчаете!

— Никак нет!

— Где ваши пуговицы?

— Глядят на вас!

— Ваши пуговицы висят на нитке.

— Я их пришивал.

— Не острите. — Устало: — Наряд вне очереди.

— Есть наряд вне очереди!

После завтрака улучаю момент и прошу сержанта извинить меня. Он удивлен.

Я объяснил:

— Прапорщик вас ругал из-за меня. И будет ругать каждое утро. Вся причина в моих легких. Они у меня слабенькие. Понимаете, у меня совесть проснулась... — Сержант вдвойне удивлен. Ему не верится, что совесть именно так просыпается. — Но и вы немножко виноваты, — говорю вкрадчиво. — Зачем быть таким прямолинейным? Оставьте меня завтра на обочине, а на обратном пути я к вам примкну. Таким образом мы сохраним ваше хорошее настроение. Еще раз повторяю, мои легкие рассчитаны на

езду в автомобиле, а не на бесцельное преодоление бесконечного пространства. Силы организма имеют свой генетический предел. Давайте договоримся, и я вас не подведу. На обочине.

— Я постараюсь, Шатурнов, чтобы вы бегали хорошо, — ответил он примитивно.

За опоздание в строй из курилки я получил наряд вне очереди.

Коля Каштанов тоже получил наряд вне очереди, увлекся гречневой кашей с подливкой. В столовой. И тоже опоздал.

— За что, Коля? Образцовее тебя природа еще не создавала. Значит, наказан несправедливо?

Он молча принес мешок с опилками, вытряхнул опилки на пол и неохотно ответил:

— К сожалению, справедливо.

Он оросил опилки водой из ведра так, будто сделал главное дело в жизни.

— Лесом запахло, — произнес он.

— Через полчаса пóтом запахнет.

Мы подмяли подошвами сапог опилки и стали тереть ими крашеные доски пола, чтобы скоро его снова запачкали грязные сапоги.

— Лучше выметай опилки из щелей. По новой заставят тереть, — указывает Коля.

Напарничек у меня мастер.

Прапорщик запретил ребятам входить в казарму, прошелся по надраенным половицам, пощурился на них, как зритель в картинной галерее, и обратился ко мне:

— Шатурнов, вы делаете успехи.

— Ой, не льстите!

— Серьезно.

— Товарищ прапорщик, должен вас огорчить. Этот шедевр, — указал на пол, — я сделал под руководством Каштанова.

— Вот и чудесно! Наконец-то поверили, что есть люди, достойные командовать вами.

Коля встает дежурить к тумбочке, с ножом на поясе и красной повязкой на рукаве. А я, чтобы сменить его поскорее, топаю по раскисшему от дождей глинозему. К столовой.

Интерьер столовой, как все в армии, без излишеств в архитектурном плане и гастрономическом. Ряды столов, колонны, в торце окно для выдачи мисок и бачков. В окне лицо сытого Морошкина. Он дневалит по кухне: моет котлы, миски, ложки, поварешки.

— Ешь, но с условием, — говорит он, — только за мое здоровье!

Будто каша в миске и пищеблок его собственность.

— Лопай эту кашу сам. Мама с папой привили мне хороший вкус.

— Протянешь ноги, — жалеет он меня.

Родители не забывают меня. Особенно мама. Вскрываю баночку шпрот и с казенным хлебом съедаю деликатес. Овсяное печенье запиваю чаем из пол-литровой алюминиевой кружки.

У дневального преимущество, он может идти из столовой без строя, неторопливо переваривая шпроты.

Перед казармой осматриваю пуговицы, ремень плотно обтянул живот, налитый чаем. Ворот кителя застегнут.

— Почему сапоги грязные? — замечает дежурный.

— Так неблагоприятно сложились пласты земли на территории нашего полка. Они оказались из глинозема, который имеет тенденцию раскисать от дождя...

— Не разговаривать! Почему не насажена швабра?

— Навыка не приобрел еще...

— Не разговаривать! Через полчаса туалет должен быть чистым. О выполнении работ доложите.

— Есть!

У нормальных людей, вернее, рядовых сейчас личное время. Они могут писать стихи, письма, подшивать воротнички, петь и читать.

После уборки невольно хочется покурить.

И сразу же голос дежурного сержанта:

— Почему курите, Шатурнов?

— По привычке.

— Почему уборка не сделана?

— Как не сделана! Я же драил все, что драится.

Он указывает на пол так, будто там невесть что лежит. Всматриваюсь в щель между кафельными плитками и вижу обыкновенную спичку. Чтобы заметить ее, надо иметь соколиный взгляд.

Через несколько дней мое терпение подходит к концу. Чувствую, что надо срочно улепетывать из учебного полка. С меня достаточно. Для рапорта вполне хватит десятилетки с математическим отклонением и года работы в ЖЭКе младшим бухгалтером. Я написал и отправил рапорт немедленно. И на следующий день был вызван к замполиту.

— Товарищ майор, рядовой Шатурнов по вашему приказанию прибыл!

Майор всегда при нас улыбается. Будто все, что он видит, — самодеятельное творчество. Не скрою, улыбка его мне нравится. Наверно, он побывал в таких передрягах, что наши передряги кажутся ему смешными.

— Долго собираетесь шалить? — спросил он.

— Никак нет!

— Служить трудно?

— Трудности меня не пугают. Я их переживу...

— С помощью посылок от родителей, — вставляет он.

— Я переживу трудности без помощи посылок от родителей. Но я обнаружил полную свою неспособность быть командиром. Генералом не смогу быть, а сержантом и подавно. И к тому же у меня с Осининым психологическая несовместимость. Нам вредно быть даже в одном помещении.

Майор встал из-за стола и, поскрипывая сапогами, прошелся по кабинету, снова сел и, не погасив улыбки, заговорил:

— Вас учат быть защитниками Родины, и это, разумеется, дается нелегко. Что стало бы с армией, если бы мы, командиры, не умели воспитывать вас? Вам кажется, что вы слабый, неспособный, а мы обязаны вашу неуверенность в расчет не принимать. Вы не привыкли к духовному и физическому напряжению, мы вас приучим к этому. И пожалуйста, не хнычьте, это некрасиво. И не выпрашивайте снисхождений к своим слабостям, это недостойно. Поверьте моему опыту, из вас сделают хорошего командира. Мы просто обязаны это сделать. Сержанта Осинина вы оцените позже. Обещаю. — Он протянул мне мой рапорт.

Майор вышел из-за стола, прошелся по кабинету, встал передо мной.

— Не люблю много разговаривать. Истины так просты, что неловко повторять их. Вы же знаете, всем лучшим человек обязан труду и совести. Верно? — Он ждал от меня ответа так, будто я замполит, а он рядовой.

— Может быть, вы правы.

— А когда чего-либо не знаете, надо проверить, — ловит он меня на слове. — Я предлагаю вам проверить себя. Мы же со своей стороны поможем. — В его улыбке и голосе появилась таинственная многозначительность. — Можете идти, — разрешает он.

— Да, но...

— Идите, — требует он.

Я щелкнул каблуками. Аудиенция окончена.

— Что он сказал? — поинтересовался Коля, кивнув на дверь кабинета.

— Сказал, что все идет как надо. Сказал, что мы не имеем права быть дохлыми. Пообещал, что добьется от нас всего, что посчитает нужным... И еще он пообещал мне создать персональные бытовые условия. Может быть, это будет личная ванная...

— Да ну?!

— Может быть, это будет спальня или кабинет. Вот ради таких благ я согласился остаться.

Коля поморгал своими куриными веками, посопел, понял и одобрил:

— Вот и правильно, оставайся.

Он мастерил из жести очередную вертушку-ветряк. Наверно, ветряки напоминают ему моторы самолетов, особенно когда с шорохом вращаются на ветру. Он делает ветряки постоянно и прикрепляет их всюду, где есть возможность вбить ось. Ветряки вращаются высоко на перекладине с канатами и шестами, на карнизах продовольственного склада, на заборе, ограждающем территорию полка. Когда ветряков станет много, полк взлетит. Коля человек производительный, потому взлет ожидается скоро.

Глава вторая

Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Мы поем. Сводный хор. Привели в клуб, поставили на сцену и приказали петь. И поем. И еще, может быть, победим соседей по хоровому пению. У меня оказался баритон, у Коли тенор.

Эх, дороги,
Пыль да туман,
Холода-тревоги
Да степной бурьян...

Руководит хором Феликс. Ему обещали отпуск домой за победу над соседями, и поэтому он готов петь за каждого, дирижировать руками так, будто уже летит он в родной Кременчуг.

Раньше, до хорового пения, мне казалось, что весь мир состоит из солистов. Теперь кажется другое...

— Шатурнов, врете! — кричит Феликс.

— А вы обманываете, что вру.

— Слушай, сейчас не до полемики.

— В отпуск торопишься?

— Если не хочешь петь, я отчислю.

— Нет уж, лучше петь, чем опилками пол тереть.

Он взмахивает руками, и наши голоса, слившиеся воедино, звучат, как могучий орган. Орган звучит так, что порой мурашки начинают ползать по спине снизу вверх, а потом сверху вниз.

На «гражданке» я слушал легкую музыку часами. Но слушать — одно, а быть участником хора — другое.

Феликс, конечно, не авангардист. Репертуар его прост. Но ему, видимо, нравится мужской хор. Особенно басы и баритоны. Тенора у него выступают в роли лучей солнца на крепостных стенах или одинокой фигурки Ярославны у монументальной башни.

Итак, полчаса личного времени пропели, остальное уйдет на письма, если получим, на подшивание свежих воротничков, на чтение, на игру в шахматы и домино.

Странная разворачивается картина, когда по распорядку дня личное время. Крутоголовые мужики в белых рубахах сидят и пришивают воротнички. Акимов к тому же латает шаровары. Они у него лопаются на легкоатлетических тренировках. Морошкин, чтобы китель меньше изнашивался, в личное время не надевает его. Пришьет воротничок и сложит китель по всем правилам на табуретке рядом. Однажды Феликс на него сел. Что было!..

— Вить, подскажи, — просит Морошкин и подсовывает под мой нос учебник. На странице — механизм отката орудия в разрезе.

Небрежно объясняю:

— Поршень, сальник, пружина, гидравлическая жидкость. До выстрела... После выстрела... — листаю дальше и привожу его в панику своим знанием материальной части.

— Как ты все запоминаешь? Расскажи! — просит он.

— У меня светлая память.

— А у меня плохая, — признается он.

— Знаю.

— Такая махина! Я с такой техникой еще не сталкивался.

— Столкнешься. Скоро от теории перейдем к практике. Все орудия разберем на части и, если что-нибудь ворона или воробей не унесут, соберем обратно.

— За практику я спокоен, — радуется Морошкин. — Что руки пощупают, то ум вспомнит.

— Э, да таких, как ты, девушки не любят! — говорю ему.

— Каких таких? — живо интересуется он.

— Беспамятливых.

Он смеется и отмахивается от меня:

— Придумаешь!

На пороге казармы встал вестник, любимец богов...

— Налетайте! — крикнул он и высыпал из почтовой сумки на длинный стол конверты, похожие на белые крылья.

Приятно, конечно, весточку взять в руки, распечатать и узнать, что там, за забором полка. Но в любой момент может вбежать дневальный и заорать громко: «Сбор!» И тогда вмиг весточка выпорхнет из памяти.

— Шатурнов, а ты чего не налетаешь? Тебе плясать надо. Смотри, какой брусок! — кричит Акулов и держит бандероль над головой.

Я пляшу как умею, вскрывая бандероль. Краем глаза вижу, что у всех перехватило от любопытства дыхание. Мои бандероли всегда вызывают восторг. Лиза вспомнила! Приятно. Девушки меня оценивают гораздо объективнее, чем сержант. Ну что же, у меня от однополчан секретов нет!

Широкими взмахами рук вскрываю бандероль. Коля спрашивает:

— От нее, которая работает заместителем начальника лаборатории?

— От Лизаветы, — отвечаю так, чтобы слышали все.

Взрослые парни, воины, как дети, со сверкающими глазами смотрят на мои руки и ждут, что же в них сейчас окажется. Нет, в армии обязательно надо иметь штатного волшебника, ну хотя бы в звании прапорщика. Работа у него будет нетрудной, солдаты народ доверчивый. Говорю:

— Наконец-то поняла, что письма с выражениями соболезнований и глубокого уважения бесполезны. Солдату нужно присылать кое-что повесомее...

В это время фольга лопается и на пол летят похожие на игральные карты бумажные прямоугольники. Разумеется, их ловят на лету, их подбирают с пола и, прежде чем отдать мне, рассматривают и хохочут.

— Вот это фрау-мадам! — кричит Морошка и протягивает мне одну фотографию, на которой Лиза в широкополой шляпе и с веером в руке.

Хохот стоит гомерический. Все вокруг обмениваются фотопортретами смазливой девчонки в платьях и головных уборах всех времен и всех народов.

— Она артистка?! — с подозрительным румянцем на щеках спрашивает Коля.

— Жертва самодеятельности.

— Она мне нравится. Особенно здесь.

Коля показывает фотографию, где Лиза обмотана цветастым платком.

— Декорация. Запиши ее адрес. Текст писем продиктую позже. Главное, напиши, что она талантлива, и успех обеспечен.

— Не надо так, — просит Коля. — Она же человек...

Феликс хохочет:

— Вот это самореклама! Сообщи, мы поклонники ее таланта. Поэтому фотографии наши.

Раздаю фотографии тем, кому не досталось, и советую хранить в нагрудных карманах с левой стороны.

— Ну зачем так!.. — печалится за спиной Коля.

— Прикажешь снаряды фотопортретами оклеивать?

После вручения сувениров он просит рассказать о Лизе.

— Лаборантка. После работы пропадает в театральном кружке. Вот и все.

— Ты же говорил, что она заместитель начальника лаборатории! Отличный химик...

— Говорил. Но после такой бандероли я понизил ее в должности.

— Она красивая, — рассматривает фотографию Коля.

— У нее хорошие осветители и фотографы.

Коля закрыл глаза, подумал и выдал:

— Я увидел у нее добрый характер.

Как часто мы умеем говорить и думать правильно, а действуем наоборот. Что заставляет человека поступать против истины? Я, например, уважаю Лизу, даже больше чем просто уважаю, но вот же, привели в

городскую баню, разрешили походить по магазинам, а я бреду, спотыкаясь о корни дубов, за посторонней девушкой и не могу приказать себе: «Стой». Что уводит меня от Лизы, товарищей? Не понимая, иду по какому-то парку куда-то...

Вдруг захотелось поделиться воспоминаниями о детстве, рассказать, как страшно любил мармелад. Захотелось посидеть под звездами и сообщить как необычный факт, что перед ясной погодой созвездие Большой Медведицы искрится ярче, что, глядя в глубь пространства, всегда испытываешь желание вернуться туда, где никогда не был.

Удаляясь от магазинов, где отовариваются ребята, я ощущал все большее беспокойство. Надо форсировать события!

— Девушка, я провожу вас.

— Зачем? — Она спокойно посмотрела мне в глаза.

— Странный вопрос. Кто-то из великих сказал, что самое ценное на свете — общение. Пообщаемся?

— Разве не хватает общения? — усмехнулась она.

— Такого, как с вами, дефицит. Дело в том, что мне хочется послушать иной тембр голоса, узнать иные понятия. Ведь мы не одно и то же.

— Иных понятий не обещаю. Беги, солдатик, мыться.

— Нам разрешили побродить...

— Побродил за мной и хватит.

Такое красивое лицо, такая фигура, а размышляет, как сержант! Явно с женщинами происходит что-то не то. Они становятся рассудочнее мужчин. Может быть, всегда были рассудочнее? Иначе не мы, а они посвящали бы нам: «Я помню чудное мгновенье, передо мной явился ты...» Сказал:

— Я отправился за вами, чтобы отвлечься от служебных обязанностей. А вы! Неужели непонятно, каково нам? Ведь на свете самое женское дело — понимание.

— Ваших слабостей? — усмехнулась она.

Трудно совмещать глубокомысленный разговор с запоминанием обратной дороги! К бане. Крыши домов, как перевернутые вверх днищем лодки. Окна, огороды и штакетник. Из такого однообразия выбираться трудно. Лихорадочно ищу легкую тему. Запоминается тон разговора, а не смысл его. Что смысл, он всегда постоянен. Только настроение, которое создашь, заставит ее ждать новой встречи.

— Я скоро уезжаю. Надолго. — Фраза рассчитана. Она придаст нашим отношениям зыбкость и должна вынудить девушку к определенности.

— Скатертью дорога, — отвечает она.

Если бы я знал ее адрес, то повернулся бы и ушел. Но я не знаю. Поэтому проглотил подступившую обиду и шагаю по пружинящим доскам небольшого мостика. Впереди, на горизонте, в потоках нагретого воздуха колышется заводик с одной высоченной трубой. К нему тянется одноколейка с длинным составом из платформ.

Девушка подошла к дому на отшибе и деловито порылась в почтовом ящике, прибитом к столбу рядом с калиткой.

— Как вас зовут? — спрашиваю и запоминаю название улицы и номер дома.

— Надежда, — отвечает она, смотрит на свои громадные, как компас, ручные часы и советует: — Бежал бы, солдатик. По головке не погладят.

Она права. Знание моих обязанностей делает ее обаятельной. Вот она чуть развернулась, и на свободно сидящем платье образовались крупные складки.

— Так до чего же мы договорились? — спрашиваю с придыханием.

— Что в огороде бузина, а в Киеве дядька, — улыбается она очень знакомой улыбкой...

— Я вам напишу.

— Беги, беги, — прохладно провожает меня, и я догадываюсь, что, наверно, у нее есть дружок. А это повод к ревности! Значит, у нас появились какие-то отношения... Будет о чем подумать.

Я мчался в просветы между стволами. Мои ноги рвали кружева из теней и света. Парк длился бесконечно долго. Кроны дубов походили на застывшие разрывы фугасных бомб с осколками — листьями и желудями. Это был не бег! Это был гибрид полета с бегом. Что-то похожее на передвижение с помощью воздушной подушки, только у меня подъемной силой служил страх. С ходу я влетел в холл бани, чуть не сбив с ног моего чуткого сержанта Осинина. Он не спросил, где я был. В армии не принято спрашивать об этом. По частому дыханию он определил расстояние, которое я преодолел, и напомнил:

— Ведь было разрешено сходить только в магазины.

— Я провел время содержательнее. Товары ширпотреба не трогают моего сердца.

— Идите мойтесь, — скучно приказал Осинин.

Оглушенные паром, голосами и звоном тазиков, мы вовремя вернулись в полк.

— Сбор! — объявил громко дневальный.

В автопарке заурчали, а затем во всю мощь заревели тягачи. Это значит — сбор с выездом.

В полном боевом снаряжении наш расчет подбежал к орудию.

Тягачи расползлись по автопарку и, резко крутанувшись на местах, с ревом попятились каждый к своему орудию.

— Шатурнов, все в порядке? — спрашивает Осинин.

— Так точно.

Моя обязанность — прицепить орудие к тягачу, заклинить замок. А потом в кузов. Под брезентовую крышу вместе с остальными. Докладываю:

— Прицеп готов!

— По местам! — командует Осинин.

Кузов рвануло. Нас бросало из угла в угол, как зеленый горошек. Сквозь слюдяное окошко были видны поляны, речушки, леса. Потом пошла болотная слякоть. Будет нам работенка — чистить орудие!

— Куда мы едем? — поинтересовался Феликс. Скоро его время руководить хором.

Я бы ответил, может быть, остроумно, да побоялся прикусить язык. Тягач с ревом тянул орудие в направлении с нами не согласованном, нам неизвестном. Но придет время, когда мы будем обязаны сделать свое дело.

Осинин в кабине тягача. Там тепло и видимость в пределах света фар.

Оказывается, мы торопились на железнодорожную станцию.

У железнодорожной платформы, на которую мы должны были погрузить орудие, стояла группа офицеров с красными повязками на рукавах, с секундомерами на ладонях. Проверяющие!!

Тягач осторожно толкал орудие на платформу. Дым отработанной солярки повис над станцией. Рев тягачей заглушал голоса людей. Казалось, они здесь слишком хрупкие и не могут повлиять на ход погрузки многотонных орудий и станций наведения. Но люди управляли тягачами, кое-где собравшись расчетами, подталкивали орудия и, как только те становились вдоль платформы, быстро вставляли клинья под колеса и ломиками скручивали толстую проволоку в растяжки.

Командир батареи и замполит ходили вдоль железнодорожного состава и посматривали на часы. С момента объявления сбора вся деятельность батареи подвергалась строгому контролю по часам и минутам.

— Третье орудие готово! — доложил Осинин.

И сразу же послышались доклады остальных командиров орудий.

Что мы погрузились первыми, для меня было странным. Спокойные команды Осинина и его появления там, где надо, сделали дело. Я не честолюбив, но быть в передовиках интересно.

— По вагонам! — понеслась команда вдоль состава, и сержант повел нас к теплушке.

Глава третья

Сержант Осинин знакомил нас с чертежами орудийного окопа в то время, когда у соседей комья земли вверх летели. Мы же эти чертежи в классе проходили!

— Работайте без суеты, — говорил он неторопливо, — кто резво начинает, тот быстро выдыхается. Чертежи напомнил вам для того, чтобы лучше понимали мои команды. В таком соревновании, — Осинин улыбнулся и кивнул на соседей, — время надо экономить даже на командах. А теперь сделаем разметку.

Разметка контура окопа была произведена почти мгновенно. Феликс и Каштанов рисовали контур колышками, а остальные быстро по шнуру счищали дерн.

Сержант в работу вмешивался крайне редко. Он наблюдал за нами, и как только надо было приступать к новой операции, коротко приказывал:

— Шатурнов, носите жерди.

Мы зарывались глубже и глубже. Кители на спинах парили. Пот заливал глаза. И если бы не спокойные команды с бруствера, мы, наверно, добрались бы до центра земного шара, но окопа как положено не вырыли бы.

— Каштанов, Петров, Акулов, крепите стойки. Морошкин, забивайте.

Такую организацию работ я испытываю на собственной шкуре впервые. В ней нет ничего унизительного: приказ — исполнение. Это самая рациональная организация по рытью окопов! Один человек наблюдает за остальными, в нужный момент подает команду. Тот, который ее получил, должен мгновенно перестроиться и, ни о чем, кроме процесса работы, не думая, вкалывать. Вкалывать до изнеможения, до головокружения. Зачем? Ведь сбор не боевой?

— Шатурнов, Каштанов, на дерн!

Это значит — края окопа замаскировать дерном.

Окоп был почти готов, но сержант медлил с докладом об этом. Он требовал и требовал доделывать какие-то мелочи, подровнять стены... Напряжение росло, и вот над полигоном зазвенел голос:

— Пятое готово!

— Третье готово! — доложил Осинин, и мы упали на траву как подкошенные.

Земной шар плавно нес наши распластанные тела по космосу.

— Встать! — скомандовал Осинин. — Строиться!

Мы построились, он доложил командиру батареи и проверяющим, что задание выполнено.

Прочность сделанного окопа проверялась тщательно. Особенно старался найти недостатки командир батареи. Вначале мы удивлялись, но потом прояснилось: командиру батареи было важнее научить нас, он жертвовал общим баллом всей батареи. И каково было наше удивление, когда он, вытирая руки ветошью, согласился дать оценку «отлично».

Командир батареи не любил выделять себя. Мы узнавали о нем, когда подводились итоги. По заниженным оценкам. Мы ощущали его через требования офицеров, прапорщиков, сержантов. У нашего комбата был талант находить недостатки.

На утренней линейке он строго объявил нашему расчету благодарность, и мы бодро произнесли:

— Служим Советскому Союзу!

Мы оказались первыми, потому что пятый расчет только доложил о готовности первым, а закончил доделки последним.

Палаточный городок стоял в сосновом лесу. В жаркую погоду пахло смолой, в пасмурную — грибами. За городком, по дну ложбины, струился веселый и прозрачный ручей.

С утра мы уходили на полигон и там вели тренировочные стрельбы.

Иногда ночью нас поднимал сигнал сбора и мы, напялив противогазы, неслись к своим орудиям, будто соскучились. Прибежав, расчехляли их, тренировались и по сигналу «отбой» бежали досыпать ночь.

Мы знали: начальство сейчас думает, какому расчету доверить стрельбу по истребителю-бомбардировщику. Стрельба этого расчета повлияет на общую оценку учебного полка. За отличную стрельбу поблагодарят, за плохую должное воздадут.

— Нам не доверят, — успокоил расчет Феликс. — У нас Шатурнов.

Он сказал это таким тоном, будто благодарил судьбу за то, что она свела его со мной. А может быть, и стоит благодарить. В то время, когда на другой расчет возложат ответственность, мы будем загорать на бруствере и думать, что если бы стреляли мы, то, конечно, на «отлично». Думать о себе хорошо приятнее, чем проверять это на деле.

Ночью снова бежали на свидание к орудиям. Мы все в противогазах и похожи на современные привидения. Над соснами качается луна. Наверно, я никогда не привыкну к бегу. Снова задыхаюсь. Вижу на стеклах Колиного противогаза тревожные блики. Он хотел бы помочь мне, но как?! Бежать человек должен сам. И сержант работает локтями рядом. Тоже хотел бы помочь. Второе дыхание придет у меня на полигоне. Надо прикрыть глаза. Зрение, оказывается, много отнимает энергии. Что толку скулить на луну? Наверно, ей это надоело. Над полигоном ни

огонька. В лунном серебристом свете поднимаются над землей стволы орудий и начинают, управляемые станцией наведения, тихо и синхронно шарить по звездам.

Передо мной шкала с подсветкой. Она показывает, что ствол стоит почти вертикально. И вдруг над тишиной, откуда-то сверху, голос:

— Залет боевой!

— Боевой снаряд на лоток! — командует с бруствера сержант.

Неужели будем стрелять? Страшновато.

Диски на шкале успокоились. Сейчас они подчинены оператору станции. Он обязан поймать локатором самолет «противника», вести его и в нужный момент дать орудиям команду «огонь».

Команды «отставить» не слышно.

Феликс стоит на платформе и держит руку на рукоятке, будто позирует перед луной.

Акулов открывает запасной ящик с боевыми снарядами. Снаряды длинные и тяжелые.

— Внимание! — Сержант поднимает флажок.

Странно! Цели не видно и не слышно, а уже команда «внимание». Ты сидишь в кресле и в ловле «противника» никакого участия не принимаешь.

— Огонь! — командует сержант, и его шинель становится багровой от вспышек орудий.

— Огонь!

Орудие грохнуло, подпрыгнуло и снова грохнуло и подпрыгнуло. Звук бил по ушам так, будто кто-то колотил тебя мешком, наполненным песком.

Шкала в порядке.

— Цель поражена! — голос над тишиной.

Цель поражена так далеко, что приходится довольствоваться победой абстрактно.

Молодец оператор на локационной станции!

Вылезаю из кресла, как мушкетер из седла. Приятное сознание обстрелянности. Вдыхаю запах пороха. Луна в дыму переливается расплавленным оловом. Глажу горячий ствол. Молодец, что не разорвался!

На общее построение приехал генерал. Он прошелся вдоль строя и громко объявил нам благодарность за отличную стрельбу.

— Служим Советскому Союзу! — прокричал строй ровно в три часа семнадцать минут по московскому времени.

Это тренировки до умопомрачения, до седьмого пота решили все! Так становятся олимпийскими чемпионами, так пишутся великие книги и картины, так куются в армии младшие командиры.

А утром меня ждал сюрприз — говорящее письмо от Лизы.

Коля сиял от радости. Ему, оказывается, не хватало для полного счастья услышать голос Лизы. Я сказал ему:

— Какое счастье для тебя, что она меня не забывает.

Мы подошли к проигрывателю, рядом с которым сидел Феликс и играл на гитаре. Я выключил Феликса словами:

— Может быть, тебе интересно будет послушать в этом безженственном городке женский голос?

Феликс величественно поднял руки и объявил всем, кто находился в палатке-клубе:

— Ша!

В палатке воцарилась тишина. И вот раздался девичий голос:

«Привет, Виктор. Ты изменился со страшной силой. Кто на тебя так давит? Мне твои строгости ни к чему. И морали диктуй белой медведице. А в остальном тобой я довольна. Собираюсь к тебе прилететь. Да, ты что-то темнишь насчет адреса? Ничего, узнаю и прилечу поболтать. У меня же отпуск. Письма — бумага, на ней что ни рисуй, все равно не похоже. Вчера на эстраду ходила. Одна. А скажи-ка мне по-честному: не завел ли там подружку периферийную? Только не скрывай. Я же помешать все равно не смогу. В таких делах правда нужна. Ты пишешь, чтобы я бросила фокусничать. Фотографии зря прислала? Не зря, если ребята посмеялись. Ну, мне пора закругляться. Пластинка кончается, а я толком ничего не наговорила. До встречи, воин. Ребятам передай привет. Коле, другу твоему, особый. Привет всем, кто надо мной посмеялся. Пока...»

Ребята помолчали, и Морошкин выдохнул:

— Сказка вся, сказка вся, сказка кончилася.

Мы выходим с Колей из палатки. Он настроен философски.

— Любит она тебя.

Я не менее глубокомысленно отвечаю:

— Ну и что.

— Любит она.

— Любить за любовь невозможно.

— И чего тебе надо? — удивляется Коля.

— Другой любви.

— Ты о Наде? Она не для тебя.

— Что так?!

— А вот то и так! — отрезал Коля. — Ты ей не пара. У нее фигура.

— А у меня скелет?

— У нее лицо.

— А у меня фото?

— Ты против нее осечка.

Такого образного сравнения я от Коли не ожидал! Честно говоря, мне нравится, когда он защищает Лизу.

Дождь умыл классную доску, и она блестит черным лаком. На сосне, рядом с которой классная доска, стучит дятел. Но это к делу не относится.

— Вот видите, — радуется Морошкин, — он и у прицела заснет!

— Мы о вас говорим, Шатурнов, — сообщает сержант.

— Спасибо, — отвечаю.

— Дело в том, — сержант обращается ко мне, — что стрелять по истребителю-бомбардировщику будет наш расчет.

— А я считаю, — загудел Феликс, — что мы к этому не готовы! У нас нет нормального наводчика. У нас есть Шатурнов, но наводчика нет, хотя он числится им. Мы сорвем стрельбу, истратим народные деньги, в том числе собьем не «колбасу», а самолет, и все потому, что в ответственный момент Шатурнову захочется покурить, а может, и ромашку на бруствере понюхать. Да откуда я знаю, что ему в тот момент захочется!

— Бросьте, ребята, заниматься толкотней, — попробовал урезонить всех Акулов. — Шатурнов нормальный парень и наводчиком будет нормальным.

Акулов вернулся со сборов. Он завоевал грамоту по бегу на пятьсот метров, и слава еще укачивает его в своей колыбели. Он еще не вошел в интересы расчета, полка, да вряд ли войдет, если у него в ушах свист от мечты пробежать пятисотку так, чтобы в сборную дивизии попасть.

Наконец даже Коля не выдержал. Он густо покраснел и с жаром замахал руками, а потом заговорил:

— Да что вы напали на одного! Поможем, если что...

— Ты вместе с ним будешь в одну трубу смотреть? — усмехнулся Феликс.

— У каждого есть чувство ответственности, — продолжал Коля. — Из тебя, Феликс, хороший бы кавалерист вышел.

— Это почему? — удивился Феликс.

— Сплеча любишь рубить. Да и вообще, неужели вам не ясно, неужели не доходит, что мы оскорбляем человека, топчем его самолюбие!

— Да брось ты свою школьную философию, свой пятиклассный гуманизм, — отмахивается Феликс. — Тут вопрос жизни и смерти! Понял? А если бы в войну, ты доверил бы прицел Шатурнову? Ну, что скажешь?

Коля упрямо не сдавался:

— Я доверил бы ему больше, чем тебе.

Я встал. Надоело слышать имя собственное! Скоро дятлы научатся произносить его.

— Вот что, ребята, всех нас учили быть взаимозаменяемыми. Доверьте мне скромную роль установщика взрывателя, а наводчиком пусть становится любой из вас. Морошкин? Я уверен в нем больше, чем в себе. У Коли Каштанова вместо нервов тормозная жидкость. Акулов спортсмен. Его ничто не выбросит из седла. Феликс тоже мог бы стать наводчиком, только я не могу представить его красивую, даже эффектную фигуру сгорбленной перед прицелом. По-моему, он должен быть заряжающим, он должен быть на виду, чтобы фигурой убеждать начальство в том, что наш расчет не подведет.

Моя речь заставила всех подумать. Стало слышно, как дятел долбит сосну и где-то далеко-далеко кукует кукушка. И вдруг все звуки заглушил залп орудий на полигоне. И снова наступила тишина, только без стука дятла и кукования кукушки.

— А почему доверили стрелять нам? — растерянно задал вопрос Акулов. — Нам что, больше всех надо?

— Решения командования обсуждению не подлежат, — напомнил Осинин.

Его типичное, как дом из крупных блоков, лицо ничего не выражало. Да и что может выразить фасад из типовых крупных блоков, кроме прямолинейной решительности?

Оказывается, Осинин успел закончить архитектурный техникум. Судя по тому, как он использует свободное время, можно сказать, что свою специальность он любит, иначе не рисовал бы в карманном альбоме наши фигуры, лица, деревья, травинки с цветами и проекты каких-то необычных домов. Но показывать рисунки он не любит: творческая кухня, видите ли.

Он выслушал мнения расчета стоя, прислонившись плечом к сосне. И вот он сбил с плеча налипшие крошки коры и сказал невозмутимо:

— Наводчиком назначаю Шатурнова.

— Почему? — удивился Феликс.

— Когда станете командиром, поймете, — ответил Осинин и приказал мне составить план занятий расчета на завтра. Предупредил: — Меня могут «убить», и тогда автоматически командиром орудия станете вы. Методику тренировок стрельбы по низколетящим целям покажете завтра, на утреннем осмотре.

Такова армия, и ничего с этим не поделаешь! Не удивлюсь, если однажды мне прикажут стать Туполевым или поручиком Лермонтовым.

Раньше мне казалось, что приказывать легче. Труднее выполнять. А механизм оказался сложнее. Оказывается, прежде чем приказать, командир сам выполняет приказ мысленно. Если приказ трудный, командир должен знать, где и когда надо подстраховать подчиненного. Интересно: почему командир батареи с замполитом поручили выполнять такие ответственные стрельбы нашему расчету?

Осинин командир надежный. Я бы добавил, надежный и удачливый. Он легко поднимает проблемы и выполняет приказы безупречно. Однако и другие командиры орудий не промах. Наверно, у Осинина кругозор пошире, душевного покоя побольше. Архитектор должен уметь защищать сооружения. Он лучше знает цену созидания и разрушения.

Теперь о расчете. На фоне других он не выделяется. Просто Осинин внедрил лучше всех сознание ответственности. Чтобы ни у кого совесть не болела.

Даже комсорг батареи недоумевал: почему именно мы? Он наводчик не хуже!

Меня он предупредил:

— Я твой дублер. Соседняя батарея приступила к тренировкам три дня назад.

— Не запугивай.

— Разведданные не помешают. Я чувствовал уверенность в себе. Значит, не судьба. — Он протянул руку. — Готовься.

Мне стало жалко его.

— Владислав, произойти может разное...

— Вот на это не надейся!

Над методикой тренировок я бился долго. Учел личные качества ребят, расчленил обязанности каждого, чтобы работа у орудия происходила синхронно в кратчайшие сроки. Все, что я делал и рисовал, было ново скорее для меня, чем для командования, которое по моим задумкам будет судить о состоянии тренировок.

Осинин внимательно просмотрел мои листы, улыбнулся и, помахав ими перед расчетом, сказал:

— По-моему, Шатурнов круто взял. Но это его метод, и пусть он испытывает его в деле. Кто составляет план, тот и должен организовать его внедрение.

— Хорошенькие дела! — зароптал Морошкин. — Он бумажки сочиняет, а мы за них шкурой отвечаем...

— Расчет, смирно! — командует сержант. — Напра-во!

И он повел нас на полигон.

Моя задача — не только хорошо прицелиться, но, главное, создать ансамбль из четких, целесообразных движений всех номеров. Перед погибшими не оправдаешься, что чего-то не учел. И остальные в таком же

ответе за меня. Вот и выходит: без них нет тебя, без тебя — их. Теперь наступила пора эти общие рассуждения внедрять в жизнь.

Сержант отдал расчет в мое распоряжение, лег вблизи окопа на траву, сорвал травинку и стал надкусывать ее стебелек.

Я объяснил план занятий на сегодня и скомандовал:

— Расчет, к орудию! Орудие в походное положение!

Многотонная махина не может стрелять, стоя на резиновых колесах. Она подпрыгнула бы при выстреле, как резиновый мячик. Поэтому ее выставляют на четырех опорах — домкратах.

Привести орудие в походное положение не просто: надо убрать домкраты, навалиться изо всех сил на ваги (ломы из полых труб) и поставить на колеса. Затем зачехлить орудие брезентовым чехлом и подцепить его к тягачу.

И такая работенка предстоит нам целый день! Мы будем приводить орудие из боевого положения в походное и обратно. Мы это делали уже сотни, если не тысячи раз, но команду стрелять по штурмовику мы можем получить неожиданно.

Много раз махина из отлично выделанной стали, с кабелями и розетками, с приборами, умная, как координатно-расточный станок, садилась на домкраты и вставала на колеса. С каждым разом она делала эти приседания и вставания все плавнее и элегантнее. С каждым разом мое тело, как и тела остальных членов расчета, наливалось таким грузом, что казалось— предел! Но этот предел заложен в методике. Тренировки должны довести наши движения до автоматизма. Наши головы пригодятся для другого. Необходимо довести знание своих обязанностей до границ инстинкта.

— В чем дело, Петров?! Почему в вашем домкрате пузырек в уровне смещен? Нам придется стрелять не по воробьям.

— Ушел пузырек. Это Акулович свой домкрат приподнял!

Ну вот, ушел пузырек! Если орудие стоит не по уровню, будь я семи глаз во лбу, а в самолет не попаду. Такая мелочь, пузырек, может испортить всю игру.

Даю команду:

— Орудие в походное положение!

— Перекурить пора, — подсказывает Акулов, вращая рукоятку домкрата. Его китель мокрый насквозь, как и у остальных.

Мы приводим орудие в походное положение и по команде «отбой» валимся на землю. Суем носы в прохладную траву и вдыхаем спокойный запах зелени. Солнце давно поднялось над лесом и своими лучами старается обсушить кители на наших спинах. По лезвию травинки навстречу моим глазам ползет божья коровка. Такая маленькая в океане трав, и такая уверенность! Она залезает на самую вершину стебля, раскрывает панцирь красных крылышек с черными точками, машет под ними нежными перепончатыми крылышками, будто нижним кружевным бельем, и улетает.

— Ну, даешь, — утирая рукавом кителя пот с лица, говорит Морошкин и снова опускает лицо в траву.

В конце дня Феликс снял китель и демонстративно выжал из него пот. Капли застучали по доскам ящика с тренировочными снарядами. Зато наши пальцы научились видеть и помнить то, что обязаны сделать.

— Стараемся, стараемся и промахнемся, — высказывает общую затаенную тревогу Акулов.

И стало тихо. Только мухи звенят. Они слетелись к нам и надоедливо кружат вокруг лиц и рук. Даже оса прибыла.

Коля подставил осе ладонь и стал терпеливо ждать, когда она перестанет щекотать кожу лапками и хоботком. Над переносицей его возникла единственная вертикальная морщинка. Наверно, вспомнил свою Смоленщину с липами и дубами на полянах. Он как-то рассказывал, будто на Смоленщине пчелы и осы так густо летают, что при ходьбе надо отгребать их руками.

Глава четвертая

Телеграмма пришла неожиданная и сумбурная: «Лечу встречай где угодно Лиза». Наверно, вместо «угодно» надо читать «удобно». Однако от этого смысл телеграммы не проясняется. Во-первых, ближайший аэродром в сорока километрах от лагеря и на него ли она приземлится — неясно. Может быть, на тот, что в шестидесяти километрах. Во-вторых, в армии насчет «угодно» и «удобно» говорить не приходится. Тем более когда со дня на день растет напряжение, когда где-то в штабе в графике стрельб над твоим именем записали дату. Но ты узнаешь ее только в момент, когда объявят: «Залет боевой».

Тем временем Лиза освоила все виды современного и древнего транспорта и наконец встала перед дежурным по КПП. Она так заморочила ему голову насчет цели приезда, что он был вынужден позвать на помощь меня.

Расчет только что вернулся с полигона на обед. Хотелось быстрее пообедать и завалиться спать. И вдруг вызов на КПП. Товарищ Лиза приехала. Вот Надя понимает, что такое служба, поэтому на письма не отвечает и на КПП не появляется.

Я пригласил на свидание с Лизой Колю, и мы пошли. Сказал ему:

— Жаль, на встрече не будет аккредитованных журналистов.

Наверно, потратилась, а с деньгами у них в семье не густо. Лучше купила бы зимнее пальто. Ходит зимой, как пигалица, в лохматой и короткой синтетической шубенке.

А Коля благородно жужжит в мою сторону:

— Не нравится мне твое отношение к Лизе.

Сержант, дежурный по КПП, взглянул на меня с интересом: еще бы, я владелец такого оригинального Лизиного сердца. Он проинструктировал, что мы должны находиться в пределах слышимости и желательно видимости.

Мы с Колей ответили «есть», открыли дверь.

Не успел я расправить грудь, как на нее что-то навалилось. По губам саданула медная пряжка сумочки, в нос ударил запах французских духов, а уши обожгли слова:

— Витенька! Милый!

Она висела на моей шее до тех пор, пока я не почувствовал кислородное голодание.

— Лизок, — целуя ее в темечко, успокаивал я, — Лизок. — Она уткнулась лицом в грудь и плакала. — Думал, не доберешься, крылья обломаются, рельсы лопнут, колеса расколются... Долетела, пигалица.

Мы вошли в молоденький соснячок и расположились с Лизой на сдвоенных пнях, а Коля сел напротив. Он несколько раз порывался уйти, чтобы не мешать нам, но мы удерживали его изо всех сил. У нас в отношениях ничего стыдного не было. Например, что стыдного в том, что она смотрит на меня своими громадными зеленоватыми глазами и молчит: насмотреться не может.

— Ой, да что это я задумалась! — спохватилась она и стыдливо спрятала глаза, полные сострадания ко мне.

Неужели я так плохо выгляжу? Наверно, заметила усталость, выступившую соль на кителе.

Она раскрыла сумку и быстро вытащила из нее жареную курицу. За курицей появились на пеньках банки с солеными грибами, пирожки с повидлом, яблоки, апельсины, колбаски охотничьи и бутылка водки.

— Лиза, а пить нам нельзя.

В это она поверила быстро. Убрала бутылку и затараторила весело:

— И хорошо, что пить нельзя! Что толку в ней? Нам будет весело без нее. Вы покушаете, потом поговорим.

Мы с Колей прыгали от пенька к пеньку, чавкали так, что с елочек шишки опадали, поскуливали от удовольствия.

Мы не заметили, как невдалеке остановился полевой газик и шофер стал ждать, когда мы напрыгаемся между пнями.

— Эй! — крикнул он.

— Что надо? — спросил Коля.

— Давайте сюда девушку!

— Зачем? — удивился я.

— Увезу ее я в тундру, — рассмеялся шофер и сообщил: — Замполит советовал отправить. До станции тридцать километров. Поторопитесь, ребята, если не хотите, чтобы она спала на вокзале.

— Да что это такое?! — возмутился Коля. — Человек приехал поговорить, а его выпроваживают. Это даже негостеприимно и для армии некрасиво. Кому она помешала бы?

Шофер внимательно и даже понимающе выслушал речь Коли, улыбнулся и сказал:

— Выходит, я поговорю с ней дольше, чем вы.

— Ты-то при чем?

— Садитесь, девушка, — пригласил шофер. — Следующий поезд будет через сутки.

Лиза посмотрела в мои глаза и непроизвольно потянулась ко мне. В ее облике и поведении была покорность перед громадной силой и авторитетом армии. Она выполняла приказ не нашего замполита, которого она просто не видела, — она подчинялась всему, что знала и слышала об армии.

— Так надо, да? — спросила, прижавшись щекой к моей груди.

— Поезжай, Лизонька. Спасибо, что навестила. Этим приездом ты мне очень помогла.

— Правда? — обрадовалась она. — Значит, не зря...

— Не зря, не зря потратилась.

— Боже, разве я о деньгах говорю! — отпрянула она и нахмурила брови.

— И я не о деньгах говорю! — подняв ее над собой, смеюсь я.

Она машет руками.

— Вечно с тобой не поговоришь. У меня столько накопилось... Мне же не с кем, кроме тебя, поговорить.

Я опустил ее на землю и подхватил пустую хозяйственную сумку. Шофер выражал свое нетерпение, беспрерывно сигналя.

Лиза уехала кстати.

Тучка, зависшая над нами, разрослась в громадную шевелюру. Космы этой шевелюры опустились до вершин сосен, и кое-где стали мелькать молнии.

Во время дождя голову кружит запах грибов и хвои.

В трубах оркестра, провожающего нас в караул, булькает вода. Ливень, судя по пузырям в луже, надолго. Хорошо, что Лиза смотрит на этот потоп из окна цельнометаллического вагона.

Наш расчет идет к полигону охранять технику. Заодно передохнет от тренировок у орудия. Надоело изо дня в день крутить маховики горизонтальной и вертикальной наводок, ловить в оптический прицел летящего воробья и вести его, повторяя за ним скачкообразный график полета. Наверно, фраза: «Стрелять из пушки по воробьям» пошла от самих артиллеристов. Воробей — наш самый лучший тренер. Для того чтобы не выпустить этот серый комочек из перекрестия, надо слиться со штурвалами в одно целое. Сержант, например, не выпустит летящего воробья из прицела даже с закрытыми глазами. В прошлом году он, как и я, был наводчиком и стрелял по пикирующему самолету. Говорят, стрелял отлично.

Самолет, конечно, не может маневрировать, как воробей, но в момент выстрела дым из ствола закрывает цель. Значит, надо какое-то время вести ее по догадке. Эти помехи надо преодолеть, чтобы не выпустить цель. Она ведь сверхзвуковая.

Мы остановились перед палаткой, где должны отдыхать в свободное время, и задумались. Палатка стояла в центре большой лужи. Отдых обещал быть хорошим.

Феликс влез в палатку и стал ворочаться в ней, как медведь. Он будто не знал, что там, где прикоснулся к брезенту, будут капать крупные капли!

— Тащите ветки, иначе в воде будем спать! — крикнул он из палатки.

Ребята пошли ломать ветки, а меня сержант повел на пост.

Кому понадобится орудие в ливень! А пойти в такую ночь с целью испортить материальную часть — значит схватить воспаление легких.

Но эти рассуждения не мешают сержанту инструктировать меня серьезно.

Хочется спросить его: «Ну для чего мы играем в такую игру?!» Но я не спрошу. Ответ прозвучит так: «К чему расслабляться? Можно довести себя до такого состояния, когда не сможешь сделать то, что вдруг потребуется».

Темнело. Близкая опушка леса превратилась в бесформенную черную массу. Исчезли окопы с орудиями. Шумные лужи потеряли свой блеск. Постепенно я оказался наедине с собой и стуком капель о плащ-палатку. Тьма замаскировала меня. Разводящего солдата я нахожу по сигналам фонарика.

Вернувшись с поста, осторожно ложусь на еловые ветки, уложенные по деревянному настилу. Под настилом от движений клокочет вода. Сверху

бьют по лицу тяжелые капли. В такой обстановке быстро не заснешь, поэтому говорю сержанту, лежащему где-то невдалеке:

— Я все думаю: а вдруг глупая случайность испортит нам стрельбу?

— Мне кажется, что глупых случайностей не должно быть, — отвечает он. Интересная деталь: можно всегда почувствовать, с открытыми или закрытыми глазами разговаривает с тобой человек в кромешной тьме. У сержанта сейчас открытые. — Глупые случайности мы обязаны предусмотреть. Вот умные — предусмотреть сложнее. — Меня раздражает человеческая нескромность. Я считаю ожидание неожиданного самым волнующим чувством в этом мире. А неожиданное, по диалектике, может быть хорошим и плохим. Меня не устраивает розовый оптимизм.

Здорово подытожил! Даже стало приятно. Сержант задумался, и, как видно, крепко. Произнес:

— Ваша теория в целом верна. А в частности даже малейшая неуверенность в себе и в других на пользу врагу. Выстрел — итог нашей работы, нашего мышления.

— В войну от случайностей погибали даже очень опытные воины.

— Значит, случайность недооценили. Бывает такое. Опытный же солдат заставляет случай работать на себя. Вся тонкость, по-моему, в том, что неопытный погибает от простого, а опытный — от сложного случая. Хотя сложный случай можно назвать глупым. Поэтому мне не хотелось бы, чтобы враг был опытнее меня и вас.

— Но может, например, заклинить снаряд.

Кто-то заворочался так, что вода зашлепала под настилом, и послышался возмущенный голос Феликса:

— Не каркай. Если у меня заклинит снаряд, я его ногтями выдеру, понял?

— Вот видите, — спокойный голос сержанта. — Вы не один работаете у орудия. Ваше дело вести цель, и ведите ее хорошо. Другие ответят за свою работу. Мало того: в любой момент вам могут объявить, что вы «убиты». Все номера расчета, кроме вас, должны хорошо вести цель. Вы же обязаны вести ее отлично.

Всегда он так, убивает самолюбие. Мне было приятно, что цель поражаю только я. О роли самолюбия написано достаточно, и никто эту роль не хаял. Где же кончается общее и начинается частное? Феликс будет посылать снаряд в ствол и производить выстрел. Каштанов Коля будет ставить поправки на ветер, плотность атмосферы, скорость самой цели. Морошка установит время взрыва снаряда в воздухе, Акулов будет бегом подносить снаряды, а я поведу цель. Сержант будет следить за слаженностью нашей работы, командир батареи будет наблюдать за сержантом, за командиром батареи будет наблюдать командир полка, а его проверят высшие начальники, а высших — самые высшие, и в конце концов обороноспособность проверяет народ. Интересная структура! И если бы меня в ней не существовало, у прицела сидел бы другой. Но я есть и, следовательно, должен нести свою меру ответственности. Если не возьму, на кого-то ляжет двойная.

В четвертом часу я крепко спал. После хлюпанья по грязи, под проливным дождем спалось на еловых ветках сладко и без отвлекающих снов.

Вдруг что-то затрещало и на меня упал кто-то. Я с трудом вскочил, ничего не понимая, где я и что со мной. Сержант фонариком осветил большую

дыру в стене палатки и кого-то пятнистого, пытающегося встать на ноги. Феликс прижимал пятнистое существо к полу и гудел:

— Я тебе покажу, как со мной приемы проделывать. Учти, против лома нет приема, кроме другого лома. Тебе еще расти и полнеть, чтобы меня голыми руками взять.

— Рядовой Петров! — закричал Осинин. — Кто это?

— Десантник, кто же еще. — Заламывая руки парню в маскировочном костюме, больше разукрашенном грязью, чем краской, Феликс продолжил: — Пойман «диверсант». Получил задание снять часового. Меня, значит.

— Почему не дали сигнал тревоги? — спросил Осинин.

— А зачем? Я же скрутил его. Сначала хожу и сквозь дождь не могу понять, откуда появилась кочка. Нагнулся, а на кочке-то растут цветочки. Вдруг кочка цап меня за ногу. Да видно, не та весовая категория попалась. Я эту кочку за шиворот схватил и давай полоскать в грязи.

Сержант не дослушал рассказ Феликса, подскочил к телефону и быстро сообщил начальнику караула о случившемся.

— Ну а зачем палатку рвать? — спросил Коля Феликса. — Взял в плен и держи.

— Так он попытался со мной ихний прием сделать. Пришлось против приема меры принять. Вот он и угодил в палатку.

«Пленный» молчал. Ему, конечно, за такой «влет» в палатку влетит — плохое качество работы! Полигон начал оживать. Несколько осветительных ракет повисли в струнах дождя и зыбким светом очертили контуры леса и поднимающиеся вверх стволы орудий соседнего батальона. Пространство пробили прямые лучи прожекторов. Все мощнее и ритмичнее заработали многие виды оружия. Воздух заколебался и завыл от натуги. Трассирующие пули неслись длинной строкой азбуки Морзе.

Мы сдали «пленного» начальнику караула и подцепили орудие к тягачу. Тягач забормотал (звуки канонады лишили его голоса) и, бросая комья грязи на зачехленное орудие, поплыл на правый фланг.

Мы проскочили огненный шквал «наших» и оказались в долине. Тягачи остановились, и по колонне прозвучал приказ: «Орудия, к бою!» Дождь прошел вдруг. Туча с прямым краем, будто оттяпанным ножом, быстро удалялась за горизонт, и над землей стало подниматься похожее на золотую каску солнце.

Сержант прибежал с командного пункта и объявил, что будем стрелять по пикирующей цели.

— Вот тебе, бабушка, и юрьев день, — произнес Феликс распухшими от ночной встречи с десантником губами и нежно протер тряпочкой лежащий на лотке боевой снаряд.

Пикирующая цель — это сброшенный с самолета макет. Макет надо распотрошить так, чтобы из него «потекла» рыжая пыль. Она будет сигналом о выполнении задания.

Акулов снял ремень, повесил его через плечо. Так будет удобнее бегать со снарядами.

Коля насупился над приборами поправок.

Морошкин до команды сержанта «залет боевой» улыбался.

Мы, как профессионалы, протираем рабочие механизмы орудия, полагая, что и пылинка может повредить стрельбе.

Я вытащил из нагрудного кармана плоский пакет и начал медленно разворачивать его. Ребята с тревогой посматривали на мои руки: им не ясно, что задумал я, какой номер выкину и пойдет ли он на пользу стрельбе по цели. Они увидели пару шелковых нарукавников и удивились. Я надел нарукавники — подарок Пантелеймона Михайловича и приготовился к встрече с «противником». Ребята молчали. Если стрельба пройдет плохо, они припомнят мне многое, и нарукавники в том числе...

Самолета еще не видно. Его ждут на командном пункте, ждут расчеты, не участвующие в стрельбе, — наши «болельщики». Самолет будет лететь высоко. Чтобы осколок не повредил его, нельзя торопиться с командой «огонь». Командир батареи сидел на раскладном стуле спиной к нашему орудию: ему осталось покорно ждать результатов своей работы.

Я возбужден и спокоен одновременно. Парадокс? Мое возбуждение деловое. Оно предназначено для решения непредвиденных задач. А спокоен я потому, что обстановка не отличается от полигонной, где мы тренировались.

К орудию подошел замполит. На его форме ни лишней складки, ни капли грязи. Сапоги блестят. Вот как надо использовать утюг и гуталин! Для дела. Мы невольно расправляем кители, становимся строже к себе.

— Знаю, что не хотите подвести ни себя, ни батарею, — сказал он с улыбкой и спросил: — Какие свойства отличают солдата от остальных граждан? — Он подождал, пока мы туго соображали, улыбнулся и ответил: — Думаю, умение сделать то, что надо. Солдат даже в сказках всегда делает что надо, а не что ему хочется. Наверно, давно не читали сказок? — Мы киваем. — Советую почитать. А теперь вам ни пуха ни пера.

— К черту! — отвечаем мы и встаем на свои рабочие места.

— Цель в воздухе, — сообщают с командного пункта.

Ищу в синем небе самолет и нахожу его. В оптической трубе он значительно ближе и крупнее.

Резиновый наглазник мгновенно отсырел от пота.

Перекрестие веду под брюхом самолета, из которого должен вывалиться макет пикирующего самолета.

И вот из люка вылетел продолговатый предмет с крылышками и под крутым углом помчался в направлении нашего орудия. Докладываю:

— Цель поймана! — Ставлю перекрестие чуть-чуть впереди цели и командую: — Огонь!

Подпрыгнуло орудие, вспыхнуло перед дульным тормозом и пропало оранжевое полотнище.

— Цель поймана! Огонь!

После третьего выстрела к оптическому прицелу не приникаю. Ясно, что цель поражена. После первого выстрела из нее заструились ленты рыжей пыли. После второго пыль пошла потоком. А после третьего выстрела в небе повис пышный хвост лисицы.

— Ура! — закричали «болельщики» и стали бросать вверх пилотки.

Командир батареи явился к нашему орудию с лихо посаженной набок фуражкой и веселым, озорным лицом. Он пожал нам руки, не скрывая своей радости, приказал построить нас и объявил звонким голосом:

— Благодарю за отлично выполненное задание!

Не успели мы, да и остальные тоже, остыть от боевого и радостного

напряжения, как проверяющему захотелось посмотреть, а не случайно ли был так хорошо сбит пикирующий макет. Он приказал:

— Орудие к бою!

По команде сержанта мы мгновенно проверили готовность орудия, подвинтили домкраты, забили клинья, проверили приборы и встали на рабочие места.

— Залет боевой! — повторил команду сержант. — Приготовиться к стрельбе по истребителю-бомбардировщику.

Самолет появился в восходящих парах, как мираж. В оптическом прицеле мираж стал реальностью, но не совсем. Мы привыкли воспринимать летящий самолет вместе со звуком. А этот надвигался молча. За ним тянулся трос, к которому была привязана сетка, похожая на авоську, — «колбаса».

Я подвел перекрестие к передней части «колбасы», повел ее и скомандовал:

— Огонь!

Сзади щелкнул досылатель снаряда, ствол выбросил клочковатое пламя, платформа подпрыгнула, и грохот обрушился на расчет.

— Цель поймана!

Но разве это цель? Какие-то невообразимые ошметки крутятся на лету. Веду их в прицеле и командую:

— Огонь!

После второго выстрела приникаю к оптическому прибору, чтобы сделать третий, решающий выстрел, и не вижу цели. Неужели упустил?!

Чем ближе подлетает самолет, тем быстрее изменяется угол вертикальной наводки. Задыхаясь, вращаю маховик — нет цели! Почему?

Так и знал: что-то произойдет! Что-то не позволило сделать третий выстрел.

Рев турбин пролетевшего самолета накрыл нас таким гулом, что орудие задрожало, а ребята посходили с ума. Они бросали вверх пилотки и что-то орали.

Я отвалился на спинку кресла. Взглянул в сторону сержанта и развел руками: мол, не понимаю, почему упустил цель, ведь все делал как надо.

Сержант улыбнулся и указал рукой в сторону, откуда летел истребитель-бомбардировщик. Там над равниной кувыркалась разодранная в клочья «колбаса».

— Ты перебил трос! — кричит Коля в мое тугое от выстрелов ухо.

Я посмотрел вслед самолету. Он летел без «колбасы».

Орудие дышало порохом и разогретой краской. Его изящный, как бильярдный кий, ствол остывал медленно, — наверное, потому, что я его гладил.

С неба, чистого, без паринки, какое бывает сразу же после проливного дождя, нашу радость наблюдало невозмутимое солнце. Оно знало, что за одной радостью следуют другие, но с большим интервалом на подготовку...

Скоро наши погоны украсили оранжевые лычки. Мы стали сержантами.

Лагерное лето подходило к концу. Зарумянились березы и осины. Кусты над ручьем покрылись багровыми пятнами. Вода в тени стала синей и

задумчивой. Пора на зимние квартиры, где нас, младших командиров, ждут молодые солдаты.

На станцию назначения эшелон прибыл рано утром. Мы выгрузили орудие с платформы без прежней суеты. Теперь, после длительного знакомства, оно стало легким и податливым.

Когда, подцепив орудие к тягачу, мы встали в общую колонну, Коля подтолкнул меня к слюдяному окошку, и я увидел Надю, шагающую рядом с замполитом. Так вот на кого она похожа! А я-то мучался.

Надя и замполит подошли к газику, сели в него, и колонна двинулась. И у меня вдруг возникло такое чувство, что это Надя ведет железную колонну за собой, ведет твердой волей и рукой. Ее целеустремленность настолько велика, что я пропадаю в ней, как раковина в море. А это для любого мужчины не лестно.

Мы с Колей получили по шесть новобранцев. Это наши будущие расчеты. Коля — командир! Трудно представить. Еще труднее представить командиром себя. Мне порой кажется, что я всего лишь ученик Осинина. Ему, видите ли, захотелось сделать из меня отличного артиллериста. И сделал — путное из безнадежного. Так ли это, покажет время.

Мы с Колей остановились перед казармой. Во всех окнах горел свет. Он слабо освещал ряды зачехленных орудий с поднятыми стволами.

В казарме молодые солдаты. Они не знают, что делать без нас, командиров, собираются в кучки, сидят, сложив руки на коленях, тихо переговариваются, строчат и строчат письма домой. Я шагаю вдоль рядов коек в угол казармы, где расположился мой расчет. Новобранцы приветствуют меня, вставая с табуреток. Только один не встает и не приветствует. Фомичев. Он выше меня и широк в плечах. Будет заряжающим.

Я останавливаюсь перед Фомичевым и жду. Он сидит и смотрит в мои глаза с иронией. Ребятишки за спиной ждут, чем кончится эта демонстрация... Проглатываю накопившуюся слюну и спокойно приказываю:

— Рядовой Фомичев, встать!

Фомичев нехотя поднимается.

Уверен, он у меня обретет дар понимания вещей. И зрелость настоящую, а не записанную в аттестате.

На моей тумбочке лежал конверт. Мелкие буквы под прямым углом — почерк Пантелеймона Михайловича.

«Здравствуйте, уважаемый Виктор!

Благодарю Вас за сообщения о Вашей службе. Я нахожу в Ваших рассказах о ней много интересного, когда сравниваю со своей, давней службой в рядах Красной Армии. Должен признаться, меня радуют Ваши рассуждения. Они доказывают, что Вы активно приобретаете жизненный опыт, который очень пригодится Вам на работе в нашем ЖЭКе. Я, конечно, не имею права настаивать и даже доказывать, что не место красит человека, а человек место, но в мои годы хочется иметь последователей, и в этом я честно признаюсь. Ваш стол на прежнем месте. С него тетя Настя регулярно стирает пыль. Нынче мы заняты подготовкой к зиме, утепляем окна лестничных клеток, парадные двери. Разумеется, преодолеваем трудности: мало рабочих рук, а те, которые есть, часто неквалифицированные.

Я лично жду Вас. Пора уходить на заслуженный отдых.

С уважением П. М.».

ПОСЛЕДНЕЕ ПОСТРОЕНИЕ

Глава первая

И снова полигон. Зенитная батарея, зарытая в окопы, отбивается от самолетов и танков «противника». Хлесткие выстрелы ввинчивают снаряды в воздух, и они взрываются рядом с воздушными и наземными целями. Батарея в грохоте, пламени, пороховом дыму и пыли.

Наводчики уже не обращали внимания на сильные удары наглазников. Сквозь пламя и дым они высматривали цель, подводили ее к перекрестиям и отмашками рук давали команды стрелять. Силачи заряжающие давили на рычаги, и длинные снаряды пропадали в стволах. Раздавался оглушительный выстрел, заряжающие грузно подпрыгивали на стальных платформах и бросали новые снаряды в лотки. Бегали от ящиков к орудиям подносчики снарядов.

Батарея держала экзамен. Проверяющие с красными повязками на рукавах кителей фиксировали попадания и промахи, наблюдали, как слаженно работают расчеты. Около половины личного состава — солдаты-новички. Первый раз глушит их слаженно грохочущая батарея. Кое-кто пытался зажать уши ладонями.

И вдруг по команде «отбой» орудия замолчали. Остались только высокий звон в ушах, синяки вокруг глаз наводчиков от ударов резиновых наглазников да пораженные цели.

— Бат-тарея! В походное положение!
— Бат-тарея! В походное положение!
— Бат-тарея! В походное положение!

Через несколько минут батарея с орудиями в чехлах, локационной станцией наведения, дизелями построилась в длинную колонну и запылила. «Куда?», «зачем?» — таких вопросов в армии не задают.

Ясно только, что стрельбы выполнены хорошо.

Срок нашей службы кончается. Скоро будет прочитан приказ об увольнении в запас.

Морошкин готовится ехать на комсомольскую стройку. Бюро комсомола батареи дало ему отличную характеристику. На Урале он станет возводить химический комбинат. Феликс захотел строить корабли. Акулов свое отбегает и начнет готовить других бегунов. Все при деле. Коля подается в родные места. Будет механизатором.

Тягач ревет поршнями, карабкаясь вверх. Темнеет. Из кабины хороший обзор, а вот ребятам из кузова с брезентовым верхом мало что видно.

Головной тягач свернул влево. Значит, едем на железнодорожную станцию. Прощай, полигон!

Глава вторая

Мы увольняемся в запас. Расслабились над чемоданами, вещевыми мешками. Два года не ведали мы забот о пище, одежде, своем физическом здоровье. Все было предусмотрено Уставом. От нас требовалось одно — в совершенстве знать военное дело. У нас была одна цель — защита Родины. Все было монументально просто.

А теперь нам предстоит окунуться в океан быта. Все придется решать самому и за ошибки некого будет винить.

Мы окружили стол. Коля разложил на нем чертежи. Заботливое правление совхоза «Восход» просило товарища Каштанова выбрать вариант домика с приусадебным участком и сообщало, в какое звено механизаторов он зачислен. Право на домик он будет иметь, как только женится. Все продумали.

Мне же казалось всегда, что судьбу украшают неожиданности, а не расписание поездов.

— Бери вариант с двумя этажами, — гудит Феликс. — С верхнего этажа, как с палубы, виднее...

— ...что у соседей делается, — добавляет Морошкин.

— Ему нужнее этаж вниз! — кричу я. — Зачем Коле соседи, зачем белые медведи? В подвале можно капусту хранить, картофель. Он же механизатор.

— А ты чем займешься на «гражданке»? — интересуется Феликс.

— Странный вопрос. Куплю автомобиль, стану путешествовать, размышлять о жизни. Вы не представляете, как много еще недодуманных мыслей.

— Работать-то будешь? За голые размышления зарплату не платят. — Акулову очень интересно, чем я займусь.

— У меня за плечами школа с математическим уклоном. Следовательно, займусь программированием, планированием, прогнозированием.

Феликсу план на строительство кораблей спущу, Морошкину увеличу нормы выработки в химической отрасли, Каштанову дам задание увеличить урожай зерновых, Акулову сокращу время на преодоление всех дистанций. Моим делом будет выдать вам задание и кататься по странам иностранным.

— Во травит! — Морошкин о такой жизни даже мечтать не разрешает себе. — Во травит!

— Никто никого не травит. Одним даны золотые руки, другим алмазный интеллект.

— Да кто доверит тебе с десятью классами планировать! — наступает Феликс. — С десятью классами мальчиком на побегушках сделают. С десятью классами пыль с ЭВМ не доверят стирать.

— Я буду учиться.

— Тогда не в зарубежные поездки отправишься, а на трамвайчике в техникум. Га-га-га! А вместо автомобиля самокат будет. Га-га-га! Кончишь техникум, — дай бог, фаянсовый интеллект приобретешь. Га-га-га!

Потом пришло письмо от Пантелеймона Михайловича. Он еще раз напомнил, что не уйдет на пенсию до моего возвращения в бухгалтерию ЖЭКа. Он, видите ли, поверил, что из меня выйдет хороший бухгалтер жилищно-эксплуатационной конторы. Обещал опыт перелистывания отчетов передать. Смешно!

Смешно! Сидеть всю жизнь в полуподвальном помещении! Ничего себе перспектива для начинающего жить!

Я продолжаю бегать, хотя никто не принуждает, те утренние километры, которые в первые месяцы службы казались непреодолимыми. Мой прежний командир Осинин в прошлом году делал то же самое. Только бегал он до последнего построения по другой причине: он укреплял здоровье, чтобы преодолеть трудности, которые поставил перед собой. Он спланировал: построить дом, посадить дерево, воспитать ребенка, написать картину. Вот это цель!

«Гражданка» его не страшила. Наоборот, ему не терпелось схватить судьбу за рога, если они у нее есть. Я же к своей судьбе отношусь деликатнее, даю полную свободу действий и ожидаю, что преподнесет. Не верю, что письмо Пантелеймона Михайловича ее подарок. Скорее это ошибка судьбы.

Наконец пришло время последнего построения. Мы заняли места в строю. Блистая пуговицами и пряжками, слушаем медную песню духового оркестра, затем напутствие командира по политической части:

— Сегодня вы уходите в запас. Ваша жизнь будет зависеть не только от ваших планов, но и от требовательности к себе. Нам хочется пожелать вам успехов в народном хозяйстве, удач в профессиональном деле, счастья в личной жизни. Все будет зависеть от вас самих. Мы же испытываем чувство гордости, что вместе с вами трудились в ратном деле. Используйте качества воина при борьбе за правое дело, при защите слабого, в достижении поставленной цели.

Все правильно для тех, у кого есть цель. А для тех, у кого ее нет? Как, например, мне проявить качества воина?

Однако для своих подчиненных я вполне сложившаяся личность. Они смотрят на меня с уважением, завидуя моему веселому нраву. Фомичев за

неполный год развернулся в плечах, Черемискин — наводчик орудия — стал еще уравновешеннее. Савин, Швачко... Мы расстаемся на всю жизнь, как расстались год назад с Осининым. На погонах моих учеников еще ярко-оранжевые лычки, не затертые ремнями автоматов, лямками противогазов, не затушеванные дождем и снегом.

Коля, попрощавшись со своим расчетом, подошел ко мне. Пора.

Мы по другую сторону забора. Скачи и прыгай! Топаем к автобусной остановке.

— Значит, к старику не вернешься? — спрашивает Коля.

— Какому?

— Бухгалтеру. В ЖЭК.

— Ты унижаешь. Найдется место попрестижнее. Обещаю приехать к тебе на белом коне успеха. ЖЭК не та платформа для взлета. Я попал в этот ЖЭК случайно и поработал только до призыва. От нечего делать.

Мы ожидали автобус и смотрели на окантованную зеленым забором территорию полка с невысокими строениями. Там продолжалась жизнь по строго установленному распорядку. Незыблемая стабильность! Продолжаются занятия, караульные заступают на посты. Как и должно быть: поддерживается постоянная высокая боеспособность. В этой боеспособности, в моих учениках, частица меня, моего сержанта Осинина и так далее...

Автобус оказался стареньким, дребезжащим, Колдобины подбрасывали его, он приземлялся жестко под общий вздох пассажиров.

Мне хотелось получить от судьбы подарок. Согласен взять в этом автобусе. Каким видится мне подарок? Хорошим. Разумеется, это будет не платяной шкаф, не банка черноплодного варенья. Если по большому счету, хотелось бы волшебным образом найти любимую работу, иметь положение в обществе, работать среди талантливых сотрудников и вместе с Лизой ходить в гости к умным друзьям.

Но моя судьба, как доказало прошлое, нерасторопна и зажимиста. До призыва в армию ей казалось, что клиент не созрел, а в армии она побоялась преподнести сюрприз потому, что армия сюрпризов не любит. Теперь не поспевает за автобусом. Может, решила в поезде вручить?

Первым пришел поезд Коли. Ему в южное направление, мне в противоположное. Он неловко обнимает меня, с трудом произносит хорошие слова:

— Мы все подружились. Так что, если что, я всегда, ты только сообщи. Я всегда... Да что говорить, — кричит фальцетом, — сам все понимаешь!

В раме оконного стекла он смотрится еще лучше: широкоплеч, высоколоб, глаза голубые, губы буквой «м», погоны свежие — берегитесь, красавицы!

Глава третья

Судьба не вручила мне подарка в поезде. Я вышел на перрон и сразу оказался в родной экологической среде — туман, моросящий дождик. Я торопился на Невский проспект. Вокзальная сутолока ничего не доказывала. Мне нужен был Невский, чтобы окончательно убедиться: я дома.

Невский проспект был, как всегда, многолюден. Урчали троллейбусы, изредка просыпая на свои влажные спины искры.

Поток людской понес меня по прямому руслу проспекта.

В ладони вспотела двухкопеечная монета, но я оттягивал время звонка, пусть Лиза еще немножко помается. Ведь я для нее подарок судьбы, а подарками не швыряются.

Наконец не выдерживаю, вхожу в стеклянную будку и набираю номер ее рабочего телефона. Конечно, занято! Неужели не чувствует, кто звонит? Наконец-то:

— Говорите. Вас не слышно, перезвоните. — Повесила трубку, безобразница.

Снова набрал номер телефона и услышал знакомый голос.

— Лиза, черт побери! Неужели не узнаешь по частому дыханию?

— Витя? Витенька! — Наступила пауза, и вдруг послышался другой голос, другой тон: — Виктор Петрович, демобилизовали?

— Это ты, Лиза?

— Я. У меня посетители. Давайте в пять у стенда?

— Если вам это не обязательно...

— Обязательно. Буду ждать, — твердо произнесла она и положила трубку.

Теперь стану маяться до конца рабочего дня у стенда перед Адмиралтейским заводом, будто не был в армии, будто виделись вчера. Нет, измельчала любовь, потускнели чувства в двадцатом веке. Не смогла быть выше условностей. Возликовала бы публично, отшвырнула бумаги и помчалась навстречу. Такую радость погубила!

Аничков мост с укрощенными конями, Публичная библиотека, Русский музей, Дворцовая площадь, Эрмитаж, Стрелка Васильевского острова... Троллейбус, будто специально, бежит не торопясь.

На площади перед заводом, где Лиза работает секретарем главного инженера, покидаю автобус. Слева стенд с двухметровыми объемными буквами: «Судоремонтники, ускорим темпы и улучшим качество ремонта кораблей». В конструкциях стенда, будто птички, парни ожидали подруг. Направляюсь туда же.

Из стеклянной проходной пошел народ. Сырой диск площади блестел, как музыкальная пластинка. Люди ступали на площадь в свои отражения, они шли группами и в одиночку. Заметив парня в каске возле мятого мотоцикла, я кричу ему:

— Приятель, нервные клетки не восстанавливаются!

Польщенный вниманием, паренек подошел ко мне. Лицо его, широкое, улыбчивое, было в крупных веснушках. Кожаная куртка спереди и сзади забрызгана грязью. Оказывается, мотоцикл был без подкрылков.

— И кого мы с таким нетерпением дожидаемся? — спросил я.

— Девушку из будущего, — серьезно ответил мне паренек. — Таких еще нет. Она одна.

— А в будущем таких будет много?

— Лет через сто, двести, не раньше.

Паренек оказался словоохотливым. Он рассказал, что живет в пригороде, что любит навещать город со своим мотоциклом. Работники автодорожной инспекции часто задерживали его, интересуясь вмятинами на машине. Как видно, пареньку нравилось доказывать, что ушибы на корпусе мотоцикла от столкновений с неодушевленными предметами. Однажды он приехал очень рано. По его рассказу, ГАИ еще чистила зубы большой зубной

щеткой. Какой ей, ГАИ, смысл было вставать раньше из-за одного мотоциклиста, когда часика через два их станет навалом. Перед судоремонтным заводом он затормозил. Судостроительные краны, похожие на скелеты доисторических ящеров, восхитили его. Возвышающиеся над оградой корабли взволновали. Утро только занималось. Завод еще не скинул сиреневую дымку. К проходной уже двигались люди. Услышав за спиной топот каблучков, он обернулся. На него шла девушка и улыбалась, будто во сне. Вид раннего всадника на мятом мотоцикле ее развеселил.

— Здорово! — крикнул он весело.

— Здравствуйте, — ответила она.

Он предложил девушке прокатиться, поглядеть на острые шпили и золотые «кумпола». Она отказалась — работа!

«Девушкой из будущего» оказалась Лиза. Паренек первый заметил ее в толпе, побежал навстречу, стал долго трясти ее руку, не замечая меня и смущения Лизы.

— Значит, появился соперник? — покачал я головой.

— Случайно познакомились. Степан из пригорода. Посмотри, какой веселый, — ответила Лиза, встала на носки и поцеловала меня в обе щеки и в нос.

— Жизнь — узор случайностей, — сказал я и спросил Степана: — Архитектурой города тоже интересуешься?

— Да, интересуюсь, — с готовностью ответил он.

— А что собираешься делать в нашем городе?

— Асфальт пахать, — загоготал Степан.

— Еще один явился пахать. Скоро наши тротуары превратятся в овраги.

Лиза рассмеялась:

— Я обезврежу город. Устрою Степана на завод.

— Чтобы было весело?

— Витя...

— У меня не было и нет оснований ревновать тебя. И я за это благодарен. Согласовано: устраивай его на завод. Только с условием, чтобы он не знал места твоей работы.

Я взял Лизу под руку и повел ее.

— Вы куда? — жалостно заскулил соперник.

— Армию уже отслужил?

— Нет. А что?

— Запомни, старшим по званию вопросов не задают.

— Да ну?

— Точно.

Чтобы как-то задержать Лизу, насмотреться на нее, Степан объявил, что сам поступит на судоремонтный завод. Одобрения Лизы он не получил, да и не нуждался в нем.

Мы сели в трамвай и поехали на Петроградскую сторону. Я напомнил Лизе, что она когда-то играла в самодеятельном театре. Она посмотрела на меня с удивлением.

— Сейчас ты сыграешь роль невесты, — приказал я. — Скажу родителям, что привез тебя с места прохождения службы. Объясню, что твои родители видеть меня не хотели, потому пришлось бежать тебе в чем есть.

— Думаешь, так надо?

Свою роль она сыграет хорошо и серьезно. Она бывает порой замечательно послушной.

Родители не поверили нашей легенде, но за меня вроде бы порадовались. Им польстило, что Лиза так старательно подыгрывала мне во всем.

Глава четвертая

Не раздумья о цели жизни привели меня в ряды статистов, а случайность. Может быть, запрограммированная судьбой.

Ведь если рассудить, все мы статисты. Получилось так: я шел покупать костюм и пальто. В кармане шинели лежали деньги, выданные родителями. Толкучка возле киностудии привлекла мое внимание. Я вошел во дворик и оказался в толпе таких же бывших военнослужащих, как я. В шинелях без погон они пускали дым из ноздрей и о чем-то беседовали. Вдруг раздался железный голос. Кто-то в мегафон требовал заполнить автобус.

«Тебе особое внимание?» — прогремел мегафон, и, когда я закрутил головой, чтобы понять, к кому относятся эти жесткие слова, мегафон рявкнул:

«Иди в автобус!»

И я пошел. «Вот он, подарок судьбы», — решил я, усаживаясь на теплое заднее сиденье львовского автобуса.

Нас повезли в лес. Между соснами темнели силуэты прожекторов. Редкий, падающий снег создавал настроение, по выражению опытных статистов. Они не спешили покидать автобус, я тоже. После долгого прогона до места съемки мне стало известно одно: нас будут расстреливать. За что, никто не знал. Фильм имел рабочее название «Паника». Наверно, по сценарию мы все паникеры, а может быть, нас врасплох застала вражеская засада, а может быть...

«Выходите! Выходите!» — требовал мегафон, и снег рушился с лап елей.

Среди стволов сосен я увидел белую «Волгу» с красным крестом и подумал, что паника будет серьезной.

— Повторим бег. Учтите красные ленточки на земле. Ближе метра не пробегайте. Взрывы будут сильными.

За «скорой помощью» я рассмотрел темные автофургоны, возле которых пиротехники делали свое взрывоопасное дело. Итак, служба продолжается! Если приказано бежать, значит, побегу.

— Вы, вы, вы, вы, — режиссер указывал на статистов пальцем, — будете падать убитыми, где падали вчера. Только делайте это проще, без выкрутасов. Начнем по сигналу зеленой ракеты. Можете покурить.

— Спасибо, — произнес пожилой Самсонов и закурил.

Я спросил его, какой эпизод снимается, в чем идея фильма. Он пожал плечами, сплюнул на затоптанный снег и ответил хрипло:

— Какое это имеет значение? Побегаем среди взрывов, получим рваненькие — и другая съемка.

— Вы снимаетесь постоянно?

— Когда возьмут. А массовка нужна всегда. Несколько раз брали в групповку с выездом и, значит, деньги шли лучше — плюс командировочные. Некоторым статистам даже роли дают. Тогда совсем лафа.

Самсонову было лет пятьдесят. Фактура его лица и фигуры годились для ролей банкиров, швейцаров, писателей: крупный нос, лохматые брови, массивный раздвоенный подбородок. Невольно сравнил свои данные: нос короткий, глаза светлые, широко расставленные, губы толстые и улыбчатые — типичный опричник без царя в голове.

Мегафон приказал пройтись между взрыв-пакетами, протоптать свою тропку безопасности и вернуться на старт. Когда мы это сделали и вернулись, зажглись прожектора. Они располагались по обе стороны нашей трассы и светили фара в фару.

— Так о чем же фильм? — допытывался я. Мне казалось, ответ на этот вопрос улучшит качество моего бега среди взрывов.

— Да ты не тревожься, — успокоил Самсонов. — Взрыв-пакеты лежат под снегом, от них только одна безосколочная копоть, да песком немного обдаст. Так что жмурься больше.

К свинцовому небу прилипла зеленая ракета, и мы ринулись каждый по своей тропке. Мегафон, надрываясь, командовал, кому надо падать, когда следует бежать, прикрывая руками головы. Взрывы гремели то справа, то слева.

Свет прожекторов мешал смотреть вперед, зато на белом снегу под его лучами ярко горели красные лоскутки.

«Эй, молодой-курносый, шире рот! Ори что-нибудь, — потребовал от меня мегафон, и я заорал. — Отлично, продолжай в том же духе!»

Может быть, это была шутка мегафона, может быть, он тоже в раж вошел, но он попросил меня орать в том же духе и в конце трассы. Ослепленный светом, я покинул полосу и углубился в девственный лес...

Во втором дубле, третьем и остальных восьми я получил твердую кличку «молодой-курносый» и с нею несколько похвал. Видимо, операторам нравилась моя паника, и это меня вдохновляло. Наверно, поэтому во дворике студии мне выдали гонорар, как и всем статистам, хотя ни в каких финансовых списках я не значился.

«Молодой-курносый!» — позвал меня мегафон. Я подошел к нему, вернее, его владельцу, а еще правильнее, помощнику режиссера.

— Завтра сможешь? — спросил он и назвал номер павильона и время, увидев мою улыбку.

Мой поворот в биографии насторожил родителей и рассмешил Лизу. Они сходились в одном: после службы в армии мне следует быть серьезнее и не строить воздушные замки, да еще на песке, что пора бы проявить волю, подумать о будущем. Когда же я спрашивал их, что стало бы с городом, если бы все делали нелюбимое дело, добивались чего не желают, они молчали.

Глава пятая

Я вносил вклад в самое массовое искусство, а Степан из пригорода, пользуясь моей занятостью, упорно искал Лизу в цехах и отделах завода. Наши встречи в конструкциях стенда с лозунгом всегда проходили бурно. Он жаловался на завод, на его запутанную планировку, упрашивал дать рабочий телефон Лизы. Я советовал ему искать, ведь кто ищет, тот всегда найдет!

— Время уходит, понимаешь? — горячился он, совершенно не принимая меня в расчет как соперника. — Вчера убег с рабочего места, от бригадира маляров крепко досталось. Зря убег. Видно, сон в руку был.

— Какой сон?

— Да приснилось, будто Лиза плетет и бросает на конвейер венки из ромашек с васильками. Как сейчас вижу красный лозунг над ее головой: «Девушки, увеличим выпуск венков на головы прохожих!»

После такого сна, утречком, побежал Степан от своего рабочего места в цех, где товары народного потребления делали. Он так разогнался по коридору, что влетел в ярко освещенный зал. Увидев прямо перед собой Лизу, он бросился к ней, да что-то вдруг стало не пускать его. Главное, ничего нет, а не пускает! Степан надавил на препятствие плечом, помог каской, и оно лопнуло, раскатилось градинами по зеленому полу. Когда Степан подбежал к девушке ближе, он понял, что обознался. Он хотел было повернуть назад, у него шпаклевка на стене схватывалась, но мужчина в белом халате задержал, вытащил из кармана авторучку и написал акт, по которому выходило, что Степан должен заводу восемьдесят три рубля сорок копеек. Такова стоимость витринного стекла!

— Любовь требует жертв не только духовных, но и материальных, — утешил я его и подумал, что до службы в армии был таким, как Степан.

Несколько дней подряд Лиза упрямо не выходила из проходной. Не ночует же на заводе!

— Может быть, дырка есть в заборе и она просачивается в нее? — спросил я Степана.

— Сегодня обследовал периметр, — закрутил головой тот. — Даже отверстия нет.

— Может быть, уплывает?

— Не может. Вода холодная, — конкретно представил Степан.

Ясно, решила бойкотировать. Ревнует: у меня на студии появились друзья не только мужского пола... Вместе с моими родителями жалеет мой непрерывный стаж. Оказывается, при подсчете пенсии большую роль играет длина стажа. На сорок лет с гаком смотрят вперед! Хотят вылепить из меня подобие Пантелеймона Михайловича. Он человек порядочный, но этого же мало для подражания.

— Ну, я тебе скажу, запутанный завод попался. Помещений нагородили, как в пчелиных сотах. И в каждом что-то клепают авторучками, станками, сварочными аппаратами. Я начал ее искать с левой стороны. От причала. А может быть, надо было от канала?

— Честное слово, Степан, не знаю. Самому интересно, в какую щель завалилась.

— Ха-ха-ха, — развеселился соперник и вдруг спохватился: — Но должность-то ее знаешь, и телефончик тоже. Я бы с такими данными за шесть минут отыскал ее. Через отдел кадров. Давай данные и засекай...

Выскочившая из ворот черная «Волга» заставила нас умолкнуть. В машине ехал какой-то руководитель и кто-то. Кто-то был со стрижкой «под мальчика», кто-то был Лизой.

— Лизавета, — выдохнул Степан и ударил себя по коленям: — Надо же! Удирает от нас со своим шефом! Ты видел когда-нибудь такое? Ты видел, чтобы такое было? Это же зрелище! Два лба ждут, а она скользит с третьим.

Он вдруг опомнился, стукнул кулаком по своей каске и убежал к мотоциклу за стендом. Раздался оглушительный выхлоп. За ним другой. И мотоцикл, вставая на дыбы, помчался вдогонку за черной «Волгой».

Глава шестая

Я почти знаменитость. Почему Лиза не ценит это? Я не толкаюсь, как толкаются начинающие статисты, перед студией. Мне присылают открытки.

Я шагаю на киностудию, встречаюсь с коллегами — постоянными статистами. Среди них самый постоянный — Аркадий.

Он смирился с ролью статиста, приладился к ней и ни о чем другом теперь не думал, не мечтал. «Пока есть кинематограф, — утверждал он, — статист не умрет с голоду».

Не в пример мне, к своим ролям он относится серьезно и каждый раз делает попытки вжиться в порученный образ. Хотя это никому не нужно: ни сценаристу, ни режиссеру с его помощниками, ни зрителю. Мы предназначены для фона. Мы фоним.

Ряса монаха к лицу Аркадию. Речь его стала растянутой, благообразной:

— Братие и сестры! Бог един, но троичен в лицах. Вся пресвятая троица участвует в нашем спасении. — Он вытащил из пачки сигарету, закурил. — Троическая благодать коснется и нас, если мы преискренне примиримся с ближними, простим обиды и оскорбления, раскаемся во грехах своих...

— Брось трепаться, Аркадий! — потребовал «эсэсовец» из соседнего павильона, где снимается фильм о войне. — Куда пойдем после съемок?

— Пути господни неисповедимы.

Назавтра Аркадий другой. Он играет немца-рабочего и поэтому перешел на свой немецкий язык:

— Майн этот фильм дер нихт!

Что означает: «Мне этот фильм не нравится».

Нас часто снимали на Петроградской стороне. В прошлом она называлась Петербургской. С нее начал расти город. Если фильм был исторический, асфальт накрывали имитацией булыжника. Прав был Пантелеймон Михайлович, когда боролся против асфальтирования всех без исключения улочек, когда доказывал: «Петроградская сторона — музей под открытым небом! Надо сохранить некоторые улочки в их первозданном виде». Но каток времени сделал свое дело, заасфальтировали улицы без исключения.

Верю, найдется смелый человек, он убедит общественность, что надо реставрировать особо примечательные улочки, необходимо снять кору асфальта, прикрепить над парадными дверями козырьки с ажурными коваными кронштейнами, поставить вдоль улиц старинные фонари, — ведь наш досуг увеличивается и его надо использовать грамотно: кто любит рисовать, тот пусть рисует, влюбленные будут парить по старым улочкам, философы—прогуливаться по ним и спорить о смысле жизни. Только изящный стиль жизни побуждает человека к художественному и техническому творчеству.

Нас привезли на улицу, где находилась жилищная контора с ее главным бухгалтером Пантелеймоном Михайловичем. Встречи с ним я не боялся, он

не узнал бы меня, нас разделяло сто лет. На мне была форма улана с золотыми вышивками, аксельбантами. Сбоку болталась длинная сабля. Голову украшал высокий кивер.

Осветители, расставив прожектора, залили часть улицы светом, пиротехники подпустили дыму. Соблюдать историческую достоверность улицы, где каждое окно с занавесками выдавало современность, было трудно. Поэтому понадобился дым, который станет на экране петербургским туманом.

Аркадий тоже был уланом. Красивая форма была нам к лицу. Она вынуждала нас держаться с достоинством. В такой форме просто было бы невозможно удирать от хулигана, не уступить место женщине в трамвае. Мы с Аркадием стали другими, и девушки-мещаночки, тоже статистки, поглядывали на нас чрезвычайно ласково. Я понял: наша современная мода ни к чему не обязывает.

Артисты всегда в сторонке от нас. Для них статисты — бутафория. Они будут ехать в каретах, разговаривать, мы же будем мелькать.

«Пошли!» — скомандовал помощник режиссера в мегафон.

Аркадий сразу же на полном серьезе начал игру:

— Вчера был у графини. Ты ее помнишь, высокая блондинка, Ирина.

— Которая билеты в кинотеатре продает?

— Та самая.

— Она такая же графиня, как я приемный сын царя.

— Не скажи! Прабабушка ее была графиня.

— Какое это имеет значение!

Аркадий отвесил поклон проходившей мимо статистке. По проезжей части медленно двигались кареты. Мы подходили к полуподвальным окнам, за которыми всю жизнь просидел, с перерывом на войну, Пантелеймон Михайлович. Конечно же он все понял и, не дождавшись меня, ушел на пенсию. На всякий случай я приказал себе не смотреть вниз, но краем глаза, кажется, увидел очки, седой ежик волос... Неужели работает? Надеется, что вернусь? Он всегда был доверчивым. Разыграть его ничего не стоило: «Знаете, что сделал бы я, если бы стал директором?»—«Мне трудно догадаться, такая должность для вас слишком неожиданна».—«Я бы вызвал черную «Волгу» и стал кататься». — «Зачем же кататься? Вы лучше пешочком. Больше увидите, лучше всмотритесь».

Он знал о Петроградской стороне с ее островами абсолютно все: какой дом когда горел, когда провели водопровод, кто был хозяином домов, чем и как освещались улицы. Новую архитектуру он не понимал искренне. Поэтому шутки мои по поводу ее воспринимал с удовольствием и как мог подыгрывал. «Пантелеймон Михайлович, а знаете ли вы, как люди находят свои дома в новых районах?» — «Юноша, у людей, слава богу, еще есть зрительная память». — «В новых районах она беспомощна. Там технари носят на головах портативные локаторы, а гуманитаров водят собаки». — «Вы, конечно, утрируете». — «А моя девушка, чтобы не заблудиться, повесила на балконе сыр рокфор».—«Но, юноша, там на домах набиты трафаретами большие цифры». — «В районе, где живет моя девушка, на всех домах цифра семнадцать. Кто-то внедрил рационализаторское предложение, вместо множества трафаретов использовал один». Пантелеймон Михайлович всегда улыбался не сразу. Ему требовалось время на всестороннее обдумывание шутки...

Киносъемки — это дубли. Никогда не знаешь, в каком понравишься режиссеру. Судьба дублей решается на монтажном столе. Тебя могут вырезать — и никаких претензий, будто не жил вовсе. Оказывается, у человека существует чувство собственной бесследности! Ему вдруг становится жалко «своих не сбывшихся мечтаний».

— Береги психику, — предупреждает Аркадий, очередной раз раскланиваясь с дамой-статисткой. — Хочешь наследить — пиши сценарий и меня на заглавную роль выдвини.

После съемок я позвонил Лизе. Ее тусклые ответы свидетельствовали о печали. Уверен, она плачет тайком. Ей хочется видеть во мне стальной пролет над передрягами жизни. Наверно, сравнивает меня со своим отцом. Он часто меняет места работы, как я съемки в фильмах. Она крепко убеждена в примитивной истине: «Если человек не постоянен, значит, не глубок, подвержен дурным влияниям». Она боится за меня до паники, хотя и делает это с гордым независимым видом. Повторяет:

— Иди к Пантелеймону Михайловичу.

— С чем?

— С головой и руками.

— Покамест у меня не голова, а емкость, не руки, а хватательные и брательные инструменты.

— Скажи: работать не хочется, легче костюмы напяливать.

— Русского интеллигента всегда терзали сомнения.

Она зло рассмеялась:

— Да какой из тебя интеллигент!

— Согласен, быть может, я не стал им, но стараюсь стать честно.

Я вдруг понял: мы очень разные люди! С шестого класса дружили и не знали, что такие разные. Она же не имеет представления, что меня мучает, о чем говорю! У нее одна цель: подчинить, заставить делать то, что кажется правильным ей.

В тот день мы поссорились сначала по телефону, потом я поехал продолжать начатое на завод. Позвонив из телефонной будки в проходной, я попросил ее выписать пропуск. На вопрос «зачем?» ответил:

— Скажу, что надо доверять друг другу. Если твой друг поступает, как считает нужным, не мешай. Сила дружбы в терпимости. Свои принципы навязывают только враги. Ведь мое достоинство в моих принципах. Как же ты можешь убивать их во мне!

— У тебя один принцип — делать что нравится. А есть еще понятие «надо».

— Я должен любить свое дело, чтобы нести за него полную ответственность.

— Отговорки тунеядца.

Ноздри мои раздулись и выдохнули пламя. Я сообщил, что пройду без пропуска. Она усмехнулась в трубку, уверенная за охрану.

Охранница в синей шинели возвышалась над хромированными турникетами.

— Здравствуйте, тетенька! Жара у вас — пиджак на плечах прогорел. Трудно дышать после нашего Сыктывкара. Главный инженер на месте? — Охранница пожала плечами: откуда ей знать. — У него кто-нибудь есть? Теперь вот и я прилетел к нему в гости. Давно приглашал ваш главный, да все не мог: работа, семья...

— Потом направо, — подсказала охранница, когда я медленно, даже с неохотой провернул вертушку.

— Благодарю.

На территории завода ей было неловко догонять гостя из далекого города и беспокоить служебным вопросом: «Товарищ, а ваш пропуск где?»

В центре завода находился большой водоем. На пологом берегу сохли загрунтованные оранжевым суриком суденышки. Корпуса завода были дореволюционной постройки. Только вдалеке в сиреневой дымке красовался новый корпус. Его силуэт и пропорции были какими-то уютными, приятными.

Между котельной и столярным цехом, из которого несся визг циркульной пилы, я остановился, пораженный блеском «груши» бетономешалки. Тем более что в ней кто-то стучал в чугун, будто звал на помощь.

— Кто там? — спросил я.

— А ты кто? — спросили меня.

— Горлышко узкое? Тогда как влез?

— Как влез, так и вылезу, — прогудел чугун, и вдруг показалась каска, брови, нос и губы Степана из пригорода.

— С каких пор из людей делают бетон?

С трудом протискивая квадратное туловище в круглое отверстие горловины, он поинтересовался:

— Тоже на завод пришел работать? Здесь твое кино кончится.

— Проводи к Лизе.

— Неохота, — поскучнел он.

— Хочу поругаться.

— Если так, — он оживился, спрыгнул на землю, — пошли!

По дороге он, как всегда, перечислял жертвы: уплатил восемьдесят три рубля сорок копеек за расколотое зеркальное стекло, выгнали из бригады маляров с выговором и зачислен с целью перевоспитания к товарищу Сироткину на его растворный узел.

— Сироткин тоже думает, что жадный я, бесплатную газировку люблю, лентяй, если с рабочего места удираю, а я Лизу искал и нашел-таки, в приемной у главного инженера.

По его рассказу выходило, что «Сироткин товарищ» неохотно принимал на растворный узел подсобников — лишняя морока с ними. Он требовал от подсобника больше, чем мог сделать сам, а что мог сделать сам, было не под силу никому. Двухметрового роста, обвернутый длинным брезентовым передником, он походил на цилиндр с крупным шаром наверху. Осмотрев подсобника, он коротко, чуть заикаясь, приказал:

— Очисть «грушу».

Растворный узел состоял из бетономешалки, навеса, большого сундука с инструментом, «скворечника» для бутербродов и бутылок с кефиром, пульта управления из двух кнопок «пуск» и «стоп» да горы песка.

Степан погладил бетонные наросты на чугуне «груши» и понял, что без кувалды и зубила не обойтись. Он хотел было сбегать на склад, но Сироткин гаркнул:

— О г-газировке забудь!

— Не пальцем же ковырять бетон. Инструмент нужен,—сказал Степан.

Сироткин открыл сундук и молча протянул подсобнику защитные очки, зубила и малую кувалду.

Когда нарост бетона был сбит, Степан прошелся по чугуну карчеткой и промыл его сильной струей воды.

Сироткин оценил работу лаконично:

— П-плохо.

— Веселый вы, Сироткин, товарищ! — не поверил оценке Степан.

— Если в баню пошел, так мойся до пят. Станина-то не убрана.

— Ну даешь, товарищ! Приказываешь одно, требуешь другое, а думаешь, наверное, третье. Так мы с тобой не встретимся у Нарвских ворот.

— Нечего нам там делать. Здесь п-повстречаемся, — ответил Сироткин и ушел проверять, как слесари готовят к большому бетону тачки.

Степан очистил станину, а когда заглянул внутрь «груши», ахнул. Лопасти так обросли бетоном, что превратились в бугры.

Он прихватил инструмент и протиснулся в горловину «груши». Работать было неудобно. Скорчившись, он долбил нарост и чувствовал холод чугуна и бетона всем телом. К тому же приходилось сбивать нарост в кромешной тьме... Там я застал его и вынудил проводить к Лизе. Он часто оглядывался, но шел вперед.

Я посоветовал ему возвратиться на растворный узел. Он по причинам понятным не захотел покинуть меня. На втором этаже заводоуправления открыл дверь с вывеской: «Главный инженер Вагов Аким Иванович», хохотнул в приемную и объявил:

— Гостя привел.

Увидев меня, Лиза не повела бровью. Непонятно: откуда у нее такое равнодушие? Поблагодарила Степана мягко, я бы даже сказал, с нежностью:

— Спасибо, Степа. — И мне: — Зачем явился?

— Являются призраки.

Она еще раз улыбнулась Степану. Тот расцвел, будто гвоздика на клумбе. Каска приподнялась на торчащих ушах. Интересно: сколько раз в рабочий день он расцветает?

В нем что-то есть опасное. Это что-то называется обаянием. Обаяние, как талант, дается или не дается. Середины нет. Человек с этим даром природы может молчать при девушке, ему не обязательно выпячивать свой интеллект, мускулатуру, носить модные костюмы, его полюбят все равно. Можно, конечно, и надо работать над собой, культурой возмещать ущерб, что я и делаю...

Мне даже вдруг стало жаль Лизу: трудно приходится ей со мной, я для нее постоянный источник тревог. Надо бы хорошее сделать, только не поступаясь принципами. В моей выдержке залог счастливого будущего. Лиза не понимает этого потому, что нашла свое призвание сразу. Поэтому без скидок, не смягчая тона, продолжаю с ней разговор, и пусть Степана временно радует наша ссора.

— Ты и есть настоящий призрак!

— Призраки в кино не снимаются. Пленка их не берет.

— Не знаю, как она их не берет, но для меня ты настоящий призрак. А кто же еще? В тебе нет для настоящего человека основательности.

— Думаешь, оскорбления прибавят мне основательности? Ошибаешься.

— Чего ты добиваешься? Объясни. Я знаю, людям приходится делать не то, что хотят, а что должны делать..

— Вот я и пытаюсь узнать, что должен и чего не должен делать. Поэтому пришел за советом. Решил я...

— ...Идти к Пантелеймону Михайловичу?

— Бери выше!

— Снова выше, — вздохнула она с тоской. — Когда ты кончишь порхать?

— Но ты послушай...

— Не желаю. — Она решительно придвинула к себе пачку с бланками пропусков.

Степан слушал, улыбался, поглядывал на Лизу с одобрением.

Я вдруг понял: бесполезно выяснять отношения, доказывать. Нам лучше всего, не роняя чувства собственного достоинства, разойтись... на некоторое время.

Лиза выписала пропуск на выход и молча протянула его.

Я быстро покинул территорию завода и поехал на железнодорожный вокзал. Когда билет был куплен, отправил директору совхоза «Восход», где Коля Каштанов вкалывал механизатором, телеграмму: «Выезжаю писать сценарий на базе вашего совхоза сценарист Виктор Пригородный».

Глава седьмая

Мой сценарий начинался так:

«Разлинованная пашнями, пересеченная нитями дорог, приближалась земля.

В голубой парниковой дымке серебрились на краю зрения извивы рек. Бархатно-зеленые клочья лесов уходили в стороны, надвигалось желтое поле с комбайнами на нем.

С приближением земли явственнее звучали мужские басы, поющие о серьезности бытия: «Восславим корабелов желтых полей...».

И вот земля! На синем-пресинем небе ни облачка. Над колосьями вспорхнули бабочки, напуганные появлением комбайна. Сначала показались разноцветные ветряки-вертушки, закрепленные наверху кабины. Большие и маленькие, крутились они, вызывая воспоминания о детстве и пропавшее удивление перед тем, что на свете дует ветер...»

Фу! Оказывается, писать сценарий не так интересно, как смотреть фильм.

Я думал, моя телеграмма всполошит совхоз «Восход». Ничего подобного! Взрослое население было в полях, детей сценарист не интересовал, директор был озабочен. Только приказал:

— Отведите его в дом Каштановых. Детишек у них нет, Александра готовит хорошо. Николай на полевом стане. Так что можно будет работать без помех. — Мне посоветовал: — Наблюдай, придумывай, если совет понадобится, приходи.

Известие о прибытии сценариста Пригородного потрясло воображение повара передвижной кухни Светланы. Позже Коля рассказал (и это вошло в мой сценарий), что в тот день она кормила комбайнеров и водителей автомашин с особой торжественностью. На вопросы и критику отвечала вежливо.

— Это же расплавленное олово, а не борщ! — отодвигая тарелку, крикнул Васек, молоденький водитель грузовика с двумя прицепами.

— А вы подуйте, не сачкуйте, — ответила из автофургона Светлана. — Вам горячая пища полезна.

Когда Васек увидел миску с пельменями, он закричал еще громче:

— Да их экскаватором выгребать!

— Не дурите, — строго приказала Светлана.

— Какие новости скрываешь, Светлана? — спросил Коля.

— Ешьте, ешьте.

— Светланушка, — Коля придержал ее руку, — мы здесь больше знаем о событиях в Африке, чем в родном поселке. Вот потребую, чтобы тебя сняли с должности повара. Шутишь, когда нам не до шуток, молчишь, когда надо говорить, поешь, когда надо кричать.

— Да ведь если я скажу, у тебя первого аппетит пропадет. Вот когда поешь, тогда и скажу.

— Пропал аппетит. Начисто! — Коля отодвинул миску с пельменями.

— Ладно, — согласилась Светлана. Присела на краешек скамьи, заявила басом: — В нашем поселке все хорошо. Так что будьте спокойны. А завтра в нашем поселке будет еще лучше.

— Это нам по газетам известно, не темни, — потребовали слушатели.

— Так и запомните, в нашем поселке было и будет хорошо. И никаких жалоб! Если есть что плохое, так это же недостатки. А недостатки...

— Изживаются! — хором ответили парни.

Светлана помолчала, осмотрела пыльную одежду парней и осталась недовольна.

— Внешний вид у вас не тот. Вы же советские труженики! У вас возможности есть и сельская служба быта. Вам надо срочно подумать о своем внешнем виде. Стыдно же!

— А зачем? — спросил Коля с подозрением.

— Мы еще хлебнем из-за тебя стыда, — вздохнула Светлана. — Советую тебе не появляться в поселке дней двадцать.

— А другим? — спросил Васек.

— Другие могут, только прилично одетые. Нынче мало быть хорошим работником, нынче надо совмещать производственные показатели с культурными.

— Куда она клонит?

— Понял! — закричал Васек. — Нас будет проверять комсомольский рейд.

Светлана бросила козырь:

— В нашем поселке поселился человек...

— Один? — спросил Коля с усмешкой.

— Один! — с вызовом ответила Светлана. — Только сила у него такая, впечатление о тебе сложит — страна услышит и увидит.

— Корреспондент! — догадался Васек.

— Ой, Васек, посопи в платок, — отмахнулась озабоченная Светлана. Посочувствовала Коле: — Большая ответственность обрушилась на тебя. Должен ты не уронить достоинства сельского труженика, блеснуть эрудицией и заодно амуницией. Совхоз доверие оказал. Обязан ты или оправдать доверие, или сгореть со стыда.

— Это не юмор, Светлана, это что-то наоборот, — заметил Коля.

— Да перегрелась она в своей походной кухне! — объявил Васек.

— Ты же не хочешь стать отрицательным типом? — спросила Светлана Колю. — Не хочешь. Поэтому веди себя со сценаристом аккуратно, достойно. Сценарист Пригородный живет в твоем доме. Хочет кино про нас показать на белом экране. Поэтому фасон надо держать, куда денешься?

Глава восьмая

Я ждал. Николая должны привезти с полевого стана отдохнуть, переодеться. От нечего делать я много фотографировал. Среди сотен типовых усадеб Колина узнавалась по ветрякам-вертушкам. Во дворе на возвышении он установил причудливую раму и насадил на нее разноцветные и разновеликие ветряки. Они шуршали, захватывая в лопасти ветерок. Я сфотографировал стенд, посвященный авиации, с нескольких точек. В моем сценарии он сыграет свою декоративную роль.

Александра, жена Коли, уходила на целый день. Она работала дояркой на большой молочной ферме. Вечерами, с ее приходом, комнаты дома наполнялись тихим топотом и приветливыми улыбками. Я вспоминал Лизу, жалел, что у нас не так просто, как у Коли с Александрой.

Вечерело. По улице, мыча, двигалось стадо пятнистых коров. Подгоняемые резкими щелчками кнута, они ускоряли шаг. Я хотел сфотографировать пастуха, но он запретил:

— Брось, не до прессы!

— Плохой день был?

— Плохой. Волки напугали коров. Когда-то его, волка значит, под охрану взяли, он и расплодился. К тому же зверь умный, на охоту просто не поддается.

— Ружье берите.

— Одна тяжесть. В соседнем совхозе двух телят зарезали. Пастух не успел ружье вскинуть.

Пастух ушел. Я остался у изгороди. Солнце укатилось за волнистый горизонт. Темные облака, похожие на баржи, плыли медленно и тихо. Тишина — вот что присуще маленькому поселку. Промычит корова, звякнет пустой бидон, послышится голос человека и утонет в тишине.

— А вот и я! — сказала Александра. Она принесла банку с парным молоком. Для гостя. — Сейчас ужин приготовлю.

— Не хлопочите. Мне надоело ужинать. Творческому работнику много есть противопоказано. Набитый желудок притупляет восприятие. Голодный человек острее видит, сильнее чувствует...

— Голод, — смеется Александра и уходит в дом. Там с радостью сообщила: — Коля должен приехать.

— А он любит поесть? (Я-то знаю, как он любит грызть пряники!)

— Это я люблю покормить его хорошо.

— Он крупный или щуплый?

— Каким увидится, такой и есть, — улыбается Александра.

— Привет с полей! — раздался вдруг знакомый голос.

На Николае был темный костюм, галстук торчал колом. Ботинки блестели и видно было, что жмут.

— Погоди, не шуми! — остановила его Александра.

Обиженный таким приемом, ослепленный вспышкой моего фотоаппарата, Коля сел в кресло и катапультировался из него, рассмотрев лицо гостя-сценариста.

— Виктор, Шатурнов, ты ли это?! — Он обнял меня и стал носить по комнате, как служитель музея мраморную скульптуру. — Вот не ожидал, вот радость доставил. Александра, это же Шатурнов, я тебе рассказывал о нем. Он без фокусов не умеет. Он еще не последний номер показал.

— Да поставь наконец его на ноги, — вступилась за меня Александра.

— А я-то думал, настоящий сценарист живет в моем доме, — захохотал он.

— Я и есть настоящий сценарист, — обиделся я.

— Не хохми! — отмахнулся он и сбросил ботинки на пол так, что они разлетелись в разные стороны. Объяснил смущенно: — Переоделся, чтобы культурнее выглядеть перед сценаристом.

Недооценка моих способностей раззадорила меня. Прилив хвастовства скоро стало невозможно остановить. Пока Александра накрывала на стол, я успел рассказать о завоеванном авторитете на киностудии, об успехах на поприще сценарного искусства. Николай слушал и верил. Он был из доверчивых.

Скоро я понял, что допек его. Он начал смущаться в присутствии такого знаменитого гостя. Поведение его становилось все неестественнее. Он даже снова надел ботинки. Я же сорил именами режиссеров, актрис, небрежно высказывался о состоянии современного киноискусства и его проблемах.

Я возводил стену. Скоро нам стало не о чем говорить. Чтобы нарушить неловкое молчание, Коля поднял рюмку и предложил тост за встречу.

Я ответил тостом вычурным, с таким множеством подтекстов, что ни хозяева, ни автор понять смысл тоста до конца не смогли.

— Какие у тебя впечатления от нашего совхоза? — выручил меня Коля.

— Хорошие, — ответил я.

— Недостатки у нас, конечно, имеются, но мы их один за другим изживаем.

Я достал из нагрудного кармана блокнот и спросил, приготовившись записывать:

— Сколько гектаров вы скашиваете за смену?

— Около сорока.

— А вчера сколько?

— Вчера меньше. Были неблагоприятные условия в форме грозы.

Я не узнавал Колю. Он держался, как на дипломатическом приеме.

— Сколько ты зарабатываешь? Мне нужно знать для сценария.

— Цыплят по осени считают, и валюту тоже.

— А прошлый месяц сколько получил?

— Я лично нисколько.

— Как это?!

— Она получила за меня, — Коля кивнул в сторону жены, — а что женщине в клюв попало, считай пропало. Или у вас в Ленинграде женщины другие?

— Почему вы отапливаете дома печами, а не электричеством или паром? — спросил я. — Вы же нерационально расходуете дерево, силы и время?

Коля подумал.

— По последним данным, лучшее в мире тепло дает только печь. В других поселках центральное отопление, а мы отказались. Нам ни к чему. У нас печь.

— А почему нет водопровода?

— Теперь о воде, — вздохнул Коля. — Слышал я, что у вас в городе многие бегают трусцой. Правда?

— О да, правда.

— А у нас другой спорт для здоровья — воду носим.

Я рассмеялся:

— Ты, конечно, шутишь. А если серьезно?

Нет, Коля не шутил! Зачем-то он стал фальшиво защищать честь поселка.

— Зачем лакируешь, зачем?

— Иначе нельзя, — ответил он спокойно и вдруг с горячностью, краснея, объявил: — Все равно же не поймешь! Тебе хоть спички между вéками вставь, не увидишь. В любом хозяйстве, и личной жизни тоже, не сразу все получается. Критиковать тоже надо уметь. Ты же не требуешь от парня мудрости, от старика резвости.

Я узнавал Колю, да вот беда: он не узнавал меня.

— В конце концов, у меня воображение богатое...

Николай встал, поправил галстук. Перед тем как уйти спать, сказал:

— Поживете у нас, Виктор Петрович, поглядите и пофотографируете, может, и воображение ваше подзарядится. Зачем вопросы, когда глаза у носа?

Коля уехал на полевой стан до рассвета. Не так я представлял встречу с ним. Стыдно.

Глава девятая

Утром же я был в кабинете директора совхоза.

— А ружье зачем? — удивился он.

— А вам известно, что волки расплодились?

— Известно.

— Коровам это тоже известно. Жаловался пастух. Поэтому удои уменьшились. Говорила Александра.

— И ты решил помочь? — Директор усмехнулся.

— Александра говорит, Коля знает, где волки прячутся. Стрелять-то все равно нельзя. Мы их пуганем.

— Николай Каштанов далеко работает. — Директор взглянул на стенные часы, потом на наручные. — Поезжай в ближнее звено.

— Только к Каштанову!

— Хлеб всюду убирается одинаково...

— Только к Каштанову.

Директор нажал кнопку, и включилось переговорное устройство. Пока оно гудело и потрескивало, я осмотрел кабинет. Он был типовым.

Привлекала внимание только светящаяся карта с разноцветными трапециями, прямоугольниками...

«Смирнов докладывает! — загудел динамик. — Сорок первый квадрат выбрил. Еду на сорок пятый».

— Так и отметим. — Директор погасил красный квадрат на карте, и тот зажегся ровным зеленым светом.

Когда я заметил, что на карте большинство квадратов зеленые, он потер руки и пообещал:

— Станет вся зеленой — двое суток подряд буду спокойно спать.

Директор помечтал и стал вызывать второе звено. Коля не отвечал. Нажимая и нажимая кнопку, директор притворно жаловался на свою нервную работу, на большие заботы.

— У вас, как на войне: связь, карта, доклады...

— Хозяйство такое, — вздохнул Порфирий Федорович, — не специализированное, комплексное. Мы и урожай снимаем, и коров доим, и мясо государству даем, идеологией тоже занимаемся вплотную, а какую стройку ведем! Конечно, в таком хозяйстве своя положительная сторона: интересно. А теперь еще на зимний период решили мастерские народного творчества сделать. Много у нас талантливых резчиков по дереву объявилось. Надо удовлетворить.

Вдруг вышел-таки на связь Коля Каштанов. Я сразу, сквозь треск и помехи, узнал его ясный голос:

— Порфирий Федорович, Порфирий Федорович!

— Ну чего заладил: Порфирий Федорович! На связь надо вовремя выходить. Бегал купаться, что ли?

— Не до купания. Электропроводка прожекторов перегорела. Пришлось кабель менять.

— Для меня важнее твоей проводки общую картину видеть, понял? Когда свой квадрат кончишь?

— Через три дня.

— Может быть, из первого звена комбайн прислать?

— Не надо, справлюсь.

— Справишься — поезжай в Волчью балку. Звено отправь на помощь Пахомову. В шестьдесят первый квадрат.

— Понял! Ну как вы там?..

— Мы... — Директор взглянул на меня. — Живем и не кашляем. И тебе советуем. Подмогу высылаю. Хочет поработать сценарист Пригородный. Соляр привезли?

— Привезли.

— Ну вот, а ты говоришь. Скоро самодеятельность зашлю для вашей бодрости. А теперь хочу сказать... — Глядя на карту: — В прошлом году почему-то звено ушло из квадрата раньше. Медлишь, Коля. Плохо.

— Так вспомните, какое было начало! Грозы шпарили хлеба, ураганы...

— А мне наплевать на твои грозы и на твои ураганы. Мне стабильность в показателях нужна. — Порфирий Федорович выключил Колю из связи и подмигнул мне. — Вот и поезжай к нему наладить работу.

В это время заговорил, вернее, запричитал приемник.

— Порфирий Федорович, беда. Прогноз каркает дожди, а мне сено не переворошить. Не успею. Честное слово, не успею, помощь нужна. Сами знаете мой ландшафт. На машине трудно работать...

— Ты мне карту портишь.

Порфирий Федорович встал из-за стола, подошел к карте и стал смотреть на мигающий красный квадрат.

— Ладно, пришлю тебе русалок в помощь. Приготовь палатки для них. Двенадцать девчат, это двадцать четыре руки!

— Спасибо, с ними управлюсь. Обещаю.

— Еще бы не управился.

— В гости заезжайте. Пока.

Директор взглянул на меня и спросил:

— Чего сидишь? Элеватор у нас как узловая станция. От него машины бегут во все звенья.

Элеватор действительно походил на узловую станцию. Со всех сторон к нему подъезжали автомашины с длинными прицепами. Водители озабоченно следили за выгрузкой зерна и мчались порожняком, оставляя длинные хвосты пыли.

Глава десятая

Ножи комбайна стригли желтые, как медные струны, стебли пшеницы. Вдруг они замедлили движение и остановились совсем. Из кабины на мостик вышел Коля. Это он увидел меня с ружьем за спиной.

Я шел и фотографировал. Перед комбайном с Колей на палубе остановился, снял ружье и бросил его. Коля поймал ружье, поставил в угол кабины.

— Александра сказала, когда поедем за Волчью балку жать, пригодится, — объяснил я.

Он пригласил меня, сел за рычаги и тронул машину. Комбайн трясли работающие механизмы, пыль заполняла кабину. Монотонный гул, монотонная пыль, монотонные движения, монотонный пейзаж — вот что такое работа комбайнера. Он должен выдерживать такую монотонность по двенадцать — пятнадцать часов в сутки, он должен, если что-то поломалось, быстро сделать ремонт, восстановить монотонность.

Я попросил дать мне рычаги управления. Коля передал рычаги, не останавливая машины. Я уцепился за них, затрясся вместе с ними. Мне очень долго казалось, что машина в моих руках может встать на дыбы. Но постепенно я успокоился и стал даже демонстрировать небрежность в управлении.

Вдруг Коля схватил рычаги и резко остановил комбайн.

Соскочив на землю, он у самых ножей нашел напуганного зайчонка.

Зайчонок дрожал на его ладонях. Длинные, просвечивающие розовым цветом уши трепетали, глаза фиолетово светились.

— Напугала машина, а ты ее не бойся, — успокаивал зайчонка Коля.

Щелчки затвора фотоаппарата добавили зайчонку страха. Он сделал попытку выскочить из рук человека, но, парализованный страхом, только трясся.

— Это не честно, когда зверь боится человека, — произнес Коля, — зверь должен видеть в человеке друга.

Он опустил зайчонка на землю, и тот, видимо успокоенный близким запахом земли, поднялся на длинные ноги и поскакал все веселее и веселее.

— Вот такая, брат, конструкция, — вслед ему произнес Коля.

Я снова повел комбайн. Солнце клонилось к горизонту. Заря сулила на завтра ясный день. На пологие холмы ложились тени. Когда солнце коснулось горизонта и оплавило его, комбайн содрогнулся, в нем что-то загрохотало, раздался жуткий треск. Я нажал на тормоз и выключил мотор.

— Вот тебе и конструкция, — произнес Коля. — Камнем подавилась.

— Это виноват я.

Мне было неловко. Представилось: огромный булыжник, ломая режущие ножи, мотовило, летит внутрь механизмов, корежа их и срывая...

Все произошло точно так, как я представлял. Камень засел где-то в глубине машины.

— Это я виноват!

— Все гладко бывает только в сказке, — заявил Коля, рассматривая поломку.

С помощью газовой горелки мы удалили поврежденные детали и углублялись в механизмы машины. По ходу дела заменяли порченые детали и, добравшись до каменюги, с трудом вытащили его и положили на мостик, чтобы позже выбросить на обочину дороги.

Ночь была тихая, звездная. Звездочкой горел огонек газовой горелки.

— Молот подай, — попросил Коля. — Это не молот, а молоток. Молот большой.

— Нашел большой. Бери.

Из чрева машины торчали только пыльные ботинки Коли. Я подавал инструмент. После нескольких ударов кувалдой раздался голос:

— Зубило нужно.

Я нашел зубило и тоже полез в механизм. Спросил:

— Подержать?

— Опасно. По руке ударю.

«Летучая мышь» светила тускло.

— Не ударишь, — заверил я.

— Ладно, буду тихо бить.

— Бей как надо.

— Не виноват ты, успокойся. А ну попробуй бить, я подержу.

— Нет!

Я крепко держал зубило, и Коля начал срубать ударами испорченную деталь.

— Все идет хорошо, ты, Коля, снайпер.

— Не сглазь. Давай передохнем.

Пахло машинным маслом, мерцали зубья шестеренок, приводы.

— Кулачков нет в запаснике. Придется тебе поехать в поселок, — произнес Коля.

— Может быть, ты?

— Спорить будем или работать? — Повернувшись на бок, он взял кувалду и начал бить по зубилу.

Один раз кувалда соскользнула и ударила по моей руке.

— Все, хватит! — решил Коля. — Черт с ними, с этими кулачками.

— Сбивай, — потребовал я и наставил острие зубила на кулачок. — Сбивай.

Он ударил по зубилу. Когда помятый камнем кулачок с грохотом упал, раздался вздох облегчения.

— Теперь собирайся в путь. А я сделаю мелкий ремонт.

Глава одиннадцатая

Снова наш комбайн в работе.

Когда осталась не сжатой узкая полоса, Коля помахал на прощание комбайнам и съехал на дорогу.

Солнце покачивалось над горизонтом, будто оранжевый поплавок. Когда поплавок окунулся за горизонт, Коля передал рычаги управления мне, включил фары. Сказал:

— За Волчьей балкой поле трудное. Пшеница там долго не сбрасывает росу. К тому же низкорослая.

Подремав, он вдруг встрепенулся, посмотрел на часы, потом за окно.

— Был хороший сон? — поинтересовался я.

— Ты бы толкнул меня.

— За что? Я считал, что спишь за двоих.

— Правильно считал. Теперь попробуй ты за двоих.

Я передал рычаги, пересел и откинул голову на спинку кресла. Впереди, на лобовом стекле, плясал диск луны.

— Бедствие у меня, спать не хочется, — произнес. — Ты слишком хорошо это сделал за меня. Когда ты спал, мне хотелось спросить, и когда проснулся, тоже хочется.

— Спрашивай.

— Интересно разобраться: какое топливо движет тебя? Соберешь урожай, весной посеешь, снова соберешь и так до пенсии. Ради чего? Денег кучу огребешь и потратить не сможешь.

— Мы с Александрой сына ждем. Потом дочка будет. А потом снова сын.

— И тебя не пугает монотонность такой жизни?

— Когда ясность впереди, интересно жить основательно каждый час. Качество минут ценить начинаешь. На особое счастье я не рассчитываю, было бы нормальное, как у всех.

— Но человек должен бороться! Он не может без этого. Мы не роботы. Нам иногда позарез хочется сделать, что вредно. Коля, мы же люди! А ты живешь, как этот комбайн. Только скорости переключаешь. Разве это планы: сын, дочка, сын. Да собственные дети перестанут уважать такого ограниченного отца.

— За что предлагаешь бороться? — поинтересовался он с ленцой.

— За любовь, собственное достоинство, карьеру наконец...

— Так это же есть у меня!

— Значит, всего достиг? Всем доволен? Коля, мы живем в деловом мире, и от него никуда не денешься. Деловой мир занят делом. Он создает машины, ткани, печатные полосы, продукты питания, научные проблемы наконец. Все это требует хорошей организации труда, а хорошую организацию труда могут сделать только энергичные, интересные люди. Согласен?

— Не все энергичные люди хорошие дела делают. Добрые люди нужнее.

— Ты, например, добрый. В этом нет сомнения. А какую идею выдала твоя доброта? За что она борется? Быть добрым мало. Таких, как ты, можно показывать на ВДНХ: ясное будущее, качественные минуты жизни. А все потому, что не включен в общественную жизнь, в ее противоречия. Удобная позиция!

Коля включил фары. Темный сгусток ночи прорезали два конуса, в которых густо искрилась мошкара. Очарованная светом, она не подозревала о надвигающейся стальной махине и разбивалась о нее...

— Ничего исправным не бывает, — начал Николай, — всегда есть надобность то гайку подтянуть в машине, то узел сменить, может, и всю машину поставить на капитальный ремонт. — Над переносицей у него появились две морщинки. — И у меня идея кое-что наладить есть. Хочу внедрить специализацию земель. Ну скажи: на кой ляд нашему совхозу коровы? Наша земля пшеничная. И у соседних хозяйств тоже. Крупнее надо работать! — звонко произнес он. — По какому принципу делились наши земли на области и районы? Я изучал этот вопрос и ни черта не мог понять. А надо, чтобы земля разделилась по отраслевому принципу! Представь регион по выращиванию льна. В таком регионе все заняты льном. Из года в год станет наращиваться опыт, в регионе будет свой научно-исследовательский институт, маслобойня, ткацкие предприятия, даже свои праздники профессиональные возникнут. В другом регионе будут разводить только коров, в другом только овец. Начнется здоровая кооперация регионов. Ясность в головах настанет. Упростится планирование, снабжение механизмами. Тогда не пришлют комбайн «Нива» туда, где выращивают арбузы.

— Если ты прав, почему медлите с внедрением этой идеи?

— Трудно. — Коля вздохнул. — Хозяйственная да и плановая машины в работе. Их не остановишь вдруг. Даже комбайну при тормозе пробежка необходима. — Он продемонстрировал свою мысль: нажал на тормоз — и моя голова чуть не вышибла стекло. — Видишь? — Он дал газ. — Жаль, что ты не настоящий сценарист. Помог бы мне убеждать людей средствами кино.

— Не веришь, что смогу написать сценарий? — обиделся я.

— Не верю. — Он протянул мою авторучку. — Нашел два дня назад.

— Я могу работать без нее. Головой. Может, активно впитываю впечатления? Ты тоже хорош: «Хозяйственная машина в работе, трудно остановить». Останавливай, если веришь в идею. Действуй!

— Действую. Подал заявление в партию. В заявлении на пятнадцати страницах изложил идею и предупредил, что не отступлюсь от нее. Для этого и прошу принять в ряды партии.

Коля ошеломил так, что я не понял идею сразу. Но чем глубже задумывался над ней, тем увлекательнее становилась она. И грандиознее! Гениальность всегда в простоте. Я не специалист в сельском хозяйстве, да и Коля еще зеленый росток в нем, только мне нравится его идея специализации земель. Она от доброты к растениям, животным, людям.

— Молодец! — хлопнул я его по плечу. — Представляю геометрию страны. Сады так сады, репа так репа, хлеб так хлеб, гуси так гуси. Легче будет внедрять промышленную и научную основу. Почему медлишь, не бьешь в колокола?

— Может, я в чем-то неправ, но в целом убежден. Ну, а ты-то какими думами живешь, чего хочешь?

— Так, мыслишки. Роятся в голове, как мошкара в свете фар. Что-то вырисовывается. Моя Петроградская сторона ждет меня. Очень запустили ее, засорили. В смысле облика домов, двориков. Хочется для начала увидеть первозданный облик хотя бы нескольких улочек...

Не успел я разговориться, как между деревьями засверкала на водной глади лунная дорожка. Коля что-то заметил, сбавил скорость и попросил:

— Подожди, подожди!

В темной воде, создавая вокруг себя серебристые обручи, трудились три человека. Они тянули сеть. Черная птица, вспугнутая шумом мотора, вылетела из кустов и тяжело полетела к другому берегу.

Коля передал мне рычаги и попросил ждать у опушки. Он спрыгнул с комбайна и направился к рыбакам. Заметив в кустах орешника «Москвич», он подошел к нему и осмотрел со всех сторон. Номера на машине были сняты. На реке раздавались негромкие, но уверенные команды.

Коля вышел на берег и спросил трех мужчин, тянущих сеть:

— Захотелось рыбки?

Рыбаки замерли на какой-то момент, однако скоро поняли, что перед ними не спецслужба, а работяжка с запыленным под самый козырек кепки лицом.

— И тебе на уху или на ухо отвалим, — пообещал крутолобый мужик с папиросой во рту. — Все зависит от твоего поведения.

Он дал знак, и его компаньоны потянули сеть.

— Артель «Напрасный труд» у вас получается, ребята, — посочувствовал Коля.

— А это наша забота, — откликнулся паренек, стоящий по шею в воде.

— Ребята, если я накрыл вас, рыбка дорого обойдется.

— Ты дружинник?

— Нет.

— Инспектор?

— Нет.

— Директор этой реки?

Коля оглянулся и увидел за спиной меня. Я спросил:

— Может быть, мне здесь не место?

Крутолобый задал вопрос:

— Еще кто с вами есть?

— Нас двое, — ответил Коля.

— Тогда подождите. Поделимся. Мы добрые.

— Вытащите улов, ребята, — будет факт против вас, — предупредил Коля. — Я человек серьезный и, если хотите, положительный.

— Ты куда ехал? — спросил третий браконьер.

— Ехал куда надо.

— Так и поезжай, скатертью дорога. Мы в кошки-мышки только с рыбнадзором играем. А с такими, как вы, разговаривать охоты нет.

— Я подожду вас здесь, ребята. — Коля вышел на прибрежный песок.

На песок выходили с сетью рыбаки. Уже виднелись под водой сильные спины рыбин. Они изгибались под натиском сети. Крутолобый с энергичным подбородком и крючковатым носом миролюбиво улыбнулся Коле и спросил:

— На чем ехал?

— На комбайне.

— То-то заметил. Рыбнадзор и ГАИ так высоко не сидят.

— Номера сняли для маскировки? — спросил Коля так спокойно, будто узнавал, сколько осталось у них в баке бензина.

— Береженого бог бережет.

— Послушай, приятель, — обратился Коля к крутолобому, — отпустите рыбеху, всю не слопаете, всех денег не огребете.

— Не надо советовать, ладно?

— И чего прилип, отваливай на своем комбайне! — закричал молоденький браконьер. — И дружка своего уведи, смотреть на него тошно, вырядился под не нашего человека.

Он имел в виду платочек на моей шее, соломенную шляпу с лихо загнутыми полями.

Коля сделал вид, что не слышал крика. Он понимал: все зависит от команды крутолобого, и еще он понимал, что тот никогда не выпустит улов. Делать на берегу стало нечего, не драться же. Тем более, перевес был на стороне браконьеров.

— Посторонись, — попросил крутолобый и деликатно оттер Колю плечом в сторону.

Он тяжело дышал, и было неясно, то ли вода, то ли пот стекают с его бугристой бронзовой фигуры.

— Слышь, что дяденька говорит! — засмеялся, клацая зубами, младший из браконьеров. — Он говорит, по-осторонись. — Тело молоденького было синим, будто у цыпленка самого низкого сорта.

Коля отступил на травяной покров. Крупные рыбины в сети уже мутили воду прибрежным песком. В слабом свете блестели их широкие в изгибе спины.

Улов был хорошим.

Первым вспомнил о посторонних молоденький браконьер. Он выхватил из улова рыбину, поднял ее над головой. Она затрепетала, как старинный флаг на ветру, несколько раз ударила «рыбака» по лицу хвостом, и тот, поднимая ее выше и выше, заливался счастливым смехом.

Я подался вперед. Кулаки сжались.

— Он дразнит нас, — произнес Коля, задерживая.

— Ты чего акцентируешь, чего акцентируешь! Видали таких полосатых шнурков. Под иностранца работаешь? Не поможет, когда вмажу по зубам. А ну проваливайте! — закричал молоденький браконьер.

— Не груби, Петя, нехорошо это, — попросил крутолобый, забрасывая рыбин в мешок. — Товарищи смотрят, не возмущаются, а ты лезешь на рожон.

— Противно! Стоят, глядят, лопочут.

Коля положил руку на мое плечо и сказал:

— Пошли.

— Ты можешь рассчитывать на меня...

— Мы не сделаем такого удовольствия цыпленку. Пошли. Рыба погибла все равно, а нам еще новое поле жать.

— Но это же бегство! Это невозможно... — пытался остановить я.

Заметив отступление непрошеных гостей, крутолобый поблагодарил нас от души:

— Спасибо, парни. С меня приходится!

Коля подтолкнул меня вперед, а сам задержался в орешнике у машины браконьеров.

Я поднялся на дорогу и пошел в сторону, где стоял комбайн, думая о трусости человеческой и корысти.

Комбайн двинулся под гору и постепенно входил в густой туман.

После долгого молчания я произнес с ухмылкой:

— Понял. Собственная рожа дороже государственной рыбы. Верно?

— А я-то думал, что ты устал об этом думать, — рассмеялся Коля.

— Ты вписал в мою биографию плохую страницу. Биография, Коля, не амбарная книга, что написано в ней — не вырвешь!

Он ухмыльнулся. Больше всего меня возмущала не трусость, а недооценка своего поступка, равнодушие. Если бы он взял у браконьеров несколько рыбин, мне было бы легче. Все понятно, пожадничал. Не люблю бессмысленных поступков. Противно рядом с такими людьми, живут они мертво, человек для них кирпич в кладке их строящегося дома.

Когда над серой пеленой тумана засветилась неоновая вывеска ГАИ, Коля подогнал комбайн к стеклянной будке и сигналом разбудил милиционеров.

«Сейчас сделает «доброе дело», расскажет о браконьерах и снимет тем самым вину с себя и меня», — усмехнулся я.

Милиционер вышел на бетонный мостик и представился:

— Инспектор Подопригора.

— Вот что, товарищ Подопригора, там за лесом мужики толкают «Москвича» зеленого цвета. В багажнике ценная рыба.

— А номер машины?

— Номера не было, когда осматривал.

— Тогда, товарищи, они меня не ждут, — убежденно произнес инспектор.

— Они ждут от вас это. — Коля протянул инспектору четыре колпачка от ниппелей и четыре ниппеля.

Взглянув на детальки, инспектор так же убежденно произнес:

— Да, они меня очень ждут. Благодарю вас от имени рыбнадзора и ГАИ.

Он позвал своего напарника и, когда тот сел в коляску, дал газ.

Они нагнали браконьеров, когда те толкали машину на спущенных колесах под гору. Услышав гул мотора, браконьеры поставили машину на тормоз и начали с надеждой слушать приближение мотоцикла.

Подопригора остановил мотоцикл рядом с зеленым «Москвичом» и с участием спросил крутолобого:

— Прокол?

— Ниппель в траве потерял, товарищ старший лейтенант.

— А другие?

— Тоже в траве. Уронил. Не будет ли у вас в запаснике?

— У меня как раз четыре лишних. — Подопригора протянул колпачки с ниппелями и пристально посмотрел в лицо крутолобого.

Крутолобый понял, что ниппели его. Приказал молоденькому тащить насос.

Милиционеры, не слезая с мотоцикла, ждали.

— Что то свежей рыбой пахнет, — сказал Подопригора.

— Это река так пахнет, — ответил крутолобый.

— Верно, каждая река пахнет по-своему, — заговорил напарник инспектора и спросил крутолобого: — Проверять багажник?

— А ты не стращай, не схватил еще за руку! — взорвался крутолобый. А когда молоденький браконьер перестал качать воздух, он закричал ему: — Да скоро ли накачаешь! Работай, работай! Это тебе не уху хлебать.

Номера на машине были повешены недавно. Они выглядели слишком чистенькими на забрызганном грязью кузове.

Милиционеры терпеливо ждали. Им стало скучно от разговора с браконьерами. Ну что те могут сообщить интересного?

Глава двенадцатая

Чтобы взбодриться, я побежал впереди комбайна в лучах фар. Вдруг впереди, в предрассветном тумане, раздалось мычание коров, послышались крики людей и щелчки кнутов. Тревожное мычание усилилось. Коля включил прожектор на кабине и прибавил скорость. Я запрыгнул на мостик и увидел пятнистые спины и рога коров. Стадо стонало от страха.

Неожиданно шоссейную дорогу перебежал крупный волк. Он волочил распоротого теленка. Испугавшись яркого света прожектора, он бросил теленка и с наглым достоинством убежал в поле, накрытое пластом тумана.

— Волки, чтоб их! — объяснил нам пастух. — Двух телят зарезали.

— Чего ж ты не стрелял? — возмутился я на Колю. — Стрелять надо было.

— Нельзя, — упорно ответил он. — Отстрел не разрешен.

— Они будут стада пожирать, а вы будете отстрела ожидать! — закричал я, почему-то рифмой.

— На все есть дисциплина, — спокойно ответил Коля.

— Дисциплина тут ни при чем, — махнул рукой один из пастухов. — Бумага часто задерживает нужные дела. Она часто отстает от дела.

— Это другой разговор.

Коля махнул пастухам рукой, и мы поехали дальше. Съехав с асфальта, машина затряслась на колдобинах плохой дороги. Мы двигались под уклон. Скоро с кабиной погрузились в туман. Становилось зябко. По железной обшивке комбайна стали царапать ветви деревьев.

— Волков-то действительно развелось... — после долгого молчания произнес Коля.

— Устроить бы охоту, — помечтал я.

— Устроим... — Он интригующе молчал, пока я представлял охоту с грохотом из нескольких стволов. — Устроим репетицию.

— А где?!

— В Волчьей балке.

Мы проехали низину. Машина взбиралась по крутому подъему. Ямы качали ее из стороны в сторону. Мы выехали на поле с низкорослой пшеницей.

Николай остановил машину. Выключил мотор. И сразу стало очень тихо. Только где-то посвистывала пичужка. Николай спрыгнул на землю, потрогал колосья пшеницы, взглянул туда, откуда разливался розовый свет зари, сказал:

— Часов до десяти мы свободны. Раньше роса не сойдет.

Я, захватив ружье и патроны, тоже спрыгнул на землю, очень взволнованный предстоящей репетицией. Хотел было взять с собой фотоаппарат, но почему-то не взял.

Волчья балка — глубокий овраг, заросший низкими кустами. На дне его золотой жилой мерцал песок. Жила обрывалась в конце балки перед

крутым подъемом-тупиком. Солнце только взошло, и его лучи не проникали в балку. Там еще колыхался слой тумана.

Николай подошел к обрыву и долго смотрел вниз. Потом разыскал крупный булыжник. Несколько раз подбросив и поймав его, велел мне зарядить ружье и взвести оба курка. Я взвел курки, вскинул ружье, вернее, направил стволы на вершины торчащих из тумана кустов.

Булыжник полетел вниз и с шумом стал ломать ветви орешника. И сразу же на золотой дорожке, ведущей вверх, появились серые спины, стремительно несущиеся к тупику.

Я сделал выстрел, другой. Мимо, конечно. И убедился, что мимо стрелять трудно. Так и хочется попасть.

Когда я передал ружье Николаю, волки уже ползли по крутому подъему. Они стремились как можно скорее покинуть ловушку.

Два выстрела были удачными... Николай промахнулся. Волки успели добраться до края и, выпрямив спины, помчались по горизонтальной плоскости равнины.

Я подхватил брошенное ружье, вскинул его и выстрелил из обоих стволов не целясь. Подул в стволы. После некоторого молчания Николай предложил искупаться.

Озеро оказалось совсем недалеко. Его окольцевали плакучие ивы. От поверхности воды еще не оторвался туман. Где-то весело журчал ручей. Мы сбросили одежды и голышом, по горизонтально нависшему над водой стволу ивы, двинулись вперед. Вода была темной, с коричневым оттенком. Николай несколько раз подпрыгнул, сук спружинил и мы одновременно взлетели вверх.

— Ой! Хор-роша водица!—крикнул, вынырнув, Николай.—Ой, хороша!

— Уа-уа! — выразил я свой восторг.

Теперь мне не хватало для полноты жизни присутствия Лизы. Хотелось сказать ей хорошие слова. Мы так мало говорили их друг другу. Видимо, когда человек ежедневно занят нужным делом, будущее не пугает его, оно гарантировано. После купания мне стало интересно, почему Николай ни разу не поинтересовался, как живет Лиза. Он не мог не помнить о ней. Она ему нравилась, он всегда был на ее стороне.

— Почему ты не спрашиваешь меня о Лизе?

— Боюсь, — был ответ.

— Чего, чего?

— Ты же баламут, вдруг не оценил ее?

— Спасибочко.

— Если говорить прямо, она избаловала тебя верностью. Ты живешь, как у Христа за пазухой, ни о чем не тревожишься, ни о чем не беспокоишься: знаешь — она всегда твой друг. А ей-то каково? Годы идут. И вообще! — Коля вдруг заговорил тенором: — И вообще, я перестану уважать тебя, если ты столько лет водил ее за нос. Витька, надо жить серьезнее!

Мне вдруг стало снова не по себе. Я понял, что надо срочно уезжать. Заметив вопрошающий взгляд друга, я похлопал его по плечу и сообщил:

— По-моему, у нас будет все лучше и лучше. Поверь. Привет передавать?

— А как же, — улыбнулся Николай своей детской улыбкой, — и еще передай: скоро мы с Александрой навестим вас. Всегда приятно видеть тех,

у кого все лучше и лучше. Хорошо бы, — он смутился, — хорошо бы вместе с приветом из полей подарок вам приволочь... Для совместного пользования...

— Ладно, готовьте подарок, а я буду готовить нашу Петроградскую сторону к приему высоких гостей. На улице Бармалеева кору асфальта снимем, чтобы вы по каменным плитам прошлись, по булыжничку, чтобы увидели улочку, какой была она до асфальтобетонного бума.

— Охота посмотреть твой город, — признался Коля, гладя зеленые пряди травы.

Комбайн, разогретый солнцем, ожидал нас. Можно было начинать жатву. Роса высохла и обернулась белым облачком. Николай открыл дверь кабины для меня, предложил заводить мотор и приступать к жатве.

«Хозяин земли», — придумал я перед отъездом название фильма и тут же понял, что оскорбляю Николая таким штампом. Но о нем, пожалуй, иначе не скажешь.

Глава тринадцатая

На этот раз Лиза выписала мне пропуск без лишних разговоров. Услышав мой голос, она вздохнула. Вздох обнадежил меня, это был вздох облегчения.

Я шел по аллее, как по коридору, заставленному щитами с наглядной агитацией: колонки цифр, какой-то текст, изредка рисунок корабля, портрет рабочего с поднятой рукой... Значит, Лиза ждала, если так легко вздохнула! С кленов падали и припечатывались к сырому асфальту оранжево-красные листья. Дождя не было. Воздух и корпуса завода увлажнял теплый слабый туман.

Неожиданно раздался смех. Потом брань. Послышались возбужденные голоса. Я поспешил вдоль высокой стены и, когда она кончилась, увидел знакомый дворик с растворным узлом и большим конусом песка, на вершине которого сидел Степан.

У основания конуса толпились возбужденные рабочие. Среди них выделялся один, высокий, грузный, обвязанный брезентовым фартуком. Лицо у него было благородное, мужественное. Его в чем-то убеждали, а он не соглашался, стоял на своем.

Я подошел поближе к спорящим и увидел на поясе солидного рабочего веревку. Проследив взглядом, обнаружил, что другой конец ее обматывает туловище сидящего Степана.

Потом стало известно, что Степан нарушил заповедь своего наставника Сироткина, хотел обмануть его в четвертый раз. Первый раз, считал Сироткин, человек обманывает от глупости, второй раз от неуверенности, третий раз с умыслом. Четвертого раза не дано, следует применять самые суровые меры.

Поэтому, когда Степан вернулся на рабочее место и стал врать о том, что бегал на склад за лопатой, что очередь там была живая, Сироткин вытянул вперед свои руки со скрюченными пальцами и запричитал:

— Надо же, судорогой свело! Значит, ска-а-азались те раки, ко-о-торых ловил в ледяной воде!

— За врачом, может, сбегать? — всполошился Степан.

— Сам дойду, по-о-омоги-ка пуговицы на шее застегнуть.

Волнуясь, Степан застегивал пуговицы у воротника рубахи наставника и вдруг увидел запрокинутый подбородок, услышал заливистый, незнакомый доселе хохот. Он отшатнулся, что-то затянуло пояс, глянул: туловище схвачено веревкой. Другой конец ее обтягивал Сироткина. Тот хохоча бил подсобника по спине и обещал:

— Теперь п-поработаешь в моем ритме. Я вместо к-колышка буду. Лизавета сама прибежит полюбоваться на твою работу. Руки н-надо свои мозолить, а не глаза.

— Что вы понимаете, Сироткин товарищ, в чувствах?

— Лизавета строгая, мы ее с кладовщиц до секретаря главного вырастили, знаем ее. Не будет она радоваться, когда дезертир с рабочего места явится.

— Прокольчик! — обрадовался Степан. — Только что каску у нее на подоконник положил, как вдруг низкое солнышко осветило приемную. И знаете, что сказала мне? «Степа, ты каской солнышко вычерпнул».

— Т-так и сказала! — Сироткин даже присел на раму бетономешалки. — Неужели ты, конопатый, засветил ее? Тогда снимаю привязь. Виноват перед вами. Думал, мешаешь ты ей.

— Погодите, еще не засветил, но пытаюсь. Мозолить руки так мозолить! — Степан громко хлопнул ладонями, потер их. — Я вам свой ритм покажу. Она с хохоту помрет. Ваш брезентовый фартук задымится.

— По рукам.

Степан увидел ладонь-сковороду, хлопнул по ней ладошкой, взял лопату и замер у подножия большой горы песка. Он знал: бетона потребуется много, бригада заливала фундамент под большой станок, поэтому соревнование предстояло серьезное. Сироткин открыл ящик с цементом, наклонил в сторону подсобника горловину бетономешалки. Скомандовал:

— Н-начали!

Замесы выдавались один за другим. Степан работал не разгибаясь. Чтобы сэкономить время и энергию, он перестал поглядывать на горловину мешалки, он забрасывал в нее песок автоматически, не промахиваясь. Сироткин дозировал цемент и воду. Ему приходилось туго: лопата входила в ящик с цементом неловко (почему раньше не замечал этого?), за шлангом с водой каждый раз приходилось нагибаться (терялось время!). Он сердился: привык надеяться на силу, а рабочее место не организовано. Степан знай бросает песок, за качество замеса он не в ответе.

Электрокары не успевали отвозить бетон. Сироткин приказал бригаде взять тачки. Он хотел нынче же залить фундамент. Однородный бетон хорошо схватится и будет служить вернее.

Впервые бригада видела своего бригадира в таком запаре. Обычно он работал неторопливо, но мощно. Теперь же малость суетился. А Степан подначивал:

— Фартук не мешает? Или мягким от пота стал?

Заметив между бригадиром и подсобником веревку, рабочие удивились:

— В песке боитесь утонуть?

— Одной веревочкой подпоясались! Ха-ха-ха!

Сироткин в ответ:

— Это чтобы он не завалился от усталости.

Когда фундамент был залит, тачки и электрокары столпились перед растворным узлом. Устали все, особенно Степан и Сироткин.

Бригадир маляров Лебедев когда-то выгнал Степана из бригады. Тот умел шариком ртути выкатываться с рабочего места в приемную главного инженера. Теперь, поглядывая не без злорадства на веревку, он за горой песка проверял бидоны с эмалями. Бидонов было много. Он открывал каждый, при наклоне убеждался, что краска не высохла, и закрывал крышкой. «Даже Сироткин не может справиться, а меня упрекали, что не умею растить кадры». Лебедев был доволен.

Степан распластался на куче песка лицом вверх. Он часто дышал. Из тела радостно испарялась вместе с потом усталость. Сироткин сидел на раме бетономешалки с безвольно опущенными руками. Недалеко расположилась на перекур бригада. Приподняв голову, Степан похвастался Лебедеву:

— Видали, как мы бетон мешали? Это не шпателем стену скрести, не кисточкой к потолку липнуть.

— А поводок зачем? — съехидничал Лебедев.

— От любви, — вздохнул Степан и сел.

Короткий отдых восстановил силы. Он подергал веревку, подзадоривая «Сироткина товарища»:

— Укачал я все-таки твою физику!

Степан намотал веревку на руку. Она натянулась как струна. Бригада встала. Ноги Степана уходили в песок. Сироткин сидел крепко, подобно причальной тумбе. Он, казалось, дремал.

Вдруг веревка лопнула. Степан мелькнул ногами, и его не стало. Он кубарем докатился до Лебедева и ударил случайно ногой в бидон. Лебедев не успел отпрянуть. Плоская пленка эмали, подобно кобре, шлепнула его по лицу. От неожиданности бригадир маляров замер, а когда захотел смахнуть оранжевую эмаль, стекающую с высокого лба с залысинами, это ему не удалось. Эмаль была вязкой и густой. Лицо его стало напоминать маску с рваными глазницами.

Кто-то неуверенно хохотнул.

Степан протянул носовой платок.

Лебедев закипал.

Кто-то снова хохотнул.

Лебедев крикнул:

— Не подходи! Затопчу!

Он заметил конец оборванной веревки, прыгнул, чтобы прижать ее ногой и добраться до Степана. Но тот успел потянуть веревку на себя. Лебедев рассердился:

— Сколько можно терпеть от одного! — Смахнув краску с лица, он сделал еще попытку прижать веревку ногой и, когда это не удалось, рассвирепел.

Зарычав, он бросился на обрывок и, когда тот выскользнул из-под ноги, рассердился не на шутку:

— Сколько можно! Из-за одного! Терпеть! — Чем больше Лебедев скакал и промахивался, тем больше распалялся. И вдруг он бросился к Степану. Степану ничего не оставалось, как пуститься наутек.

— Привет, — поздоровался он со мной, — прибыл, значит. — Оглянувшись, быстро посетовал: — Вот жизнь, поболтать не дает!

Лебедев дышал ему в затылок. Степан сделал рывок и быстро увеличил расстояние. Он бежал до угла котельной не оглядываясь, чувствовал уверенность в своих силах. Они быстро скрылись за углом, и народ начал расходиться.

Мы встретились с Лизой хорошо. Ничто не мешало нам улыбаться друг другу и прямо смотреть в глаза.

Она не ведала, какие жертвы приносит в ее честь Степан в эти самые минуты. У нас предстоял важный разговор.

— Не помню, из-за чего мы поссорились, — сказала она.

— У тебя хорошая память.

— Мой шеф в командировке, и сейчас обеденный перерыв. Имею я право хотя бы раз прогуляться?

— Имеешь.

— Идем на берег?

— Идем.

Она взяла меня под руку и повела к плавучим докам, сердобольно склонившимся над больными кораблями кранами. В молочном небе матово светило солнце. От поверхности воды отрывались безмолвные чайки и таяли, будто сахарные.

Было очень тихо. Нарушать такую тишину пустыми словами было бы нетактично.

— Я скучала.

— Я тоже.

— Хорошо ли отдохнул?

— Наполовину.

— Как это?

— Я же отдыхал один, без тебя.

— Спасибо.

Мы подходили к недавно построенному корпусу. Теперь я видел его со стороны залива. Он мало чем выделялся бы среди современных корпусов, которые возникают на земле слишком быстро. Я присмотрелся к фасаду и вдруг понял, что его линии, пропорции, орнаменты в бетоне волнуют. Говорят, архитектура — застывшая музыка. Если так, корпус звучал. В пропорциях его была гармония. Прозрачная призма над крышей сверкала. Даже в решении газонов была своя мысль: вместо подстриженной травки среди валунов росли большие лопухи с богатым набором колючек.

Лиза объяснила:

— Игорь Александрович запретил счищать их экскаватором. Он утверждает: каждое растение красиво по-своему. Надо увидеть его своеобразие. Этот корпус он построил по своему проекту.

— Ваш Игорь Александрович не дурак.

— Он утверждает, — вдохновенно произнесла Лиза, — что современное производственное здание не только оболочка для технологических процессов, но и образец гармонии внутреннего содержания с внешней средой и формой. Ведь для трудящихся работа не только заработок, но и призвание. Приятные сочетания формируют самочувствие и вкусы людей. Для человека немаловажно, вписывается ли объект в окружение или выделяется из него, воздействует на органы чувств расцветкой и пластичностью.

— Лиза, ты ли это?! Откуда такая информация?

— Поработаешь на заводе — все узнаешь, — улыбнулась она.

— Кто же он, Игорь Александрович, если так глубоко поверила в его дела и мысли?

— Обыкновенный начальник ремонтно-строительного цеха.

— Не влюблена ли ты в него?

— Просто мне представляется, что он настоящий мужчина.

— Значит, нашла живой эталон?

— Идем, интерьеры этого корпуса покажу. Только не подумай, что они давались без боя.

Она ввела меня в просторный холл с прозрачной призмой-потолком. Дневной свет заливал холл ровно, и потому цветам, ниспадающим с ограждений четырех этажей, было уютно.

— Все это Игорь Александрович построил в честь любимой. Она обманула его, не приехала из командировки в назначенный день бракосочетания.

— Может быть, ему повезло? Говорят, творческим людям полезны несчастья.

— Ты неисправим, — мягко упрекнула Лиза.

На первом этаже в механическом цехе с большими станками было красиво: оборудование и стены ярко окрашены, много зелени на подоконниках.

На верхних этажах разместились отделы, лаборатории. Лиза спокойно открывала любую дверь, здоровалась с хозяевами помещений, и те приветливо здоровались с ней. Пока я осматривал помещения, она беседовала.

Интерьеры с перегородками-шкафами понравились мне. В их оформлении автор (Игорь Александрович) преследовал правильную цель: только в ясной, точной планировке может быть четкая организация труда.

— Понравилось? — спросила Лиза на улице.

— Впечатление есть, — значит, понравилось.

— Это впечатление стоило нервов Игорю Александровичу. Сначала начисто отвергли идею строительства этого корпуса, затем смеялись над орнаментами, которые он рисовал сам в натуральную величину, и, когда пришло время отделки корпуса, запретили делать шкафы-перегородки.

— В таком случае надо вешать на фасад доску с именем, отчеством и фамилией автора. Как это будет звучать?

Лиза серьезно произнесла:

— Автор: Игорь Александрович Осинин.

— Что? Что ты сказала?

— Осинин, — испуганно ответила она.

— Опять обогнал!

— Кто обогнал? Зачем?

— Фу! Лиза, так это же мой сержант построил. Где он?

— Где-нибудь здесь. Он каждый день в бегах.

— Тогда давай ловить его.

— Разве так надо? — серьезно спросила она.

— Надо! Как ты не понимаешь? Нам есть что вспомнить и о чем

поговорить. Во-первых, как он сумел отгрохать такую махину за один год?

— Не за год, а за полтора года, — поправила Лиза. — Ты седьмой месяц ищешь свое место в жизни, а он вышел на работу почти сразу после увольнения в запас. Строительство корпуса вел быстро потому, что предложил возводить каркас на фундаменте старинного ангара, порушенного бомбами во время войны. И вообще, он не любит терять время.

Есть же счастливчики! Они знают, для чего спят, бодрствуют, любят и ненавидят. И Лиза одна из них. Боюсь придется мне всю жизнь подчиняться ее рассудительности.

Я обнял ее. Мы остановились. Она подняла голову и пристально изучала мое состояние по моим глазам. Состояние было, надо сказать, смутное: кружилась голова, путались мысли. Я что-то лепетал. Наши лица сближались. Когда мои губы коснулись ее губ, наступил долгожданный покой, равный небытию.

— Витя...

— Что, Лиза?..

— Это правда?

— Правда.

— Я боялась... Много ночей не спала. Все думала: неужели мы не будем любить друг друга?

— Будем.

— Ведь ничего просто так не бывает. Правда?

— Правда.

— Мы же со школы вместе и вместе.

— Я дурак, конечно.

— Ты не мог иначе. Я это поняла.

— Как тебе удается понимать все?

— Поработал бы на заводе... Я думала все это время и обещаю никогда не навязывать тебе своего мнения. Раз полюбил человека, надо любить и его недостатки. Верно? Я верю, ты найдешь дело по душе. Ведь не у всех просто и ясно сразу. Я буду терпеливо ждать, Витя...

— Лиза, я нашел его...

Она подняла лицо. Мы поцеловались и долго не могли понять, откуда раздается позванивание. Когда же осмотрелись, увидели стеклянное гнездо на мощной ноге портального крана и крановщицу в нем. Она смеялась и махала нам рукой, а кран позванивал. Толстая пачка стальных листов висела в воздухе.

Мы нашли Осинина возле растворного узла. Невысокого роста, худощавый, в темном ватнике нараспашку и в берете, он отчитывал Сироткина. Сироткин возвышался над начальником цеха брандмауэрной стеной.

— Это же не метод — привязывать! Не метод, понимаете?

— А что такое м-метод?

На долю секунды Осинин замешкался. Он всегда смущался, натыкаясь на непонимание простых истин. Ему наивно казалось, что поступать правильно труднее, зато осадка горечи не остается. Я узнавал бывшего сержанта с его служением истине.

— Воспитывать надо последовательно, Сироткин. А вы!!

— Я ничего плохого н-н-не сделал. Учил работать, уважать н-напарника.

— Да разве таким методом завоюешь уважение?

— М-мне дешевого уважения н-не на-адо. Я без дешевого уважения проживу спокойнее. И дробить языком воздух н-н-не собираюсь. Предупреждения н-н-не понял, — пусть ответит.

— Зарплатой наказали бы.

— А что им зарплата, н-нынешним! У них на все случаи родители есть, всегда н-накормят и оденут.

— Вы же достоинство унизили.

— Н-ниже, чем было, некуда унижать было.

— Поэтому на веревку?

— А куда же еще?

— Это не метод, Сироткин!

— А что такое м-м-метод?

— Начинается сказка про белого бычка! — Осинин был в отчаянии, оглянулся, чтобы призвать кого-нибудь на помощь, и замер...

Его сознание — это наблюдалось по лицу — перелистывало прошлое. Наткнувшись там на мой образ, сравнив с натурой, бывший сержант растерянно улыбнулся и пошел ко мне с вытянутой для приветствия рукой. Он забыл о Сироткине и о сказке про белого бычка.

— Виктор Шатурнов! Значит, такое бывает?

— Что именно?

— Стечение: первый раз случайная встреча в армии, теперь здесь совершенно непредвиденная.

— Всего предвидеть невозможно.

— Но, — он улыбнулся, — хочется.

Он говорил своим чистым баритоном и смеялся каждой черточкой лица.

Он подхватил нас под руки и повел в свой кабинет поить чаем.

Когда мы сели за треугольный столик в углу кабинета, он энергично распахнул дверцы стенного шкафа, загремел посудой, уронил блюдце на пол, стал подбирать осколки, пнул несколько мелких и, когда резко встал, ударился головой о торец открытой створки. Погладив голову, он вытащил запылившийся электрочайник и смущенно покрутил его в руке. Произнес:

— Кажется, заварки нет и сахара...

Лиза не выдержала, перехватила из руки в руку чайник и вышла из кабинета.

— Не умею хозяйничать. — Сел напротив. — А вы где работаете?

— Нигде, — честно глядя в честные глаза, ответил я, сдержав улыбку.

Он не знал, о чем тогда говорить, о чем спрашивать. Я же на помощь не приходил.

— До армии вы работали бухгалтером? — нашелся он.

— Да.

— Мне нужен экономист, — обрадовался он.

— Я работу всегда найду. Не беспокойтесь.

— Я не о себе. — Он даже отмахнулся. — Цеху нужен толковый экономист.

— Я не толковый.

— Вот и замечательно! Мне нужен экономист наивный в деле и закаленный в труде. Что армия закалила вас — факт, и что вы вроде меня дела свои знаете наивно — тоже факт.

— За наивность, бывает, строгача дают.

— Строгача дают главным образом не наивным. — Он вдруг стал серьезным. — Виктор, представьте себе кристаллическую структуру, только грязную. Это наш завод. Как сделать структуру яркой, красочной? Надо с помощью цифр доказать, что затраты на внедрение культуры окупятся сторицей. Цифрами доказать. Это почти невозможно. На сколько повысится производительность труда от хорошего кинофильма?—Он умолк, решил дать время на обдумывание. — Ясно одно, что красивая обстановка потребует красивой работы. А красивая работа самая рациональная, если не по количеству, то по качеству.

Тем временем Лиза хозяйничала в кабинете, как у себя дома. Она знала, где что лежит, где находится розетка для электрочайника, бумажные салфетки. Это становилось ненормальным. Думать о культуре производства мне расхотелось. По коротким вопросам и ответам между Лизой и Осининым и первоклассник догадался бы, что мне пора уходить. Но я продолжал слушать своего бывшего сержанта, притворяясь, что подрамники с какими-то цветными лепехами на стене волнуют мою психику, радуют мой интеллект.

Мне становилось тоскливее и тоскливее. С каким-то садистским упорством я погружал себя в тоску глубже и глубже. Понятно, что нынче, в век процветания науки, неудачники сердец чужих не затрагивают. Ведь неудачник сам виноват, не смог рассчитать, захотел недостижимого. Обезьяна, к примеру, не станет охотиться за слоном, лягушка — мечтать о рояле. Неудачники только среди людей.

То ли дело Игорь Александрович! Он умеет ценить время. Как же тогда объяснить поведение Лизы полчаса назад? На берегу залива?

Мне захотелось выкарабкаться из тоски, быть наравне с удачливыми. И я стал говорить, проявляя чудеса логического мышления, несмотря на постоянные телефонные звонки, беседы Осинина с посетителями.

Мне становилось все более неуютно. Осинин, как всегда, ничего не замечал.

Он даже не подозревал о моем «смятении чувств».

И очень удивился бы, узнав. Мы попрощались.

Перед проходной, прежде чем проститься, Лиза долго и странно разглядывала мое лицо. Наверное, догадалась...

— Не понимаю, — произнес я.

— Зачем хвастал ненаписанным сценарием? — пожала плечами она.— Игоря Александровича своей будущей славой не ослепишь. Ты выглядел смешным. Что наскоком ничего серьезного не сделаешь, он знает. На собственном опыте.

— Разве я хвастал?

— А кто же?

— Когда?

— Разве не помнишь?

Я покраснел. Все происходило как в тумане. И туман этот прошел еще не совсем.

— Конечно, помню. И отвечу делом. Вот посмотришь! Через неделю сценарий прочтут, и тогда...

Я махнул в отчаянии рукой и пошел в хромированные лопасти вертушки проходной, кляня свою хвастливую, неуравновешенную натуру.

Глава четырнадцатая

Около месяца, днем и ночью, как на армейском учении, на пределе сил я сочинял сценарий. Рука уставала держать авторучку. Я сидел в ворохе привезенных записей и пустых пачек из-под чая. Хорошо, что нас учили в школе-десятилетке писать сочинения!

В киностудию я пришел с трепетной надеждой и трепетным страхом. Мое будущее и мое достоинство лежали в синей папке с белыми тесемочками. Это мой трудовой подарок судьбе. Чем ответит на него она?

Аркадий стоял среди других статистов за стеной «дождя». Освещенный яркими софитами, в мокрой одежде, он дрожал. Вода лилась из дырок подвешенного желоба. Шел пятый дубль. Камера с оператором двигалась вдоль водяной преграды, «всматриваясь» в статистов.

В перерыве Аркадий подбежал ко мне и, клацая зубами, стал громко проклинать неблагодарную работу статиста, жестокие сценарии, режиссеров-натуралистов.

Перебиваю:

— Я написал сценарий.

— Да ну!

— Разве мое лицо не доказывает это?

— Исхудалое?

— Надо, чтобы кто-то прочел. Срочно. От нетерпения может случиться разрыв сердца.

— Погоди!

Оставляя мокрый след, он убежал. Вернулся возбужденный и поволок меня куда-то в коридоры.

На трапе, среди поблескивающих стеклами прожекторов, сидел мужчина и чистил ветошью ботинок. Заметив нас, щелкнул пальцем, и за его спиной медленно разгорелся небольшой софит. Мужчина надел замшевый ботинок, взял мою рукопись и начал ее листать.

Аркадий убежал переодеться, а когда вернулся, приговор был готов. Мужчина вернул мне папку и щелкнул пальцем. Софит за его спиной неохотно погас. Ничего особенного в лице мужчины я не нашел. Оно было сверхобыкновенным. Городской житель видит такие лица пачками. Мне почему-то кажется, что знаменитые люди выглядят колоритнее, и потому я расстроился: хотелось услышать мнение маститого.

— Кто он? — тихо спрашиваю Аркадия, пока мужчина говорит с кем-то.

— Виталий Павлов, — с благоговением шепчет Аркадий.

Павлов Виталий! Недавно пресса уделяла ему слишком много внимания. Его фильм «Вид из окна» был необычен по форме и поднимал проблему окружающей среды оригинально: она зависит, доказывал он, от уровня культуры героев, от умения уважать других, любить. Ведь сумма складывается из малых величин — поведения каждого. Аркадий оказал мне медвежью услугу. Мне нужен для начала режиссер послабее.

— Ну что, молодые люди, — улыбнулся знаменитый режиссер и по-мальчишески спрыгнул с трапа к нам. — Сценарий написан грамотным человеком. Запятые на месте и двоеточия. В изложении свобода, есть юморок. Вот что такое всеобщее образование! Только, ребята, гонорар не за это, к сожалению, платят. Художник обязан перед обществом ясно изло-

жить свое отношение к жизни. Своими средствами. Не больше и не меньше. Отношение, мои хорошие, добывается опытом простой жизни и укрепляется знаниями. Как видите, формула проста. — Он рассмеялся и продолжал: — У дворника свое отношение к жильцам, мусору, снегопаду, у хирурга к жизни и смерти, у конструктора вырабатывается отношение к коллективному творчеству, художник объединяет в себе все отношения.—Он обратился ко мне: — Какая у вас специальность?

— Недавно демобилизовался. Раньше успел поработать бухгалтером в ЖЭКе.

— Вот и вся причина неудачи. — Павлов говорил и потихоньку выталкивал нас из зарослей софитов.

Когда мы оказались на «опушке», он пожал нам руки, хотел сказать что-нибудь бесполезное, но победила порядочность. Под потолком павильона загорались ряды прожекторов, загудели электромоторы, и он поспешил на свою съемочную площадку.

Таким образом, сценарий не смог написать, фотоснимки получились любительскими, на главную роль в кино приглашения не получил. Итог печальный.

Расставаться с большими иллюзиями неловко, будто проиграл сражение. Теперь надо собирать разбежавшееся войско и начинать поход малыми силами.

А какое у меня отношение к жизни? Очень расплывчатое.

Я не чувствовал глубокого огорчения, наверное, потому, что всегда имел запасной вариант — бухгалтерию ЖЭКа. Теперь ничто не мешает мне вернуться туда.

На Петроградской стороне дома будто спаяны. В них меньше света, чем в современных, и того меньше удобств. Коренные жители смотрят во дворы-колодцы, слушают гул железных крыш. Квартиры чаще коммунальные, потому коридоры и кухни безлико неуютные. В одних квартирах жильцы мирные, в других вздорные. Мне, как прохожему, всегда больно смотреть, как ветшают дома, чего-то лишаются по равнодушию людей. Кто в конце концов восстановит сгоревший купол над углом дома по Большому проспекту! Купол придавал улице индивидуальный облик. Теперь вместо него заделанное железом основание.

Можно, конечно, упростить старую архитектуру, довести ее до облика современной. Для этого достаточно на Разночинной улице не реставрировать под карнизами домов сандрики, еники, каблучки, полочки и другую лепнину. Вокруг окон тоже много возни с лепниной, не легче ли сбить ее. Куда же смотрит Пантелеймон Михайлович! Теперь, наверно, это его не волнует, его волнуют внуки, которых он развлекает на пенсии.

— А может быть, он ждет тебя? — надеется Лиза.

Она тихо радуется моим поражениям. На обломках пытается вселить надежду в лучшее будущее. Мой план последовательной реставрации старых кварталов привел ее в восторг. Она утверждает, что трудности пропорциональны личности: у маленькой — маленькие, у средненькой — средненькие, у большой — большие. Конечно, она сулит мне большие трудности, ссылаясь на опыт моего бывшего командира, обещает мне успех.

— Осинину было проще, — доказываю ей. — На заводе пролетариат, а в ЖЭКе люди приезжие, потому что жилплощадью обеспечивают. У приезжего первая задача — вжиться. Он о булыжных мостовых не мечтает,

не видел их, не его деды шли по булыжнику на стачку, делали революцию, передвигались в блокаду. Ему история домов еще не нужна, ему надо загромоздить углы своих комнат мебелью, начать собственную историю. А мне нужны энтузиасты. Психология, Лиза! Ее тоже надо учитывать.

— Невыгодно думать о людях плохо, — сказала она. — В каждом человеке можно отыскать хорошие и полезные качества, которых нет в тебе. Мы все дополняем друг друга и потому соратники. И не все же такие.

— И этому тебя научил завод?

— А что? — Она с вызовом посмотрела на меня и улыбнулась своей редкой улыбкой.

Мы вышли к набережной Невы. Утро стояло тихое, светлое. Белые экскурсионные пароходики выплыли на разминку. Через час-два гости заполнят их и начнут любоваться панорамой знаменитого города. Панорама, ничего не скажешь, красивая. Но эти же гости захотят прогуляться ножками и тогда увидят на старинных улочках асфальт — ах, какая экзотика!

— Лиза, твой троллейбус!

— Пропущу. Сегодня мы рано вышли.

Так повелось: после приезда от Коли я встречаю Лизу утром и провожаю на работу. Сегодня мы расстанемся на полпути, я обещал, что поеду к Пантелеймону Михайловичу и расскажу ему свой новый сценарий, если, конечно, он не на пенсии.

— Только тебе обязательно надо поступить в институт коммунальных услуг, — объявила она серьезно.

— Лиза, — смеюсь я, — нет такого института!

Она удивилась:

— Как нет? Судостроительный есть, театральный есть, а института, где учат создавать для людей уют, нет?

— Снова твой троллейбус.

— Обязательно позвони, буду ждать! — кричит она с подножки.

В любом начинании важно иметь соратников. Соратники — это люди, преданные делу, во время войны делают победу, во время мира созидают плечом к плечу. Глядя вслед троллейбусу с Лизой у широкого заднего стекла, я понял, что пока у меня только один соратник.

Старинное здание, где находился ЖЭК, показалось мне насупленным. В нависающих эркерах матово поблескивали стекла узких окон. Серые плоскости стен уходили вверх и заканчивались далеко выступающим карнизом, над которым вилась ажурная решетка, прерываемая граненными башенками и башнями.

Я открыл парадную дверь, и пахнуло запахом жареного картофеля и еще чем-то устоявшимся, коммунальным. Таких запахов нет в вестибюлях современных домов. Там пахнет пластиком, разрядами электричества, мусоропроводом.

Спустившись по ступенькам, оказался перед дверью в ЖЭК. Она была все та же: щелкнула пружина за спиной, стукнулось о коробку полотно, обитое черным ледерином. В квадратной прихожей висела доска Почета с портретами незнакомых сотрудников, рядом с ней соцобязательства, объявления, плакаты по технике безопасности. Впереди возвышалась дубовая дверь. Рядом на стене висела табличка с надписью: «Бухгалтерия».

Надавив ручку, я толкнул дверное полотно и увидел разом Пантелеймона Михайловича, шкафы с папками, ноги прохожих в окне, свой стол,

вазочку с высохшим кустиком брусничника, счеты с перламутровой инкрустацией.

— Рад видеть вас, Пантелеймон Михайлович, — произнес я, тушуясь.

Он поднял голову, снял очки, положил их на стол. Чопорно, без улыбки, сделал поклон.

Радость моя была искренней. К Пантелеймону Михайловичу я всегда испытывал уважение.

— Вы стали выше, — отметил он.

— Не совсем так, — многозначительно просипел я и откашлялся. Сел на предложенный стул, и мы помолчали.

Наверно, Пантелеймон Михайлович гадал о моих намерениях. Я же не знал, как начать разговор, и, если честно, еще колебался.

Разговор зашел о противоборстве двух социальных систем. Противоборство было сложным, и мы перевели беседу с глобальных масштабов в масштаб ЖЭКа. Пантелеймон Михайлович посетовал, что на реставрацию старых домов, достойно украшающих улицы, средств выделяется недостаточно. К тому же, вздохнул он, отсутствие общей культуры у некоторых ведет к печальным последствиям.

— И все же, — произнес он твердо, — надо заниматься охраной облика Петербургской стороны постоянно. Она — музей под открытым небом. На ней каждый дом — экспонат, каждый дворик — история. Я рад, что таким делом займется интеллигентный молодой человек. Привлеките школьников, пенсионеров, предприятия могут оказать нам техническую помощь.

— Это хорошие пожелания! — перебил я, обрадованный тем, что волнует Пантелеймона Михайловича. — Башня на угловом доме Большого проспекта, где гастроном, сгорела много лет назад, основание под нее заделали, чтобы на жильцов не текло, и забыли восстановить башню. В ней, видите ли, не было жилого фонда, а что она профиль улицы делала, что красоту несла, не вспомнить. Понятно, легче сбить лепнину с плоскостей фасада, чем восстановить ее. С такой философией мы скоро превратим старый район города в новый.

— Вы очень правы, — живо подтвердил Пантелеймон Михайлович. — На долю моего поколения работников ЖЭКа выпало залечивать раны войны. На вашу долю выпадают другие задачи.

— Но не дело бухгалтера сохранять облик своих кварталов. Для этого есть другие специалисты.

— Ошибаетесь, Виктор Петрович. Бухгалтер прежде всего гражданин, и, во-вторых, кто платит, тот и музыку заказывает. Случается, должности бухгалтеров занимают люди с узким кругозором, равнодушные. Таким работникам кажется, что государственные рубли перекладываются из одного государственного кармана в другой. Настоящий финансист не деньги считает, а дела.

Подавив смущение, я признался:

— Есть у меня набросок сценария. Надо сделать опись ущербных домов, разработать план мероприятий по озеленению, по эстетическому облику дворов и улиц, создать комиссию. Среди пенсионеров обязательно есть архитекторы, художники, строители. Ведь даже дерево посадить надо в нужном месте, газон оформить, детскую площадку надо умеючи. Пионеры помогут нам найти достопримечательные дома. Понимаете, хочется

видеть улицы, какими они были во все времена, хотя бы по одной улочке, показательной. Вы согласны со мной?

— Молодой человек, если бы я не был согласен с вами, я не ожидал бы вас здесь лишних восемь месяцев. Ушел бы на пенсию — и мое дело сторона.—Он снял вдруг запотевшие очки и стал тщательно протирать их. — Ваше рабочее место отныне будет здесь, — постучал роговой оправой по крышке своего стола. — Мне же пора следить за ростом внуков и внучек. Ведь у них будут свои сценарии, — улыбнулся. Надев очки, он вдруг с неестественным оптимизмом произнес: — У вас замечательный сценарий. Большой опыт на базе нашего ЖЭКа обязательно выдвинет вас на решение задач еще больших масштабов...

Я качал головой. Неестественное оживление спадало с лица Пантелеймона Михайловича.

— Не соблазняйте властью. Не надо. Я так понимаю: чем больше власти, тем больше ответственности. Как можно думать о большом деле, не испытав себя в малом?

Я был не совсем искренен. Неплохо бы, конечно, поработать масштабно. Но «дела любят последовательность», любил повторять Осинин. Сначала надо войти в работу, потом поступить в институт, показать себя в деле. Я не стал рассказывать банальный график продвижения по службе потому, что Пантелеймон Михайлович и без слов отлично понимал меня.

— Извините, — смутился он, — мне долго казалось, что место бухгалтера в ЖЭКе вы считали, как нынче говорят, не престижным.

— Оно не престижнее других. И вообще, пора нам работать, а не заниматься словесами.

Пантелеймон Михайлович попросил меня написать заявление о приеме на работу и сообщил, что этот день будет считать полным рабочим днем, хотя я пришел с опозданием. Он был убежден, что не обманывает государство: ведь я, Виктор Шатурнов, много сил потратил на обдумывание своих задач в ЖЭКе и это надо окупить.

— Вам предстоит восстанавливать, что стерло время, — сказал он, подойдя к железному ящику зеленого цвета. — Время стерло, но документы остались. — Откинул тяжелую крышку ящика. — Поэтому примите в дар мою коллекцию с историческими справками, чертежами и фотографиями домов нашего города.

Я заглянул в ящик и увидел там корешки папок, похожие на клавиши с названиями улиц: Ординарная, Гатчинская, Подковырова, Бармалеева...

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПАРТНЕРЫ 3
ЦЕНА ВЫСТРЕЛА 21
ПОСЛЕДНЕЕ ПОСТРОЕНИЕ 49

ДЛЯ СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Круговов Вадим Иванович

ПОСЛЕДНЕЕ ПОСТРОЕНИЕ

Ответственный редактор И. И. Трофимкин.
Художественный редактор В. П. Дроздов.
Технический редактор О. Е. Иванова.
Корректоры В. Г. Арутюнян и Л. А. Бочкарёва.

ИБ 8120

Сдано в набор 21.03.84. Подписано к печати 10.12.84. Формат 70×100$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 2. Шрифт литературный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,8. Усл. кр.-отт. 16,9. Уч.-изд. л. 7,75. Тираж 100 000 экз. М-33232. Заказ № 642. Цена 45 коп. Ленинградское отделение орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательства «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

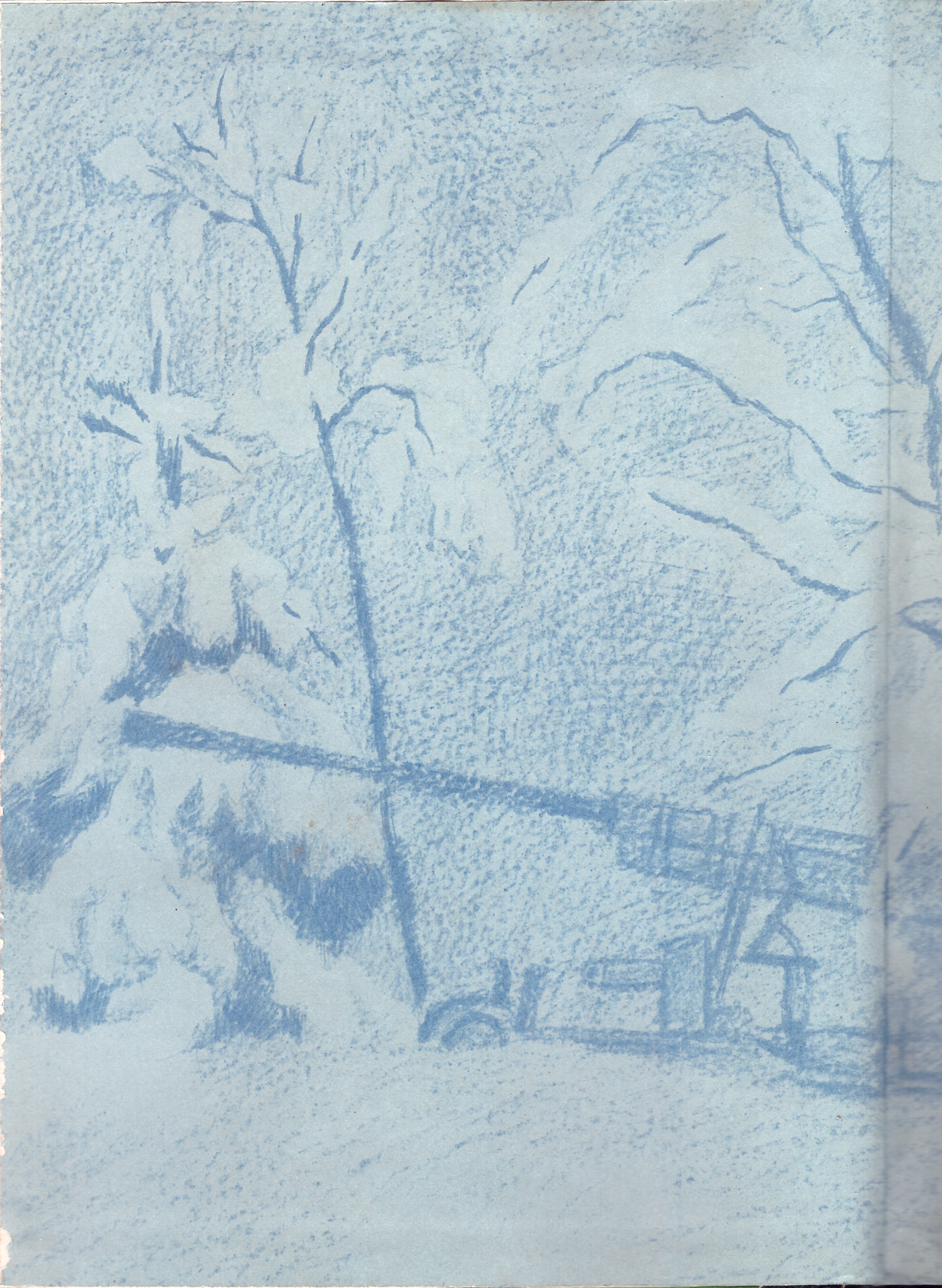
Круговов В. И.

К 84 Последнее построение: Повесть/Рис. и оформл. О. Титова. — Л.: Дет. лит., 1985. — 96 с., ил.

В пер.: 45 коп.

Герой повести, окончив десятилетку с математическим уклоном, решает «пересидеть» некоторое время в ЖЭКе на месте бухгалтера. Вскоре его призывают на службу в армию. Здесь в артиллерийском полку он взрослеет, мужает не только физически, но и духовно.

4803010102—112
К ——————276—85 Р2
М101(03)—85



45 коп.

Издательство «Детская литература»